

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

Харьков: «Пролетарий». 1925

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*. Помощь в оцифровке – Валентина Резниченко.

Дореформенная орфография и написание имен собственных оригинала сохранены.

ЧАСТЬ I. Фракционная борьба в Якобинском клубе

1. Вопрос о Конституции. Якобинцы и «бешеные»
2. Борьба робеспьеровцев и Якобинцев против левых групп
3. Борьба робеспьеровцев и Якобинцев против левых групп (продолжение)
4. Попытка переворота со стороны левых
5. Дантонисты и робеспьеровцы
6. После гибели дантонистов

ЧАСТЬ II. Последние дни Якобинского клуба

1. Первые шаги реакции
2. Борьба за сохранение революционного правительства и террористического режима
3. Тщетная борьба с наступающей реакцией
4. Агония
5. Некоторые итоги

ЧАСТЬ I. ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА В ЯКОБИНСКОМ КЛУБЕ
По протоколам клуба¹

Великая драма французской революции имеет и свой наиболее трагический акт, каковым, несомненно, является промежуток времени от 31 мая 1793 г. по 27 июля 1794 г. (9-е термидора). Мы видим, как в течение этого времени якобинцы, захватившие власть путем вооруженного переворота, проявившие огромную энергию и решимость в деле организации революционного правительства, начинают самоистребительную борьбу друг с другом, и в этой борьбе гибнут. Каковы причины этого? Ведь, нельзя же согласиться, скажем, хотя бы с Кине и думать, что неограниченная диктатура и применение террора так ослепили якобинцев, что они в исступлении начали истреблять друг друга. Ведь, нельзя же думать, что самоистребление — удел всякой партии, употребившей для захвата власти революционное насилие, и организовавшей эту власть в виде революционной диктатуры, поддерживаемой, в числе других революционных мероприятий, и террором.

Конечно, не в этом лежит разгадка борьбы, происшедшей среди якобинцев. Якобинцы являлись выразителями интересов определенного слоя населения, именно — мелкой буржуазии.

Последняя, однако, представляет собою весьма пестрый конгломерат различных групп с весьма разнообразными интересами. И только этим и можно об'яснить ожесточенность борьбы между отдельными фракциями якобинцев, фракциями, возглавляемыми столь известными вождями — Робеспьером, Дантоном, Шометтом, Гэбэром, фракциями, которые ограждали собою отдельные группировки среди мелкой буржуазии.

В настоящей работе будет сделана попытка проследить, как протекала борьба между этими фракциями в центре и средоточии тогдашней политической жизни, в Якобинском Клубе, поскольку, конечно, следы этой борьбы сохранились в его протоколах.

Протоколы эти представляют непочатый угол интереснейших и мало доселе изученных материалов. При чтении их встают перед глазами, как живые якобинцы, эти мелкие торговцы и ремесленники, перед которыми долгое время трепетали все короли и князья Европы.

Что же касается нашей темы, то, как это ни странно, приступая к изучению протоколов с точки зрения отражения в них фракционной борьбы, приходится испытать некоторого рода разочарование. Представители различных фракций и даже вожди их, владея совершенно одинаковой фразеологией, обычно свои требования и мысли облачают в столь туманные и столь общие формы, что бывает весьма трудно за этими общереволюционными фразами увидеть настоящие побуждения и причины того или иного выступления. Социально-экономическая

¹ Настоящая работа была представлена в качестве доклада в семинарий т.Лукина в Институте Красной Профессуры В качестве источника использованы «Протоколы Якобинского Клуба», собранные Оларом (*La societie des jacobins, recueil de documents par Aulard*), т.т. V и VI (в ссылках — соответствующие римские цифры). В качестве пособий: Луи Блан «История французской революции» (в ссылках Л.Б. и римская цифра, обозначающая том), Олар «Политическая история французской революции», Кунов «Борьба классов и партий», Жорес «Конвент», вып. I (в ссылках— Жорес, в.I), *Jaures Histoire socialist*, т.IV. *Gnventin* (в ссылках — *Jaures* — Жорес) и некоторые другие сочинения, указанные в сносках под текстом.

подоплека фракционности проступает очень неявно и для ее более отчетливого очерчивания необходимо было бы привлечь другие, помимо протоколов клуба, материалы, например: протоколы Коммуны, газетные статьи и так далее. Но, поскольку в моем распоряжении имелись только протоколы клуба и, кроме того, результаты уже проделанной Куновым и Жоресом работыⁱ, приходится ограничиться этим материалом и на основании его рассматривать вопрос о фракционной борьбе.

I. Вопрос о конституции. Якобинцы и «бешеные»

В дни переворота 31 мая—2 июняⁱⁱ якобинцы были довольно единодушны. Так, 3 мая они единогласно вотировали по предложению Газенфранца неприкосновенность собственности и поклялись ее защищать. 31 мая общереволюционный под'ем охватил представителей всех течений. Билло-Варрен, Шабо, Бурдон из Уазы бросают одинаково революционные лозунги. 1 июня Общество имело вид боевого штаба. Одинаково всеми произносились речи, похожие на боевые приказания (V, 214, 215, 217, 220).

Одним из способов удержать захваченную власть и заручиться доверием масс для якобинцев было скорейшее принятие конституцииⁱⁱⁱ. Уже 3 июня неугомонный Шабо говорил об этом, как об одном из необходимейших мероприятий (V, 227).

10 июня, в день декретирования конституции, Робеспьер разразился целым хвалебным гимном в честь нового акта государственного законодательства. «Все добрые граждане, — говорил он, — просили конституции и боялись, что просьба их будет напрасна. Наконец, она была декретирована сегодня; она осуществила желания народа и мы можем теперь представить миру конституционный кодекс, бесконечно превосходящий все установления моральные и политические. Правда, конституция эта может быть еще усовершенствована, но все же она представляет собою прочную базу общественного блага и являет собою план возрождения Франции величественный и возвышенный... Вот наш ответ всем клеветникам, всем заговорщикам, обвиняющим нас в том, что мы хотим только анархии... Интриганы не желают нашей конституции, но мы ее поддержим и вокруг этого знамени объединятся все друзья свободы».

Оказалось, однако, что не все члены клуба держались столь высокого мнения о новой конституции. Непосредственно за выступлением Робеспьера выступил Шабо и несомненно не без влияния «бешеных» начал критиковать новую конституцию. Первым недостатком этой конституции Шабо, в согласии с Ру, считал то, что она «не гарантирует хлеба тем, кто его не имеет», что в ней недостает таких мер, «которые бы изгнали нищету из республики».

«Ведь, учредительное собрание, — говорил Шабо, — тоже декретировало конституцию и, однако, я имел несчастье видеть, как аристократия забрасывала бедноту грязью... Я имел несчастье видеть обездоленных людей, борющихся с отчаянием и тщетно сражающихся с эгоизмом и жестокосердием богатых... Своего рода убийство — сносить существование бедности и нищеты в республике. Первый недостаток конституции то, что она ничего не говорит о естественных правах человека».

Вторым недостатком ее Шабо считал то, что конституция оставляет на усмотрение законодателей вопрос о налогах, т.-е. иными словами, она не устанавливает обязательного прогрессивного налога. «Конституция, которую перед вами изложили, — закончил Шабо, — представляет собою некоторые зародыши блага и с известными исправлениями она может послужить базой для устройства общественного счастья. Все же я прошу ее отсрочки до тех пор, пока мы обсудим все то, что в ней есть губительного в глазах философов» (V, 246—248).

Сергей Михайлович Моносов

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

ⁱ Генрих Кунов, немецкий историк. В нашей библиотеке опубликованы его «Борьба классов и партий» (фрагменты, http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm#kunow) и «Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kunow_caffe.pdf).

ⁱⁱ 31 мая-2-июня 1793 года – кульминация многомесячной борьбы между так наз. жирондистами (в этом конфликте они представляли реакционную, «правую» сторону) и «левыми» монтаньярами. См, напр., А.Гордон, «Падение жирондистов» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/gord_girond.htm).

ⁱⁱⁱ О дебатах и принятии конституции см.: подборку документов «КОНСТИТУЦИЯ 1793 года: альтернативные проекты и прения» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/sagniac_loi.htm#constitution93), А.Олар и Ж.Жорес о Конституции 1793 (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/const_jores_aulard.pdf), А.Гордон, «Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г.» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon5.pdf>), Ф.Саньяк, «Гражданское законодательство Французской революции» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/sagniac_loi.htm). Основная работа, важная для понимания этой главы: Я.Захер, «Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_roux.pdf).

Как мы видим, этот отзыв Шабо о новой конституции очень далек от похвал, расточаемых ей Робеспьером; однако, последний, чувствуя, что Шабо выразил не свое мнение, а в данном случае подлаживался под настроение парижской бедноты, а выступление этой последней еще совсем недавно отдало власть в руки якобинцев, мягко согласился с Шабо и сказал: «Я заявляю, что также желаю обсуждения конституции и что не смотрю на нее как на работу законченную и сам готов прибавить к ней те демократические пункты, которых в ней недостает»... Для того, чтобы сгладить впечатление от выступления Шабо, робеспьерист Жанбон-Сен-Андре сказал: «Конституция соединит вокруг себя все умы, она носит в себе начало своего улучшения, и я полагаю, что сделанное Робеспьером предложение о методическом и детальном ее обсуждении не мало будет способствовать этому улучшению... Чего ждут от нас департаменты? Конституции. Их уверили, что якобинцы ее не желают, а вы докажете вашим братьям, что, борясь против той конституции, которую составили интриганы и которая еще более полна пороков, чем конституция 1789 г., вы только защищаете интересы народа...» (V, 249).^{iv}

Эти кратковременные прения в клубе были только цветочками, ягодки назревали в клубе Кордельеров и в секции Гравилье. Как известно, Жак Ру, кумир секции Гравилье и трибун обнищавших ремесленников (главным образом ленточников, населявших эту секцию), 25-го июня появился в Конвенте и произнес громовую речь против новой конституции. В этот раз Ру в Конвенте появился уже вторично. За два дня перед этим, в день окончательного принятия конституции, Ру, по настоянию Робеспьера, был удален из Конвента и его выступление было отложено. В тот день Робеспьер сказал: «Именно сегодня, в день согласия, в день торжества, когда все добрые граждане приходят поздравить нас с тем, что мы дали свободную конституцию народу, изгоним тех, кто хочет разделить патриотов» (Жорес, IV, 1596).

Но вечером того же дня Якобинский клуб «присоединился к предложению посетившей его делегации кордельеров и апплодировал их «рвению». Предложения же этой делегации носили на себе несомненную печать «экзальтизма»: «Прогоните знатных со всех военных и гражданских должностей, никогда наши солдаты не пойдут к победам под командой генералов — врагов свободы... В то время, как дома богатых представляют собою целые склады оружия и зерна, народ терпит недостаток и продовольствия и оружия... Знатные приказывают душить патриотов. Заставьте декретировать обновление всех штабов и в особенности добейтесь такого декрета, который осветил бы великий принцип «продовольствие — собственность народа», и который бы назначал смертную казнь скупщикам, учредите революционную армию из всех санкюлотов Парижа» (V, 273).

А через два дня в самом Конвенте Ру в таких выражениях громит новую конституцию: «На утверждение Суверена будет представлен конституционный акт, воспретили ли в нем спекуляцию? Нет. Определи ли вы, в чем состоит свобода торговли? Нет. Воспретили ли вы торговлю звонкой монетой? Нет. Прекрасно, мы вам заявляем, что вы ничего не сделали для счастья народа. Свобода — пустой призрак, если один класс людей может уморить другой с голоду. Равенство — пустой призрак, если богач благодаря монополиям, пользуется правом над жизнью и смертью себе подобных. Республика — пустой призрак, если контр-революционеры оперируют возрастающими со дня на день ценами, за которыми три четверти граждан не могут угнаться, не проливая слез. Для того, чтобы привязать санкюлота к республике и конституции, необходимо прекратить разбой торговли и сделать доступными ему съестные припасы... Сегодня Конвенту возвращено его достоинство, мы заклинаем вас спасением республики — поразите конституционным проклятием ажиотаж и спекулянтов. Вот уже четыре года только богатые пользуются выгодами революции; аристократия купцов более страшная, чем аристократия знати угнетает нас, и мы не видим конца их вымогательству; цены товаров растут ужасающим образом. Пришло время, когда смертный бой, ведущийся эгоизм против самого трудолюбивого класса, должен окончиться. Выскажитесь против спекулянтов и скупщиков, выскажитесь только, и санкюлоты заставят своими пиками выполнять ваши декреты. Неужели собственность мошенников священной человеческой жизни... Ведь имеют же право законодатели объявлять войну (т.е. устраивать резню людей), почему же не имеют они права помешать их угнетению и воспрепятствовать тому, чтобы морили голодом, тех, кто охраняет их очаги... Вы декретировали миллиардный принудительный заем у богатых, но если вы не вырвете с корнем Дерево спекуляции, если вы не наложите узды на алчность скупщиков, купец и капиталист завтра же, благодаря монополии и лихоимству, переложат эту сумму на санкюлотов. Вы нанесли удар не эгоистам, а санкюлотам».^v

^{iv} Подборки материалов по персоналиям: Жак Ру (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#JR>), Франсуа Шабо (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#chabot>), Андре Жанбон Сент-Андре (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#gb-s-an>).

^v Жак Ру, «Речь о причинах несчастий французской республики», с комментариями В.Маркова (http://vive-liberta.narod.ru/journal/roux_markow.pdf).

Конечно, эти речи не могли понравиться большинству якобинцев, но еще большей угрозой для них должно было показаться заявление Ру о том, что совершенно «напрасно говорят, будто рабочие получают плату сообразно с увеличением цены продуктов». «Правда, — говорил Ру, — есть некоторые рабочие, работа которых теперь оплачивается лучше, но много и таких, заработок которых со времени революции уменьшился, к тому же не все граждане рабочие и не все рабочие имеют работу. А среди тех, которые ее имеют, есть обремененные детьми, не могущими зарабатывать пропитание, женщины же зарабатывают не больше двадцати су в день». «Депутаты Горы, пройдите от третьих до девярых этажей этого революционного города и вы будете тронуты слезами и стенаниями огромного населения без хлеба, без одежды, доведенного до состояния несчастья и бедствия ажиотажем и спекуляцией, благодаря тому, что закон жесток по отношению к беднякам и создан богатыми для богатых...» Затем Ру переходит в наступление: в его словах слышится угроза и отчаяние изголодавшихся ремесленников и наемных рабочих: «Горе и позор XVIII века! Кто бы мог подумать, что представители французского народа, об'явивших войну тиранам внешним, были бы столь трусливы, чтобы не уничтожить тиранов внутренних. При господстве сартинов и флесселий правительство не потерпело бы того, чтобы заставляли народ платить за предметы первой необходимости в три раза дороже их цены... Национальный Конвент терпит, чтобы купец и богатый эгоист наносили смертельные удары, назначая произвольные цены за наиболее полезные для жизни предметы... Достаточно ажиотажа и скупщиков для того, чтобы разрушить здание республиканского закона. Хотите ли вы узаконить для нас наготу, отчаяние и голод? Неужели необходимо, чтобы роялисты и умеренные, под видом свободной торговли, пожирали мануфактуры и собственность, чтобы они завладевали зерном, лесами, виноградниками и даже кожей животных. Делегаты народа, не прекращайте позорным образом вашего движения вперед. Что касается нас, то мы поклянемся защищать свободу, равенство, единство и неразрывность республики и помогать санкюлотам, угнетаемым департаментами...» (Жорес, 1598—1601).

Ру не дали докончить этой речи, Тирион потребовал «удаления этого человека», так как он «проповедует принципы чудовищные и анархические». Но тот же Тирион, учитывая настроение стоящих за Ру масс, потребовал, чтобы «Комитету Законодательства было поручено составить доклад относительно средств уменьшения цен на продукты» (Жорес, 1601).

Высказанные в приведенной речи Ру взгляды имели своих защитников, вероятно, не только в секции Гравилье. Еще в феврале, в острый момент борьбы за максимум, когда в сопротивлении ему объединились и якобинцы и жирондисты, делегаты 48-ми секций, явившись в Конвент, заявляли: «Народ знает, что ораторы, выступающие в народных собраниях, декламирующие красивые речи и поучения, хорошо ужинают каждый день» (Жорес, 1022).

В мае месяце, когда уже и якобинцы, по тактическим соображениям, начали поддерживать требования масс о введении максимума, опять-таки делегаты от нескольких секций говорили: «есть другие аристократы, это все крупные купцы, все скупщики, банкиры и все имеющие что-нибудь. Нужно очистить от них землю отечества».²

28-го июня Робеспьер выступил в клубе и после небольшого вступления, в котором говорилось о единении, как средстве сохранить республику, он обрушился на Ру: «Клеветают на якобинцев, на монтаньяров, на кордельеров. Человек, прикрывающийся плащом патриотизма, намерения которого можно заподозрить, оскорбляет величие Конвента; под тем предлогом, что конституция не содержит законов против скупщиков, этот человек делает заключение, что она вообще не пригодна для народа, для которого она создана... Люди, любящие народ и ничего об этом не говорящие, люди трудящиеся без отдыха над народным благополучием и не хвастающиеся этим, эти люди будут очень удивлены, услышав, что их работа противонародна и представляет собою замаскированную аристократию. Но об этом можно было бы и не говорить, если бы интриган, удовлетворившись презрением, которым его облили, оставался бы в стыдливом молчании. Однако, утверждают, что этот человек явился в клуб Кордельеров, в это священное место, о котором молодые патриоты не говорят иначе, как с уважением, смешанным с некоторым ужасом, и там этот человек осмелился повторить оскорбления, претендующие на патриотизм, оскорбления, которые он уже изрыгал против конституции».

Сергей Михайлович Моносов

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

Харьков: «Пролетарий». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2003

² Тарле, «Рабочий класс в эпоху революции». Т. I, стр. 286.

Далее Робеспьер предупреждал против интриганов, прикрывающихся маской патриотизма и стремящихся к тому, чтобы низвергнуть революцию в пропасть. Затем, вспомнив о том, что Ру священник, он делает против него демагогический выпад: «Думаете ли вы, — вопрошает он, — что этот священник, избобличающий заодно с австрийцами лучших патриотов, может иметь достаточно чистое желание и лойяльное намерение?»^{vi}

На поддержку Робеспьеру выступил представитель левого центра Колло д'Эрбуа и обвинил Ру в том, что тот стремится вызвать беспорядок и восстановить анархию. Дантонист Лежандр обвинил гебертиста Русильона в том, что тот, являясь председателем клуба Кордельеров, дал Ру братский поцелуй. Русильон оправдывался, говоря: «Я был принужден поцеловать Ру, но никогда мне не казался поцелуй столь горьким» (V, 277—280).

Как мы видим, на этом заседании против «бешеных» создается единый якобинский фронт. «Для руководителей Горы ничего не могло быть более не кстати, чем это осуждение клубом Кордельеров, пользовавшимся таким высоким уважением в беднейших кругах населения, одобренной монтаньярами конституции. Такая агитация, полагали руководители Горы, в лучшем случае не допустима»... (Кунов, 495). По этим соображениям на следующем заседании Якобинского клуба была выбрана делегация для отправки в клуб Кордельеров на предмет воздействия на него. И в заседании 1 июля Колло д'Эрбуа уже делает отчет о результатах этой экспедиции: «Никогда, — говорит он, — братья (кордельеры) не высказывали столько дружелюбия и никогда прием, оказанный нам, не был столь лестным. На этот раз в клубе не было зачинщиков, одобрявших все наиболее злобные нападки на Конвент, не было тех... которые старались лишить Горы общественного доверия»...

Правда, по уверению самого Ру, в этот день в клуб Кордельеров явилось много подставных лиц, чем и объяснялся столь неблагоприятный для него, Ру, оборот, который приняло это заседание. Докладывая дальше о событиях, происшедших в клубе Кордельеров, Колло говорил: «Вы бы увидели там Гебера, потрясающего факелом истины над головой лицемера-священника и расплавленного покрывающую его маску, как грязную тину... Я всегда буду вспоминать эти филиппики, произнесенные Гебером: Парижане, вы жалуетесь, вы оплакиваете ваше положение, вы ропщете против ваших представителей, так подумайте же о ваших братьях в департаментах, ежедневно пробуждаемых грохотом пушек, осыпаемых пулями и не имеющих на день и двух унций хлеба... Вот как наставляют народ, не запугивая его напрасными страхами, способными ослабить его мужество и заставить его потерять все плоды своих трудов. Когда корабль достигнет пристани, пусть тогда направят внимание народа на нескольких разбойников, называемых скупщиками, которых мы уничтожим, когда настанет момент... Люди, разоблачавшие нас, были там и они были отвратительны, как преступление, они были сражены, как трусы, потерпевшие неудачу в нанесении задуманного ими удара и думали только в бегстве»... Однако, в дальнейшем из доклада Колло выясняется, что не все обстояло так благополучно, как он рассказывает. Оказывается, что «некоторые личности хотели взять на себя защиту фанатика-священника, мы заметили там Леклерка, которому вы сделали столько поблажек; этот молодой человек предался подлым инсинуациям и он был удален...»^{vii}

Переходя к петиции Ру, поданной в Конвент, Колло о ней говорит, что она «явилась пунктом объединения для всех аристократов»... «Общество Кордельеров, — говорил он, — воздало должное и священнику Ру и Леклерку. Оно сочло необходимым изгнать и Варлэ, однако о нем полагали, что он только введен в заблуждение, но имеет доброе сердце и оказал революции услуги»... По словам Колло, на Ру обрушились с обвинениями даже женщины, а между тем именно среди них, у него было много сторонниц. Одна гражданка «доказала, что Ру ничего не сделал для революции, она нарисовала картину, как люди, подобные ему, проникши в секции, меняли, как она выразилась, свой колпак, смотря по обстоятельствам». По, передаваемым Колло, словам этой женщины, люди, подобные Ру, до казни Людовика, говорили только о его голове, когда же Людовика казнили, то «у Ру на устах постоянно были слова о скупщиках». «Я не знаю, — закончил свой доклад Колло, — что он скажет нам через три недели, но, по моему мнению, его карьера кончена!»

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

Харьков: «Пролетарий». 1925

^{vi} Я.Захер, «Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_roux.pdf); он же, «Жан Варле во время якобинской диктатуры» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakh_varlet.pdf); он же, «Бешеные, их деятельность и историческое значение» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_enrages.pdf); Я.Старосельский, «Проблемы якобинской диктатуры» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/starsl_jc_1.htm).

^{vii} Жан-Мари Колло д'Эрбуа (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#CHrb>), Гебер – Жак-Рене Эбер (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#duchhbrt>), Теофиль Леклерк (http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lecl_teo).

После Колло выступил Русильон и сообщил о том, что кордельеры объявили составленную Ру петицию продиктованной фанатизмом и злонамерением, (V, 281, S4).

Колло ошибся: карьера Ру еще не была окончена. Правда, Коммуна отстранила его от редактирования своей официальной газеты и выразила ему порицание; правда, на него ополчился сам Марат, но в своей секции Ру продолжал пользоваться неизменным влиянием. После же смерти Марата Ру и Леклерк стали издавать газету «Публицист французской республики, издаваемый тенью Марата».

В начале августа Робеспьеру опять приходится выступать в клубе против Ру и Леклерка. Робеспьер защищает от их нападок Дантона, осыпая последнего похвалами. Что же касается оскорбителей Дантона, Ру и Леклерка, то по отношению к ним Робеспьер не находит достаточно сильных выражений: по его мнению, они являются наемниками враждебных держав. Намекая на издаваемый ими журнал, он говорит о них: «Двое людей, оплачиваемых врагами народа, наследовали или полагают, что наследовали писателю-патриоту... Но ожесточенность, с которой они изливают свои клеветы и некоторые сопоставления, которые можно сделать, доказывают их злоумышления. Этих людей следует вам назвать. Один из них — священник, человек, известный двумя ужасными поступками: во-первых, он хотел истребить всех купцов и лавочников, так как они, по его мнению, продают все слишком дорого, во-вторых, он хотел, чтобы народ отвернулся от конституции, потому что она несовершенна. Другой субъект — молодой человек, являющийся доказательством того, что развращенность может войти и в юные сердца, он имеет привлекательные внешние качества и очаровательные таланты - это Леклерк, сын бывшего знатного...» Леклерк, по мнению Робеспьера, прибыл в Париж для того, чтобы «интриговать и клеветать на Конвент», а в настоящее время «находится в сообщничестве с Ру». Эти два человека, обвиненные еще Маратом, для завоевания доверия народа применяют следующие способы: «Они никогда не упускают случая разоблачить, уже достаточно разоблаченного, врага народа фразами, весьма патриотическими, сказанными энергично и сильно, они заставляют народ поверить тому, что они, его новые друзья, более рьяны, чем другие; они расточают величайшие похвалы умершему Марату, чтобы унижить патриотов живых. Что значит для них похвалить покойника, когда можно клеветать на остающихся в живых» (V, 330).

Сила, с которой говорил Робеспьер, размеры его речи, демагогические и клеветнические приемы, которые он пускал в ход против Ру и Леклерка, показывают, что здесь дело шло о борьбе с серьезными противниками. Деятельность Ру сильно тревожила близкие к Робеспьеру круги. Страх и ненависть к этому трибуну бедноты были настолько велики, что против него не задумались пустить в ход ложное и совершенно нелепое обвинение в растрате сумм, принадлежащих клубу Кордельеров. Из этого испытания Ру, бессеребренник и нищий, вышел с торжеством. Это дало ему новую уверенность в своих силах и он попытался произвести в своей секции нечто вроде государственного переворота, что послужило поводом для новых нападков на него.

Уже 21 августа (переворот в секции Гравилье был произведен 19) Гебер выступил в клубе против Ру: «Этот бесчестный священник, — говорил он, — пользующийся в своей секции огромным влиянием, заставил ее вынести решение о представлении Конвенту адреса с тем, чтобы добиться отстранения секционных властей, и с тем, чтобы обвинить самого мэра в спекуляции». Выступивший после Гебера, Порталье заметил, что враги революции «нападают на революцию со всех пунктов, ею самую созданных, из народных обществ, из секций, из трибуналов», 367, 369).

На одном из первых сентябрьских заседаний клуба Дефье сообщил о постановлении Революционного Комитета секции Гравилье, извещающего, что Ру, обвиненный в контр-революционных деяниях, был допрошен и препровожден в тюрьму. После этого клубом немедленно была выделена комиссия для расследования совершенных Ру преступлений (V, 392).

Еще раз с вопросом о «бешеных» мы сталкиваемся в протоколах заседания клуба от 16 сентября. Один из секретарей клуба сообщил, что «Общество революционных женщин» приняло сторону Ру и Леклерка. Якобинец Ташеро сообщил, что председательница этого общества, гражданка Лакомб, выступив на одном собрании, требовала «конституции, конституции полностью и только конституции». Это сообщение дает новые указания относительно тактики «бешеных»: с тех пор, как применение конституции было отсрочено, «бешеные», видимо, изменили к ней свое отношение и стали настаивать на ее проведении в жизнь. Что враги якобинцев выдвигали этот лозунг, видно из речей Филиппе и Шабо, произнесенных ими в заседании клуба 4 августа. Филиппе тогда сказал, что «аристократы Лиона» желают «принятия конституции», а Шабо заявил, что «контр-революционеры могут желать в тех обстоятельствах, в каких находится Франция, установления конституции». (V, 327, 3-28).

Один член общества, выступив после Таширо, заявил, что гражданка Лакомб — весьма опасная контр-революционерка, так как, обладая значительным талантом красноречия, она нападает на установленные власти, осыпает насмешками Конвент и якобинцев. Другой член общества с возмущением начал читать один из номеров газеты Леклерка, но в этот момент было сообщено, что сама гражданка Лакомб находится на трибуне.

Однако, возмущение всех членов общества, по словам протокола, было так велико, что ей не дали говорить, и заседание пришлось прервать. По возобновлении его было постановлено препроводить гражданку Лакомб в Комитет Общественной Безопасности, а «Обществу революционных женщин» предложить очиститься от подозрительных элементов, проникающих на руководящие посты (V, 406, 407). Может быть, в связи именно с этими событиями в октябре месяце был издан декрет, один из пунктов которого запрещал женщинам организацию каких-либо обществ. (Декрет 9-го брюмера, V, 490).^{viii}

В сущности, это последнее, попадающееся в протоколах упоминание о «бешеных». Они были сражены и уничтожены. Якобинцы избавились от опасных врагов, но зато лишились поддержки беднейших слоев парижского населения, разоренных и обедневших ремесленников и рабочих, занятых в домашней промышленности, интересы которых «бешеные» защищали.

Мы видели, как ожесточенно и злобно, как беспощадно выступали якобинцы, без различия фракций, против «бешеных». По отношению к этим последним якобинцы проявляли боязнь и ненависть мелких собственников к людям, лишенным собственности и способным, вследствие этого, на всякие эксцессы. В этой борьбе наше сочувствие может быть на стороне «бешеных», некоторые заявления которых, как, например: «Свобода — пустой призрак, если один класс может другой морить с голоду, равенство — пустой призрак, если богач пользуется правом жизни и смерти над себе подобным», близки и понятны нам. Но историческая правда в этой борьбе была на стороне противников «бешеных». Последние являлись защитниками класса, обреченного на исчезновение, и поэтому могущего пред'являть, в сущности, только реакционные в экономическом отношении, требования. Вот почему во всем облике Жака Ру есть какие-то глубоко архаические черты, роднящие его частью с древнехристианскими сектантами, частью со средневековыми реформаторами. Когда, будучи арестованным, он попытался покончить с собой, и ему был задан вопрос, как он смог решиться на этот, отвергаемый всеми законами акт, он ответил, что «презирает здешнюю жизнь и предполагает, что в другой жизни друга свободы ожидает лучшая участь» (Жорес, 1699).

Поэтому, никак нельзя в «бешеных» и, в частности, в Ру видеть выразителей пролетарской идеологии. Нет, устами их говорили пролетаризированная мелкая буржуазия и рабочие, занятые в домашней промышленности. Недаром одним из требований программы «бешеных», поскольку можно говорить о такой программе, была помощь обнищавшим ремесленникам.

Правда, населявшие секцию Гравилье ленточники (оплот Жака Ру) уже страдали от введения в их производство машин, ленточных станков³. Однако, появление таких станков еще не знаменует возникновение подлинного пролетариата, напротив, небольшие машины вполне возможны к употреблению и в домашней промышленности и их применение здесь влечет за собой усиление эксплуатации кустаря⁴ и безработицу, что действительно роднит движение современного пролетариата с движением «бешеных», это то, что в нем принимали в большом числе участие и женщины и что сами «бешеные» относились к этому участию иначе, чем очень враждебные ему шометтисты. Но ведь домашняя промышленность знает эксплуатацию женского труда, особенно в отрасли производства предметов роскоши, стоит только указать на кружевниц, вышивальщиц и т.д.

II. Борьба робеспьеровцев и дантонистов против левых групп^{ix}

Мы видели, как дружно боролись все фракции якобинцев против «бешеных». После одержанной победы над «бешеными» началась борьба между отдельными фракциями якобинцев, поскольку теперь им не угрожала общая опасность. Левые? группы якобинцев, на которых ожесточенно нападали группы умеренные, обычно называют гебертистами, на самом деле эти последние представляли собою только одну группу якобинцев левой. Более влиятельной и более интересной группой являлись шометтисты, кроме того, к левым же можно причислить и последователей Клоотца.

^{viii} Клер Лакомб (http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#CL) и клуб революционных республиканок.

³ Тарле, «Рабочий класс во время революции», т. II, стр. 165, 251.

⁴ На примере английских чулочников, страдавших от особой формы эксплуатации, в результате применения в трикотажной промышленности машин — сдачи вязальных станков в аренду — это можно видеть очень ясно. Чулочники, как известно, составляли ядро разрушителей машин — луддитов. См. Дж.Рюде, «Народные низы в истории. Англия в 18 в. Переход к промышленному обществу. Промышленная Британия» (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>).

^{ix} Рекомендуемые материалы к этой главе: подборки документов «ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг.» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_classtrug.pdf), «ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.)» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_prod.pdf), М.Славин, «Эбертисты под ножом гильотины» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hebertistes_mslavin.htm).

Если робеспьеровцы опирались на Комитет Общественного Спасения, если группа левого центра имела свою опору в Комитете Безопасности, то левая группа якобинцев поддерживалась Коммуной и военным министерством. В Коммуне большинство принадлежало к сторонникам Шометта, защищавшим интересы малоимущих слоев парижской мелкой буржуазии: ремесленников с малым числом подмастерьев, мелких торговцев нашего палаточного типа.

Положение этих слоев населения, в связи с хозяйственной разрухой, последствием революции, было очень тяжелым, поэтому Шометт и его группа, не в пример Геберу, уделяли большое внимание вопросам экономическим и социальным. Порою в речах Шометта слышатся нотки, созвучные с мотивами агитации Ру, и если забыть, что за Шометтом стоят хотя и мелкие, но все же собственники, а за Ру люди, этой собственности лишенные, то никак нельзя понять враждебности шометтистов к «бешеным».

В одном из своих выступлений Шометт говорил: «Революцию сделал бедный класс в несравненно большей мере, чем богатый, но в то время, как вокруг бедняка все изменилось, он сам находится в прежнем положении, он ничего не приобрел от революции, кроме права жаловаться на свою нищету... Революция, давшая свободу богатому, принесла ему выгоду, правда, она и бедным принесла свободу и равенство. Но, чтобы жить свободно, надо иметь возможность существовать, а если нет разумного соответствия между ценой, получаемой рабочим за труд и ценой необходимых продуктов, он не может существовать». В общем, по мнению Шометта, необходимо добиться того, чтобы трудящемуся жилось лучше, чем раньше, и только тогда он делается сторонником революции: «Единственный способ для того, поставить трудящегося в такое положение, чтобы у него была надежда сделаться самому в один прекрасный день мелким собственником» (Кунов, 493).

Этих мелких собственников и берет под свою защиту Шометт и опять его речи очень напоминают речи Ру. Жалуясь на то, что закон о твердых ценах не выполняется купцами, он заявляет: «Я не говорю о мелких торговцах, я нападаю исключительно на торговцев крупных, банкиров, пайщиков, этих пиявок народа, всегда основывающих свое счастье на его несчастье» (Жорес, 1700).^x

Группа Шометта усиленно занималась разработкой конкретных мероприятий, могущих облегчить тяжелое положение бедняков и малоимущих. Луи Блан, не понимая этого, находит, что Шометт «заходил слишком далеко, когда... выражал желание, чтобы все сады были засажены картофелем...» Персонифицируя деятельность шометтистов в самом Шометте, Луи Блан именно ему приписывает введение выпечки «хлеба равенства». (Л.Б. IX, 388). Шометтисты добились формирования «Революционной армии», предназначенной для борьбы с продовольственной разрухой и контр-революцией⁵.

Шометтисты желали, чтобы от налогового бремени освобождались низшие ступени дохода и чтобы богатые облагались беспощадно: они стремились к тому, чтобы городские доходы.

На этом заседании Буассель говорил о недобросовестности фермеров, сбывавших проросшее зерно, что является одной из причин продовольственного кризиса. Выступивший после этого Брише сказал, что с организацией продовольственной армии все такого сорта злоупотребления исчезнут. Отряд этой армии, явившись в какую-либо деревню, спросит, богат ли фермер. Если ответ будет утвердительный, фермера можно смело казнить, ибо его богатство означает то, что он спекулянт (V, 457), использовались для покупки дешевого хлеба, устройства больниц и других учреждений социальной помощи, для организации общественных работ.

Иногда у шометтистов проскальзывает мысль о необходимости национализировать фабрики. «Республика имеет нечто более ценное (чем золото и ассигнации) — это рабочие руки... необходимые для того, чтобы приводить в движение фабрики и мануфактуры. Прекрасно, если эти личности (владельцы фабрик) оставят свои фабрики, республика завладеет ими и реквизирует сырье»...

Шометтисты готовили петицию в Конвент, при чем в ней они просили его обратить внимание на сырье и фабрику и жалуюсь на владельцев этих фабрик, предлагали взять их в распоряжение республики, не имеющей недостатка в рабочих руках (Жорес, 1701).

Эти мероприятия, конечно, нельзя назвать социалистическими, они продиктованы тяжелым положением республики, желанием запугать ее врагов и помочь безработным. Подобные же проекты выдвигались представителями и других якобинских групп; так дантонист Бодо угрожал фабрикантам: «Пусть они знают, что если понадобится, нация сама завладеет фабриками, принявши меры по снабжению продовольствием производительного класса, населяющего мастерские» (Жорес, 1705).

^x Пьер Гаспар (Анксагор) Шометт (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chm>).

⁵ Как представляли себе левые деятельность этой армии, показывает выступление в Якобинском Клубе Брише (14 октября 1793 года).

Если бы программа шометтистов относительно обложение имущих и расходования городских средств на удовлетворении нужд малоимущих граждан была бы проведена в жизнь, то эти мероприятия легли бы тяжелым бременем на зажиточные слои мелкой буржуазии, интересы которой защищали фракции Дантона и Робеспьера. После установления якобинской диктатуры именно эти группы являлись наиболее зажиточными слоями парижского населения: крупной буржуазии в Париже было всегда мало, а финансовые воротилы и дворяне или исчезли, или были разорены. Этим объясняется столь ожесточенная вражда умеренных групп якобинцев к проповедуемым левыми мероприятиям, называемым умеренными «мерами ультрареволюционными».

Кроме того шометтистов с дантонистами сталкивало отношение первых к вопросам нравственности, в качестве мелких собственников, маленьких хозяйчиков, добрых мелких буржуа, шометтисты были абсолютно нетерпимы ко всему, что по их мнению оскорбляло и общественную и семейную нравственность. «Городской прокурор (Шометт) горячо отдался чистке Парижа, уничтожению кабаков, игорных домов, домов терпимости, борьбе с распущенностью».

«Он преследовал, — говорит о нем Луи Блан, — до последних ее притонов проституцию, которую называл общественной чумой... Он принял чрезвычайно строгие меры против продавцов неприличных книг и изображений. Он предложил заменить морг учреждением, в котором жертвы преступления или судьбы были бы избавлены от скандального выставления на показ...» (Л.Б. IX, 387).

Шометт с негодованием обрушился на некоторых черезчур рьяных патриотов, желавших носить фригийскую шапку и мужской костюм. «С каких это пор, — говорил он, — стало позволено отречься от своего пола, с каких пор стало пристойно матерям оставлять честную заботу о своем хозяйстве и колыбель своих младенцев, а самим шляться по общественным местам. Разве природа вверила охрану домашнего очага мужчине, разве она дала нам грудь для вскармливания наших детей...» (Л.Б. IX, 387).

Уже в этих взглядах на нравственность должна была замечаться разница между Шометтом и Гебером. Последний в качестве представителя интеллигентного пролетариата и люмпен-пролетариата, т.-е. низов богемы, столь многочисленной в Париже (Люстало насчитывал лиц этого рода в Париже до сорока тысяч человек, Кунов, 42), был весьма равнодушен к вопросам нравственности и к проповеди республиканской добродетели. Что же касается вопросов экономических и социальных, Гебер ими занимался очень мало и большей частью при разрешении их плелся в хвосте Шометта. «Но, по крайней мере, — говорит о нем Жорес, — взамен высших принципов администрации и военной тактики (отсутствующих у него), имел ли гебертизм план социальных преобразований... имел ли он какую-нибудь мысль, или формулу о том, как поддержать бедняков, воспитать пролетариев, как сопротивляться олигархическому игу собственников? Я ее ищу, но нахожу только бессвязный лепет и отрицание...» (Жорес, 1696).

Во время борьбы Коммуны с «бешеными» Гебер, вместе с Шометтом, защищает мелких собственников. В своей газете он пишет: «Эти скупщики, где они? В Париже? Нет, проклятие, они в больших торговых городах, именно там, чорт их дери, нужно искать их, а не в Париже, где существуют только мелочные торговцы...» (Жорес, 1612).

Сила Гебера заключалась, как известно, в умении излагать языком населения предместий все наиболее ходовые мысли своего времени и разъяснять текущие события. Все его требования сводились к беспощадным террористическим мероприятиям как к борьбе с религией и ее служителями. Именно делом его группы было введение культа Разума, закрытие церквей и вся антирелигиозная политика Коммуны. Впрочем, эта политика встречала полное сочувствие и поддержку со стороны вождей и шометтистского большинства Коммуны...

Исходя из наличия у гебертистов и шометтистов атеистических взглядов, обыкновенно к ним причисляют, но причисляют совершенно неправильно, и Клоотца.^{xi} Этот «оратор рода человеческого», «личный враг бога», немецкий барон и крупный банкир, как мы видим, и по своему социальному положению представлял собою нечто совершенно отличное от кругов населения, представляемых шометтистами и гебертистами. Клоотц внес в революцию благородный и несколько эстетический либерализм крупных бар XVIII века, но либерализм, доведенный до анархизма. Его социальные взгляды тесно связаны с его общефилософскими представлениями.

«Все, что есть в природе, вечно и неистребимо, как она сама. Великое «Все» совершенно, несмотря на видимые или относительные недостатки его изменений... Мы никогда не умрем, мы будем вечно перемещаться в бесконечном воспроизведении существ, пригреваемых природой в своем лоне... Другого «Вечного», кроме мира, нет; прибавлять непостижимое «Теос» к непостижимому «Космос» только удваивать затруднение, не разрешая его... Говорят, «всякое произведение указывает на существование работника», но я отрицаю, что вселенная — произведение, и утверждаю, что она существо «Вечное». (Л.Б. IX, 390).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

^{xi} Жан-Батист (Анахарсис) Клоотс (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref.htm#cloots>).

Такова основа материалистического понимания мира Клоотцем. «Владыкой земли является человеческий род, — учил Клоотц, — но не теперешний человеческий род, а возрожденный и освободившийся от всех уз... Это освобождение должно быть всеобщим, ибо отдельный индивидуум не может быть вполне свободным, когда он — один; малое число индивидуумов не могут долги оставаться свободными... Мы не свободны, если пограничные рубежи останавливают нас в 20—10 верстах от нашего дома, если наше спокойствие — под угрозой вторжения, если наш отдых нарушен, нашему доходу причинен убыток военными силами, если наша торговля прервана неприятелями и наша промышленность стеснена в узком кругу той или иной страны»... «Человеческий род — бог». Но среди рода человеческого есть избранный народ, на который пал жребий повести человечество к возрождению, этот народ — французы. «Я имею в виду возрожденный человеческий род, когда говорю о народе-боге, колыбелью и сборным пунктом которого является Франция». (Жорес, 1514). «Французский язык должен быть языком всемирным, что касается меня, я льщу себя тем, что никогда не знал хорошо своего родного языка... Точка опоры, которую тщетно искал Архимед, чтобы сдвинуть землю, и которую духовенство... нашло на небе, вы, братья мои, найдете во Франции для того, чтобы опрокинуть троны». (Л.Б. IX, 391).

По мнению Клоотца, даже внешность французов свидетельствует об их избранности. «Прочтите, что говорит Стерн о физической и нравственной природе парижан и взгляните на наш» поколение, никогда еще Париж не был населен таким большим числом красивых мужчин и женщин. Право, кажется, что философия придает красоту...» (Л.Б., IX, 191).

Распространить на весь мир «права человека», уничтожить рубежи между отдельными государствами, создать всемирную республику, изгнав властителей и уничтожив сословные перегородки, — вот задача, выпавшая на долю избранного французского народа. Именно Франция должна просветить всю Европу, освободив ее от тьмы предрассудков и заблуждений. «Сделаем для Европы, — писал Клоотц, — то, что мы сделали для Франции, просветим людей, освободим их от их заблуждений, и естественное ненависть между соседями превратится в любовь к общему закону, который никогда не преклонится перед яростью страстей, чисто местных» (Жорес, 1516). Данные самой природы должны помочь Франции в выполнении выпавшей на ее долю задачи. «Природа дала этой стране вино, той — зерно, одна страна обладает верхним течением реки, другая — ее устьем... И как потоки и моря сообщаются между собою естественным способом, так наша задача — улучшить это сообщение устройством дорог и каналов...».

Богатый банкир и крупный собственник Клоотц являлся врагом раздельческих тенденций мелких буржуа, он оспаривал «аграрный закон». По его мнению, будущее принадлежит лишь крупным капиталам, ибо только они могут переходить рубежи и передвижением сеопм от одной нации к другой упрочивать экономические связи будущего единого человечества. (Жорес, 1521)

Клоотц — враг не только мелкобуржуазного раздела имущества, но и их коммунистической общности: «Собственность вечна, как само общество; если человек будет трудиться только благодаря инстинкту, не будучи в своем труде заинтересован, мы будет иметь общность имущества, но такую, какую ее имеют животные. Пока человек работает, размышляя, никогда общность имущества, не будет введена среди нас». Та общность имущества, на которую ссылаются в древности, существовала только в государствах рабских, теократических или монашеских. (Жорес, 1525).

Исцеление всех социальных зол общества Клоотц ожидает только от уничтожения государства и связанного с этим прекращения войн и уничтожения милитаризма. «Мы имеем множество бедняков, потому что у нас слишком много границ и солдат. Фунт мяса или хлеба, потребленный в лагере, предполагает истребление десяти фунтов. Вечный мир поддержит постоянное соответствие между потреблением я потребителем, между работой и рабочим». (Жорес, 1526).

Не совсем понятно как, но международный мир должен повлечь за собой, по мнению Клоотца, уничтожение правительственного аппарата и, в первую очередь, исчезновение его хозяйственной функции: «Национальные имущества будут проданы и каждый будет управлять сам своим собственным имуществом, и не будет другого, имеющего меньше занятий чиновника, чем министр внутренних дел». «Мы сможем упразднить все комитеты и всех министров, и всеобщий характер нашего дела освободит нас от необходимости иметь правительство» (Жорес, 1526—27).

Быть может, самым оригинальным является то, что этот барчук-анархист был уверен в понятности и близости своих проповедей массам. «Санкюлотия меня поймет вполне, богачи меня не поймут», — говорил он. Впрочем, иметь многих сторонников он не надеялся. «Достаточно иметь, — говорил он, — двенадцать апостолов для того, чтобы пойти далеко в этом мире».

Клоотц при всем том был искренним демократом, и его демократизм был тесно связан с его общефилософскими взглядами: «Нам нужно только слово «Космос», чтобы стереть в порошок аристократию. Ничтожнейший крестьянин опровергает тысячи аристократических томов табакеркой в своем кармане и солонкой на своем столе». (Л.Б., IX, 390). Форум имеет больше цены, чем Конвент... Управляемые всегда являются в большей степени философами, чем управители... Истина сходит не с высоты небес, а с высоты трибун (для народа)». (Жорес, 1528).

Таково разнообразие группировок, обвиняемых названием гебертистов и называемых нами левыми якобинцами. Посмотрим же, как протекала в Якобинском клубе борьба между ними и якобинцами умеренными.

Летом и осенью 1793 года наличие общего врага — «бешеных» сдерживало проявление фракционной борьбы между якобинцами.

Так обстояло дело в Париже, но в далекой, охваченной пламенем гражданской войны, Вандее, несмотря на эту войну, борьба между различными группами якобинцев происходила. Борьба здесь протекала между двумя крайними фракциями якобинства — дантонистами, с одной стороны, и левыми — с другой.

Левые хотели здесь проводить в военном деле свои демократические принципы: «Массовое ополчение, пламенный призыв добровольцев под знамена, замена приемов методической войны силою одушевления, с отданием предпочтения в деле пользования солдатами энергии патриота над опытностью военачальника, вдохновению над стратегией, — словом, духу гражданскому над военным». (Л.Б., IX, 274). В этом сказывались вера левых в революционность и силу масс и их недоверие к специалистам-аристократам, желание вести революционную войну революционными методами и исключительно при помощи революционных сил.

В Вандее у левых имелся свой генерал — санкюлот Россионьоль, а центром их была Сомюрская Центральная Комиссия, члены которой, левые: Бурбот, Шудье, Ронсэн поддерживали Россионьоля. Напротив, Нантская Центральная Комиссия являлась оплотом дантонистов, доверяющих спецам и их поддерживающих» в числе последних был генерал-аристократ Канкло. Из дантонистов здесь действовали: Филиппе, Гупилло и Бурдон из Уазы.

Ожесточенность борьбы между фракциями дошли до того, что Россионьоль был арестован по обвинению в краже, и Бурдону, по своем возвращении в Париж, пришлось в Якобинском клубе давать отчет о вандейских событиях. Прения по этому вопросу имели место 11 сентября. Бурдон, собственно, уклонился от объяснений, ссылаясь на то, что объяснения эти даны им Коми-тету Общественного Спасения, но он же постарался уменьшить значение одержанных его врагом, Россионьолем, успехов. Поэтому он чрезвычайно пренебрежительно отозвался о вандейцах: «Армия, — говорил он, - из-за которой поднято столько шума, является лишь собранием свиней и людей, лишенных человеческого образа... Победы, на которые претендует Россионьоль, не так славны» как это воображают».

Дантон сразу понял всю нетактичность такого выступления своего единомышленника и заявил, что «аристократы, о которых говорил Бурдон, конечно, не свиньи, а люди, умеющие хорошо сражаться». В общем, Дантон пытался затушевать наличие острой партийной борьбы, и все неуспехи республиканцев относил за счет неправильной тактики и большого числа представителей народа при армии. «Я предлагаю, — сказал он, — Обществу высказать свое желание по поводу отзыва многочисленных комиссаров, находящихся в данное время в Вандее: двух или трех из них достаточно для обслуживания армий»...

Робеспьер определенно колебался: с одной стороны, он учитывал высоту революционного настроения Общества и его сочувствие, в эту пору, левым (выступления Бурдона прерывались шумом и криком), а с другой стороны, ему необходимо были выручить дантонистов, попавших в беду. Поэтому, начав говорить, Робеспьер, прежде всего, воздал должное патриотизму Бурдона, но в то же время признал совершение им ошибок. Россионьоля же он назвал жертвой злого умысла, но тут же кольнул и одного из дантонистов Гуппилло, сказав, что в затягивании Вандейской войны и в непринятии решительных мер (закон первого августа) виновны люди, имеющие в Вандее собственность, а таковым как раз и являлся Гуппилло.^{xii}

В конце заседания, когда одним патриотом было выдвинут против Бурдона обвинение в проявленном им когда-то желании изгнать Марата из Общества, Робеспьер прямо потребовал, чтобы рассмотрение этого вопроса было отложено.

Откровеннее всех в этих обстоятельствах держался Гебер: он открыто заявил, что Бурдон для него всегда являлся клеветником, а теперь он его называет кроме того и трусом, ибо Бурдон «предпочел честному оправданию покинуть трибуну и что-то бормотать про себя». Вслед за этим разразилась бурная сцена, продолжавшаяся, по словам протокола, «некоторое продолжительное время» (V, 398—402).

Сергей Михайлович Моносев

ОЧЕРКИ — ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

^{xii} Эта коллизия основательно представлена в книге М.Славина «Эбертисты под ножом гильотины» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hebertistes_mslavin.htm).
Харьков: «Пролетарий». 1925

Вскоре после вспышки фракционной борьбы, вызванной вандейскими событиями, Робеспьеру пришлось выступить в клубе, в связи с событиями в северной армии, с защитой системы диктатуры. В Конвенте несколько представителей напали на Комитет Общественного Спасения, обвиняя его в сокрытии неудач, понесенных на севере. По этому поводу выступивший в клубе умеренный якобинец Рессон заявил, что к интригам и заговорам, ведущимся против Комитета, причастны и кордельеры, что сам Гебер требует установления исполнительной власти конституционной и что автору соответствующей петицией в Конвент, Венсану, придется в этом деле оправдываться. Тогда на трибуну взошел Робеспьер и определенно заявил, что существует «секта людей, желающих довершить начатое бриссотинцами и правыми дело», что «они пользуются для осуществления своей цели членами Горы», «но народ не сделается их жертвой», «поведение Комитета, говорил Робеспьер, не нравится интриганам, тем хуже для них, оно нравится народу и этого достаточно... система организации конституционного министерства приведет только к роспуску самого Конвента; дать в руки министров всю власть, отведенную им по конституции, среди смятений и бурь, которыми мы окружены — значит позволить торжествовать интриганам за счет патриотов и уничтожать отечество под предлогом упрочения его спокойствия. Сам Питт для того, чтобы лучше нанести удар, должен был бы позаимствовать этот предлог... помните, якобинцы, что вы совершили революцию единственно для того, чтобы сделать ваших братьев свободными. Вы поддержите Гору, вы поддержите Комитет, который проявляет себя вполне достойным свободы, и таким образом совместно вами и одержит победу над всеми нападениями со стороны врагов народа... благодаря вам. Комитет заставил свободу восторжествовать и будет торжествовать вместе с нею» (V, 420—424).

Оказывается, что левые якобинцы, как и «бешеные», в известный момент выдвинули в качестве боевого лозунга проведение в жизнь конституции, и якобинцам умеренным пришлось взять на себя отстаивание системы диктатуры.

Однако, главнейшим вопросом, вокруг которого вращалась борьба в якобинском клубе в конце 1793 года, был вопрос религиозный. Но, прежде чем на этой почве разыгралось генеральное сражение, произошло несколько передовых стычек, к каковым, несомненно, можно отнести инцидент Шабо—Клоотц. Последний написал «Послание к батавским патриотам», в котором излагал известные нам взгляды; он просил Якобинский клуб напечатать это послание за счет клуба. Кем-то однако, было сделано предложение напечатать произведение Клоотца не на средства Общества, а на средства, собранные по подписке. Но и против этого предложения восстал Шабо. Он признал, что послание продиктовано пылким человеколюбием и патриотизмом чистейшей коды, но что всего послания в целом одобрить никак нельзя, так, например, по его мнению, прежде чем расширять границу республики, необходимо упрочить ее (V, Мб).

Успехи на антирелигиозном фронте, одержанные в октябре и в начале ноября, сильно ободрили левых и они под предводительством Гебера перешли в наступление. В заседании 9 ноября Гебер напал на умеренного Фрерона, который, по его мнению, не является бестрепетным защитником прав народа, власть его опьяняет, и он злоупотребляет ею. Фрерон, по мнению Гебера, — «только аристократ и щеголь».

Следующей жертвой Гебера был редактор «Газеты Горы». Лаво. Его Гебер обвинял в том, что корреспонденции из Швейцарии, напечатанные в руководимом Лаво журнале, могут посеять неприязнь между швейцарцами и французами. Действительно, нейтралитет Швейцарии для Франции, воюющей чуть-ли не со всей Европой, был чрезвычайно важен, но истинная причина нападения Гебера на Лаво заключалась не в этом. Дело заключалось в том, что, по словам самого же Гебера, Лаво «открывал в своем журнале диспуты о неизвестном и абстрактном существе — боге». Словом, Лаво являлся противником насаждаемого гебертистами атеизма (V, 500—501).

Атаки, направленные против отдельных личностей, должны были перейти в общегенеральное сражение по всему анти-религиозному фронту, но тут в политической жизни произошел инцидент, отвлекший общее внимание от вопросов религиозных.

Два умеренных депутата, Шабо и Тюрио, испуганные арестом депутата Осселена, попытались провести в Конвенте декрет о том, чтобы ни один член Конвента не был арестован, не будучи предварительно заслушан самим Конвентом. Такого рода предложение не могло не беспокоить левых, ведущих атаку на отдельных членов Конвента. На другой же день в клубе выступил Дюфурни и заявил, что для патриотов «нет ничего более приятного, чем суровое выполнение революционных мер... уже давно террор поставлен в порядок дня... преследуют всех, кто злоумышляет против республики... Конвент не должен медлить, если от него зависит спасение народа. Некоторые члены собрания делают предложения, способные погубить все плоды нашей работы. Я утверждаю, что террор не должен прекратиться пока мы не достигнем мира. Желать умерить быстрое и спасительное движение, значит желать движения назад. Если Конвент смягчится, он будет наводнен петициями родственников и сторонников тех, кого содержат в арестных домах, и тогда те, кто способствовал аресту этих людей, будут сами подвергнуты наказанию или аресту... я приглашаю всех патриотов постоянно защищать революционные принципы и мешать Конвенту совершать слабости... я прошу всех монтаньяров Конвента,

являющихся членами Общества, сделать великое усилие и отринуть все проекты, направленные к умеренности».

В этом своем выступлении Дюфурни был поддержан Монто. «Конвент убежден, сказал Монто, что мы находимся в периоде революции, которую надо поддерживать. Отступить на один шаг, значит все погубить. Если вы остановитесь на мгновение, вы погибли. Средство, предложенное Тюрио и Шабо, контр-революционно...»

Выступавший после этого Гебер нанес последний удар умеренным. Вначале он процитировал слова Верньо: «В революции нельзя останавливаться, один понятный шаг погубит партию, которая ослабеет», затем он предложил воспользоваться этим спасительным, хотя и данным жирондистом, советом: «Должны ли мы губить жизнь? Для того, чтобы спасти республику, нужно применять суровые меры, нужно, чтобы виновные погибли или погибли бы те из них, которые являются членами Конвента, ибо они еще более виновны, чем другие Я заявляю, что смотрю, кик на контр-революционеров, на тех, кто хочет двинуть революцию назад» (V, 506—508).

После этих выступлений левые предложили подать Конвенту петицию, которая бы требовала: 1) установить равенство, предавая трибуналу вместе с главными виновниками всех соучастников, и особо сурово трактовать генералов и народных представителей, 2) поддерживать во всей их твердости все революционные меры, и Комитетам, на которых возложено проведение этих мер, в особенности же Комитету Общественной Безопасности, придать всю полноту власти и доверия, необходимых для подавления всяких попыток к восстанию со стороны правой...

Выступив по поводу этой петиции, Дюфурни сказал, что «главной ее целью является оживить общественное настроение и сохранить за Комитетом Безопасности все то доверие, которым он в виду выпавшей на его долю грандиозной задачи нуждается...».

В этих дискуссиях по поводу террористических мероприятия слышатся предвестия будущих грозных схваток по вопросу о терроре. Еще недавно, выступая как противники системы диктатуры, в данный момент гебертисты выступили с требованием применения самых анти-конституционных мер. Но если мы вспомним, что Комитет Общественной Безопасности являлся оплотом представителей левого центра, близких к гебертистам, то мы поймем, почему они предлагали именно этот Комитет облечь диктаторскими полномочиями и общим доверием. Поддерживая в лице левого центра врагов умеренных, гебертисты, однако, еще не решались атаковать вождя их, Робеспьера. На том же заседании, на котором обсуждался вопрос о петиции Конвенту, выступил Гебер и предложил якобинцам, намекая на Тюрио, отличать свинец от благородного золота: «Эти люди, сказал он, называются друзьями Робеспьера, но сам Робеспьер является только другом истины. Вот уже несколько дней интриганы вертятся около него и восстанавливают меня против него. Я недавно разоблачил Дюкенау, меня ввели в заблуждение. Робеспьер раз'яснил это мое заблуждение, и интриганы ухватились за этот предлог для того, чтобы убедить меня в том, что Робеспьер будто бы указал на меня, как на соучастника оплачиваемых Питтом агентов. Но я этому не верю, Робеспьер не позволит себе таких странных утверждений».

В результате всех этих прений и новых выступлений Гебера Тюрио был исключен из членов Общества.

Но левые одной жертвой не удовлетворились: на следующем же заседании (16 ноября) Дюфурни атаковал Шабо. Последнему было поставлено в вину то, что «он хотел восстановить правую под тем предлогом, что нужна оппозиция». «Обратим внимание на то, сказал Дюфурни, что Франция имеет не такое правительство, как Англия. Там интересы народа требуют существования оппозиционной партии, потому что там имеются министерские интересы; у нас, наоборот, единство республики требует совершенного отсутствия оппозиции. Обсуждение должно иметь место, но лишь в качестве средства упрочить общественное благо. Существует ли оппозиционная партия, существует ли правая у якобинцев или в каком-нибудь другом народном обществе? Конечно, нет, зачем же ей существовать в Конвенте».

Кроме того, против Шабо было выдвинуто обвинение и личного характера: он женился на иностранке, «австриячке», как раз тогда, когда ненависть к австрийцам была всеобщей. «Хотя частная жизнь какой-либо личности, сказал Дюфурни, не имеет ничего общего с жизнью политической, однако бывают случаи, когда нравственность представителя народа должна приниматься во внимание». В общем Дюфурни требовал назначения комиссии для расследования поведений Шабо (V, 517—520).

Во время этих прений, как и во время разбирательства вандейской склоки, сочувствие якобинцев было на стороне левых. Об этом свидетельствуют крики и ропот негодования, прерывающие выступления Шабо и Тюрио, и выражения одобрения, прерывающие и заключающие речи Дюфурни. Главным же показателем уклона настроения, господствующего в то время в Обществе, и являлось избрание на президентский пост самого Клоотца.

Робеспьеровцы поняли, что для защиты своих интересов пм необходимо немедленно вмешаться в дело, но напасть на террористические принципы левых — значило в это время потерять популярность, быть же в этой области решительнее левых для робеспьеровцев было невозможно. Оставалась религиозная политика гебертистов и Коммуны.

Этого сорта деятельность левых давно уже беспокоила круги, близкие к Робеспьеру. Для них религия являлась одним из устоев общества, ибо она облегчает эксплуатацию, гарантирует покорность эксплуатируемых. Ведь бог — хороший надсмотрщик за подмастерьями и приказчиками в отсутствие самого хозяина, и для зажиточных хозяйчиков, для средней руки торговцев типа близкого к Робеспьеру «столяра» Дюплэ, — это так важно. Тот же бог — хороший утешитель обездоленных, могущих без надежды этого утешителя совершить совсем нежелательные эксцессы. Именно эту мысль довольно ясно выразил Робеспьер, выступая в конце 1792 года в защиту бюджета вероисповеданий. «Человек, сказал он, претерпевающий превратности судьбы, ищет случайных утешений; при виде богача, удовлетворяющего все свои даже самые мелкие прихоти, потворствующего всем своим желаниям, тогда как он сам должен ограничивать все свои самые насущные потребности до пределов необходимого, бедняк решает, что в другой жизни его ждет столько радостей, сколько лишений на его долю выпало в этой...» (Жорес, Конвент, в.1, 185). В написанной по этому же вопросу статье Робеспьер развивал эту мысль так: «Им (бедным людям) придется просить религиозного подаяния, как они просят хлеба и работы; или, не имея возможности оплачивать труд священника, они вынуждены будут отказаться от его услуг, и это худшая из возможностей, так как именно тогда они почувствуют всю тяжесть нужды, отнимающей у них все блага жизни вплоть до надежды». (Там же, 187).

Робеспьер, видимо, допускал, что на религию можно смотреть, как на заблуждение, но поскольку бог — нравственный регулятор, он вещь весьма полезная: ели бы народ стал поступать иначе, он нанес бы великий вред своей нравственности, ибо всякий, кто ради соблазна отказывается даже от заблуждения, признаваемого им за истину, тем самым уже порочен... Открытое нападение на религию народа равносильно нападению на его нравственность...» (там же).^{xiii}

Когда «личный враг бога» сделался председателем Якобинского Общества, когда левые близкого и понятного массам бога попытались заменить хотя и воплощенным в образ красивой артистки, но все же отвлеченным, холодным «разумом», Робеспьер должен был выступить против этого.

Решившись положить конец успехам левых, Робеспьер выступил против них первоначально не в Якобинском клубе, сочувствие которого им, пока что, было очевидно, а в Конвенте. В докладе, сделанном здесь, Робеспьер попытался перенести всю тяжесть общественного внимания на вопросы политики внешней, он обрисовал величие революционной Франции и ее значение в международном масштабе, но из его слов выходило, что для поддержания этого значения необходимо воздержаться от компрометирования революции анархическими выходками. Правда, Робеспьер обращался с предупреждением и к умеренным, но со всею силою он обрушился главным образом на левых: «будьте революционерами и политиками, поступайте грозно с злонамеренными и оказывайте помощь несчастным, избегайте как жестокого модерантизма, так и систематических преувеличений лжепатриотов. Народ ненавидит все излишества, он не хочет быть ни обманываемым, ни покровительствуемым, он хочет, чтобы его защищали, уважая» (Л.Б. IX. 405—408).

Двадцатого ноября в самом Конвенте произошли анти-религиозные демонстрации, а на другой день, когда в клубе Гебер. Моморо и Дюфурни выступили по победу множества циркулирующих слухов, позволявших им предположить наличие контр-революционного заговора, который, по их мнению, возможно было подавить лишь суровейшими мерами против аристократов и в особенности священников, — с возражениями выступил Робеспьер.

«Правда ли, спросил он, что главнейшею причиною наших бед является фанатизм? Фанатизм... но ведь он издыхает, я мог бы даже сказать, что он мертв. Направляя в течение уже достаточно долгого времени все свое внимание исключительно на него, не отвращаем ли мы свое внимание от опасностей настоящих. Вы говорите, что боитесь священников, священники еще больше боятся успехов просвещения...» Затем явно намекая на епископа Гобеля, недавно отрекшегося от своего сана, Робеспьер заявил: «Вы неодинаково боитесь всех священников... Вы не боитесь епископов, еще столь недавно так привязанных к своим бенефициям, приносящим им 70.000 франков дохода, которыми они пожертвовали, как только доходы эти сократились до 6.000... опасайтесь не их прежней одежды, а их новой кожи...» «Нет, продолжал Робеспьер, не фанатизм является теперь главным предметом нашего беспокойства... фанатизм — животное жестокое и хитрое, оно бежит перед разумом, но начните преследовать его криком — и оно

^{xiii} Вопросам церкви и религии в эпоху Великой французской революции посвящено несколько работ Альфонса Олара: «Культ Разума и Верховного существа во время Великой французской революции» (http://narod.ru/disk/9182064000/aulard_relig2.pdf.html), «Церковь и Великая французская революция» (http://enlightment2005.narod.ru/arc/aulard_relig1.pdf). См. также о дехристианизации материалы в нашем сообществе (<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p45078822.htm#>).

возвратится обратно. А какой другой результат может породить этот внезапный и исключительный жар, этот преувеличенный и пустой пыл, с которым ведется борьба вот уже долгое время».

Далее Робеспьер взял под свою защиту свободу культа, заявив, что и целью Конвента является поддерживать эту свободу. «Нападают на священников, совершающих мессы, они будут совершать их еще дольше, если им будут препятствовать.» «Некоторые, — намекал оратор на Клоотца, — идут еще дальше, они хотят, под предлогом разрушения предрассудков, создать некий вид религии из самого атеизма... Общественный деятель будет сто раз безумцем, если одобрит эту систему. Конвент ее отринул. Конвент — не составитель книжек, не автор метафизических систем, он — корпорация политическая и демократическая, которой поручено заставить уважать не только права, но и нравы французского народа. Скажут, что я узкий ум, человек, полный предрассудков, кто знает, может быть, и фанатик, но я уже сказал, что я выступаю не как личность, не как философ, а как представитель народа, атеизм аристократичен, идея высшего существа, пекущегося об угнетенной невинности и карающе торжествующее преступление, идея демократическая (бурные аплодисменты). Народ, несчастные мне аплодируют; если я найду себе критиков, то только среди богатых и виновных в чем-либо. Я со школьной скамьи плохой католик, но я никогда не был холодным другом и надежным защитником человечества. Это только заставляет меня быть прочнее привязанным к идеям, мною только что изложенным. Если бы бога не было, его нужно было бы выдумать.

Ободренный сочувственным приемом, оказанным ему якобинцами, Робеспьер нападал все ожесточеннее и ожесточеннее на своих противников: «Мы должны бояться другого фанатизма, фанатизма людей безнравственных, поддерживаемых иностранными правительствами, поддерживаемых для того, чтобы пробудить настоящий фанатизм и придать нашей революции ту окраску безнравственности, которая характерна для наших жестоких и скверных врагов». Иностранные государства, полагал Робеспьер, обладают двумя родами оружия: одно — то, которым они сражаются на фронтах, «другое — более опасное, армия шпионов и оплачиваемых негодяев, проникающих всюду, вплоть до народных обществ».

«Начиная с 31 мая, со дня, когда возродился Конвент, они удвоили свои усилия для того, чтобы клеветать на истинных защитников республики, чтобы соблазнять их и чтобы опозорить и распустить Конвент. Вскоре эта гнусная мистификация будет разоблачена, пока же я ограничусь только несколькими штрихами, уже набросанными мною в только что произнесенной мною речи».

Однако, выступить с реальными обвинениями Робеспьер решился только против второстепенных персонажей левой — Прольи, Перейры и Дефье, относительно которых он потребовал, чтобы Общество очистило себя от «этой преступной орды». Если верить протоколу, то предложения Робеспьера были приняты с энтузиазмом (V, 526,531).

Несмотря на сильный нажим робеспьеровцев, левые не собирались сдавать свои позиции. 23 ноября Шометт выступил в Коммуне с речью «о публичных женщинах, сделавшихся богомолками, и стал уверять, что священники способны на все—на отравление патриотов, на поджог коммунальных зданий и национального казначейства». Затем им было проведено предложение о закрытии церквей всех вероисповеданий и недопущении к общественным обязанностям священников (Л.Б., IX, 414).

В это время у Робеспьера появился могучий союзник - возвратившийся из своего деревенского уединения Дантон. «Мы не для того, — сказал он, выступив в Конвенте, — хотели уничтожить суеверие, чтобы установить царство атеизма».

Вскоре Робеспьер снова обрушился на Прольи и Дефье, заявив, что пока он ограничится лишь тем, что «помешает всем контр-революционным поступкам людей, не имеющих других заслуг, кроме хвастанья своим антирелигиозным пылом». «Мы сорвем, — сказал он, — маску патриотизма с их гнусных физиономий, мы покажем народу, что такое нравственность этих людей, желающих искоренить всякую религиозную идею».

В качестве ответной диверсии, Дюфурни пытался атаковать Барерра, как члена Комитета Спасения, Робеспьеру удалось быстро прекратить эту неприятную дискуссию. Присутствующие на этом заседании Гебер и Шометт предпочли воздержаться от каких бы то ни было выступлений (V, Г 25—38).

Успех, сопровождавший выступления Робеспьера в Якобинском клубе, показал левым, что вспышка ненависти к духовенству была лишь временным настроением парижской мелкой буржуазии, что она обязана своим возникновением, вероятно, вандейским событиям, но что она не доказывала наличия у этой буржуазии прочного антирелигиозного убеждения. Левые сочли необходимым ударить отбой и начать отступление по всему фронту.

Шометт заявил на заседании Коммуны, что, будто бы, «внимательное наблюдение привело его к заключению, что воля народа не за атеизм» (Кунов, 520), а Гебер, во время прохождения им происходившей в эту пору чистки членов Общества, сказал: «Меня обвиняют в атеизме, я формально отвожу это обвинение, я заявляю, что проповедовал чтение евангелия для жителей деревни. Эта книга морали кажется мне заветом для того, чтобы быть совершенным якобинцем: на Христа я смотрю, как на основателя народных обществ» (V, 552).

Соответственно с этим отступлением, усиливался наступительный нажим со стороны умеренных. В начале декабря, на одном заседании по поводу вермишельного предложения, сделанного неким, даже не названным в протоколах Общества гражданином предложения, касающегося необходимости обеспечить через Конвент народные общества помещениями для собраний, выступил сам Дантон. Его речь дышала «модерантизмом». «Я оспариваю, — сказал он, — сделанное предложение. Граждане сходятся на собрания на основании прав, данных им природой, и они не должны прибегать ни к каким властям для устройства этих собраний Конституция временно как бы спит, до тех пор, пока народ занят нанесением ударов своим врагам и устраиванием их революционными мероприятиями. Такова моя мысль, на которую, я не сомневаюсь, клеветать не будут, но я прошу не верить тем, кто хочет вести народ за пределы революции и кто предлагает ультра-революционные меры».

Непосредственно после Дантона выступил Купэ и потребовал, чтобы Общество не слушало предложений, направленных к уменьшению суровости революционного курса; относительно ж помещений он полагал, что «народ — суверен и владелец всех благ, которыми, как говорят, владеет нация, поэтому он имеет право обращаться к установленным властям с тем, чтобы обеспечить себе возможность собираться».

Когда на трибуне снова появился Дантон, он был встречен ропотом негодования, это, однако, не помешало ему развить настоящую теорию независимости народных обществ: «Купэ, — говорил он, — сделал попытку извратить мое мнение, я никогда не хотел предложить прервать нерв революции, хотя я и сказал, что конституция пока должна как бы уснуть... Принципы, которые я высказал, были направлены к независимости народных обществ от всех властей, народные общества не должны ни откуда иметь содействия для получения помещений»...

Так как ропот против Дантона не прекращался, то он потребовал создания комиссии для расследования своего поведения, Робеспьер поспешил на помощь попавшему в беду союзнику; Дантон, — воскликнул он, — разве ты не знаешь, что чем больше проявляет человек мужества и патриотизма, тем больше враги жаждут его гибели! Кто является клеветниками? Люди, кажущиеся лишенными пороков, но никогда не проявлявшие добродетели... Если бы на защитников отечества не клеветали, это бы доказывало, что у нас больше нет ни священников, ни знатных, с которыми следовало бы бороться». В заключение своей речи Робеспьер потребовал, что бы все присутствовавшие высказались о Дантоне, и заседание закончилось братским поцелуем, полученным от председателя Дантоном при бурных аплодисментах всех присутствовавших (V, 541, 515).

Упрочив оказанной Дантону поддержкой свою связь с правыми, Робеспьер решился на новый выпад против левых, но так как Гебер и Шометт временно отступили с поля битвы, да, кроме того, первый вполне благополучно прошел чистку и был даже приветствуем аплодисментами, он решился напасть на Клоотца. Об'ект был выбран удачно: как уже говорилось, Клоотц и по своему социальному происхождению, и по проповедуемым доктринам был совершенно чужд мелко-буржуазным якобинцам. Временная вспышка антирелигиозной ненависти вознесла его на пост председателя клуба. Робеспьер очень ловко, хотя и демагогически, использовал против Клоотца и его иностранное происхождение, и его богатство. Впрочем, относительно иностранцев, проникавших в общество, Робеспьер говорил и раньше. Еще 6-го декабря он сказал по этому поводу: «Иностранец, прикрывающийся красной шапкой и вошедший в вашу среду для того, чтобы пронзить ваши сердца, разве он менее виновен, чем австрийский приспешник, вонзающий свой штык в грудь защитника свободы?» (V, 550).

И вот, когда проходящий чистку Клоотц на вопрос о месте его рождения ответил со своей обычной претенциозностью: «Я происхожу из Пруссии, будущего департамента Франции». Робеспьер жесточайшим образом обрушился на него: «Можем ли мы смотреть, как на патриота, на немецкого барона, — спрашивал он, — можем ли мы смотреть, как на санкюлота на человека, имеющего 100.000 ренты? Можем ли мы считать республиканцам человека, живущего среди банкиров и контр-революционных врагов Франции? Нет, граждане! Будем на страже по отношению к иностранцам, желающим показаться патриотами большими, чем сами французы.»

«Я обвиняю Клоотца, — продолжал Робеспьер, — в том, что он увеличивает число приверженцев федерализма. Его необыкновенные взгляды, упорство, с которым он говорит о всемирной республике, вдохновляющее завоевательный азарт, могут произвести то же впечатление, что и мятежные писания Бриссо и Ланжюинэ. Как Клоотц может заботиться о единстве республики и об интересах Франции, когда он, презирая звание французского гражданина, желает быть гражданином мира?» И затем, совершая абсолютное недопустимое передергивание, Робеспьер сказал: «Если он — хороший француз, хотел ли бы он, чтобы мы отважились на войну со всем миром, хотел ли бы он, чтобы мы сделали французским департаментом Мономотопа, хотел ли бы он, чтобы мы объявили войну всей земле и всем стихиям? Эти идеи, претендующие на то, чтобы быть философскими, могли ли они придти в голову человеку разумному или просто порядочному?»

Перейдя к антирелигиозной политике, вдохновителем которой, по мнению Робеспьера, был Клоотц, он напал одновременно и на бывшего епископа Гобеля: «Мы знаем твои визиты, Клоотц, мы знаем твои ночные собрания, мы знаем, как ты под покровом ночи, вместе с Гобелем, подготовлял философские маскарады, ты предвидел, какие ужасные последствия могут иметь эти ужасные поступки... Граждане, посмотрите ли вы, как на патриота, на иностранца, желающего быть большим демократом, чем французы, на человека, которого видят то среди Болота, то выше самой Горы? Клоотц никогда не был на Горе, он был то выше ее, то ниже ее. Наши враги, поднявшиеся выше Горы, атакуют нас с тыла, для того, чтобы нанести нам смертельный удар».

Робеспьер сетовал на то, что к Клоотцу не были применены ни законы против иностранцев, ни против знатных; мало того, во время издания этих законов, Клоотц оказался президентом Общества. Вообще, иностранные державы, полагал Робеспьер, имеют среди якобинцев «своих шпионов, министров, казначеев и милицию, и бестрепетные патриоты, друзья свободы, постоянно подвержены тысячам опасностей». «Париж кишит интриганам, — закончил Робеспьер, — они сидят среди нас, вместе с агентами Фридриха. Клоотц — пруссак, я изобразил вам его политическую жизнь — произносите ваш приговор».

Приговор был произнесен: Клоотц был единодушно исключен из числа членов Общества (У, 551—557).

III. Борьба робеспьеровцев и дантонистов против левых групп (продолжение)

Со середины декабря фракционная борьба среди якобинцев принимает новое направление. Потерпев поражение по вопросу о религиозной политике, левые направили свои удары на отношения умеренных к террору. Объектом нападения левых, в данном случае, были, главным образом, дантонисты, выступившие противниками террора. Конечно, не нужно представлять их действительными, принципиальными врагами террористической политики. Всем известная легенда о покрасневшей, якобы, от крови Сене, представлявшейся глазам кающегося Дантона, — только легенда. Ведь Дантон был организатором Революционного Трибунала, ведь он голосовал за закон против подозрительных 3 декабря. Ведь женственно-нежный Камилл Демулен не задумался обречь на смерть жирондистов своими лживыми и голословными памфлетами. Ведь он не задумался сказать Прюдону в день казни гебертистов: «Я вышел из мэрии, желая разузнать, приняты ли необходимые меры к тому, чтобы гебертисты были непременно казнены. Вся сволочь на стороне этих негодяев, но я готовлю им плохую штуку, которая восстановит народ против них: я подал мысль носить по улицам на пике изображение трубки Дюшена».^{xiv}

Нет, неприемлемым для дантонистов террор сделался лишь тогда, когда он стал орудием углубления и расширения революции, глубже и шире, чем это им было нужно. Они, высоко квалифицированные, талантливые интеллигенты, получили от революции уже все то, что она могла им дать. Поэтому Демулен и полагал, «что для революции нет уже никаких препятствий, что все ее враги либо побеждены, либо обращены в новую веру» (Л.Б, X, 195).

Революция дала им полную возможность проявить свои способности, добиться видных общественных должностей и, наконец, она же дала им, никогда не знавшим, где преклонить голову, сынам богемы — значительные состояния. Ведь не напрасно дантонисту Д'Эглантину задали вопрос, во время прохождения им чистки, о размерах его состояния, и он ответил, что «этим состоянием он обязан исключительно своему таланту» (V, 559).

Слишком ярко выявленные уравнивательные тенденции шометтистов пугали дантонистов. Им, уже в силу характера их деятельности, настроенным индивидуалистически, не могли нравиться такие заявления левых, как заявления, сделанные Дюфурни в клубе 21 января: «Вы видите в заголовках всех государственных документов слова: «свобода, равенство», и вы будете иметь право из этого заключить, что равенство вытекает из свободы, в то время как, наоборот, свобода вытекает из равенства. Я предложил бы, чтобы якобинцы освятили своим при соединении единодушный крик всей Франции: «Да здравствую равенство, да здравствует единая и неделимая республика!» Я бы также предложил, чтобы в заголовке всех актов ставили слова: «равенство, свобода», взамен — «свобода, равенство»... (V, 617).

Дальнейшее развитие уравнивательной деятельности как раз могло угрожать «нажитым, благодаря талантам, благосостояниям». Ведь именно по предложению Дантона Конвент назначил смертную казнь за посягательство на собственность.

Сергей Михайлович Моносов

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

Харьков: «Пролетарий». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2003

^{xiv} Камил Демулен (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cdem>).

В общем, о социально-экономических взглядах дантонистов можно сказать немного; повидимому, они не очень интересовались этими вопросами, поскольку дело не шло о посягательствах на их имущество. Но один из них, правда, нечестный, Шабо высказал такие взгляды: «Мы желаем, чтобы все граждане, которые называются санкюлотами, наслаждались счастьем и благосостоянием, мы желаем, чтобы этот полезный класс получал помощь от богатых в меру возможности. Мы не хотим нарушать права собственности. Но каково наиболее священное из прав? — Право на существование. Мы хотим, чтобы уважали это право, давши хлеб всем несчастным»...

В этой части речи заметно влияние Ру, под которого, в момент произнесения этой речи, Шабо, в виду популярности идей «бешеных» в массах в это время, подлаживался. Во второй части своей речи Шабо заявлял: «Мы хотим, чтобы все люди, имеющие меньше 100.000 ливров собственности, были заинтересованы в поддержании нашего дела. Мы не будем обращать внимания на жалобы тех, кто имеет более 100.000 ренты; общее счастье вознаградит нас за эти жалобы. Мы скажем этим людям: согласитесь с тем, что мы составляем большинство, и если вы не будете толкать колеса Революции вместе с нами, мы вас изгоним из пределов республики, мы возьмем вашу собственность и разделим ее между санкюлотами»...

Чувствуя, что в этих разглагольствованиях он зашел слишком далеко, Шабо спохватывается: «Я здесь не проповедую аграрного закона. Если богатые не захотят разделить с нами благ, данных нашей революции, если они перестают быть членами нашей семьи, они не могут быть более собственниками. Конфисковал же Конвент собственность эмигрантов, не пожелавших разделить с вами опасности революции. Аристократы, восставшие против голоса патриотизма, должны быть приравнены к эмигрантам» (V, 227).

Воистину, все относительно: если для «бешеных» аристократами являлись все, «хорошо уживавшие каждый день», если шометтисты полагали, что от обложения в пользу Общества должны быть освобождены люди, получавшие 400 франков в год, то для Шабо этот минимум, если правильно понимать его, увеличивался до 100.000 ливров. Минимум, как видно, весьма солидный и, пожалуй, состояния, «созданные благодаря талантам», никогда не выходили за пределы этого минимума. Фабр Д'Эглантин об инциденте, о котором мы уже говорили, заявил, «что поставленная ему в вину роскошь ограничивается лишь вещами, для него приятными» (V, 559).

Ясно, что для такого сорта людей требования не только «бешеных», но и шометтистов были и чужды, и опасны, поскольку дальнейшее углубление революции могло привести к осуществлению желания левых, постольку дантонисты теперь делались противниками революции и того средства, которым левые думали углублять и укреплять революцию, — террора.

Пятого декабря вышел в свет первый номер «Старого Кордельера». Уже самым названием редактор журнала хотел показать, что это — не Кордельер, поддерживавший «бешеных», не Кордельер — опора гебертизма, а именно старый Кордельер, первых времен революции. В этом номере Демулен говорил о свободе печати, во втором, прикрывшись, по своему обыкновению, маской античности, напал на левых, желающих идти дальше истинных якобинцев: «Если якобинец Грах предлагал разделить две или три деревни, то бывший фельятинец Друз предлагал разделить двенадцать деревень; если Грах назначал цену на хлеб в 12 су, Друз назначал максимальную цену в 8 су». По мнению Демулена, идти на крайние революционные меры, значит обратить страну в то, что древние географы обозначали словами: «Там нет уже ни городов, ни жилищ, там только пустыни, дикари, льды или вулканы» (Л.Б., IX, 182—83).

Но если якобинцы изгнали из своей среды Клоотца, то это не значило, что они, по крайней мере, в это время, отнесутся сочувственно к столь явному модерантизму, хотя бы и проявленному популярным Демуленом. Когда наступил момент ему подвергнуться чистке, на него посыпался ряд обвинений, и, прежде всего, в дружбе со многими контр-революционерами и заступничестве за аристократов. Демулен отвечал, что он всегда почитал республику, но постоянно обманывался в людях, в таких, как Мирабо, Ламет и т.д., но всегда же сам первый и доносил на своих бывших друзей.

На его защиту пришлось выступать самому Робеспьеру который набросал портрет Демулена — интеллигента, отважного и слабого, доверчивого и разочаровывавшегося, но неизменно сочувствующего революции.

«Вместе с Демуленом, — сказал Робеспьер, — нужно рассматривать и его слабости, и его добродетели. Иногда слабый и доверчивый, часто храбрый и всегда республиканец, он является перед нашим взором последовательно другом Мирабо, Ламета, Диллона, но его же мы видим разбивающим эти идолы, которым он только что поклонялся... Словом, он любит свободу чувством, инстинктом». В заключение Робеспьер приглашал своего друга не быть впредь таким непостоянным и попытаться не обманываться в людях. Бурные аплодисменты присутствующих возвестили оставление Демулена членом Общества (V, 559—560).

В то время, как Робеспьер защищал Демулена, группа дантонистов повела подкоп под Комитет Общественного Спасения, срок полномочий которого истекал, и это был подкоп уже против самих робеспьеровцев. И сам Камилл в номере третьем «Кордельера» разразился градом намеков, полуприкрытых сравнений, описывая жестокость цезарей так, что под нею можно было подразумевать жестокость революционного правительства.

Фабр Д'Эглантин напал на Ронсена и его армию и добился ареста Венсана. С этими же событиями, несомненно, было связано, как кажется, совершенно случайное появление у решетки Конвента демонстрации просительниц за арестованных.

Отголоском всех этих событий в клубе явилось выступление 21 декабря Никола, члена Комитета Безопасности Сенского департамента, ярого сторонника Робеспьера. Никола формально обвинил Демулена в издании контр-революционных писаний, ходатайствовании за арестованных и в том, что он поносит революционные мероприятия, якобы совершаемые контр-революционерами в красных колпаках. Никола предложил исключить Камилла Демулена, и это предложение было препровождено в Комитет по чистке. После этого один из членов Общества потребовал изгнания Фабра Д'Эглантина, а Гебер, припомнив вандейские дела, напал на Бурдона, на Камилла Демулена и опять таки на Фабра Д'Эглантина. Камилла Демулена Гебер обвинял в издании журнала, в котором патриоты выставлялись карикатурным виде, обвинял его в том, что он военного министра Бушотта (левого) назвал Георгом, а Венсана — Питтом. Бушотта, — восклицал Гебер, — которому мы обязаны своими генералами-санкюлотами, избавившими нас от Вандеи, сравнивают в глупости с королем Георгом».

Фабра Д'Эглантина Гебер назвал хитрой змеей, изгибающейся на тысячи фасонов. По словам Гебера, существует какой-то заговор, направленный к тому, чтобы заключить в тюрьму патриотов, изготовить фальшивые, относящиеся к ним, документы, подготовить ложных против них свидетелей, и когда в этом хаосе Конвент окажется не в состоянии разобраться, фельянисты, аристократы и умеренные заставят издать закон о всеобщей амнистии».

К Дантону и Робеспьеру Гебер обращался со следующими словами: «Два человека владеют всем моим уважением и доверием — Робеспьер и Дантон — два столпа революции, и я приглашаю их больше не допускать проводить себя людям, укрывающимся под сенью их патриотизма». В результате этих выступлений было постановлено затребовать от всех обвиненных объяснений, а к арестованным Венсану и Ронсену послать депутацию с выражением доверия (V, 569—73).

На ближайшем заседании (23XII) на Камилла опять напали. На этот раз атаку против него повел только что возвратившийся из Лиона Колло. Он для достижения большего эффекта начал с того, что прочел сообщение Фуше о самоубийстве Гайяра, а затем стал призывать к энергичным мерам, необходимым для предупреждения новых несчастий. Что же касается Камилла, то о нем он сказал: «И вы полагаете, что автор этих писаний составил их по простоте душевной, вы полагаете, что люди, приводящие вам рассказы из античной истории, одновременно предлагающие вашему вниманию картины нашего времени, — патриоты? Нет! Человек, вынужденный обращаться к столь отдаленным временам, не может находиться на уровне современной революции. Хотят умерить движение революции... Разве можно управлять бурей? Нельзя и не должно останавливать ее порыва. Граждане, патриотизм должен быть всегда на одной и той же высоте; если он опустится хотя бы на одно мгновение, он — уже не патриотизм. Отринем дальше всякую мысль об умеренности, останемся якобинцами, останемся монтаньярами и спасем свободу». После этой речи произошла схватка между Левессером и Филиппе и, по словам протокола, «заседание сделалось очень бурным»... Затем выступивший Дантон, попытавшись внести успокоение, сказал, что «всеми этими раздорами воспользуются враги революции, а для того, чтобы они смогли извлечь из этих раздоров наименьшую пользу, необходимо сохранять полное хладнокровие».

Робеспьер также взывал к спокойствию и требовал, чтобы Филиппе был заслушан. «Разве вы не знаете, — говорил он, — что вас окружили иностранные правительства, что они поместили вас между двумя рифами — модерантизмом, навсегда побежденным, и немецким вероломством людей, желающих всемирной республики?» (V, 573—575).

Словом, Робеспьер всеми силами пытался спасти своих друзей справа, обратив внимание якобинцев на опасность слева, если не в лице гебертистов, реномэ которых стояло еще высоко, то в лице, в сущности уже уничтоженного Клоотца. Дантон же словами: «Все наши препирательства не убьют ни одного пруссака!» вновь напомнил о гибельности раздоров.

Камилл не принимал протянутой ему руки помощи; он или переоценивал свои силы, или полагал, что Робеспьер готов пожертвовать и собой, и интересами своей группы для спасения его, Камилла. Гебер, говоривший о заговоре, целью которого была общая амнистия, был по-своему прав: Камилл в номере четвергом «Кордельера» требовал создания Комитета Милосердия. «Вы хотите, — писал он, — чтобы я признал свободу и упал к ее ногам, так откройте тюремные двери гражданам, называемым подозрительными, ибо в декларации прав не говорится ни о каких домах

для подозрительных, а только об арестных домах»... «Свобода, это счастье, это разум, это равенство, справедливость, это наша высокая конституция».

Итак, теперь дантонист Демулен взывает и к конституции, и к правам человека, хотя еще недавно сам Дантон говорил, что конституция должна спать, пока народ борется с контр-революцией

По мнению же робеспьеровцев, правительство еще должно было оставаться правительством революционной диктатуры. Неумеренное поправление дантонистов откалывало от Робеспьера даже таких его горячих сторонников, как Никола или Левессер, ожесточая их против дантонистов. И вот, выступив в Конвенте с докладом о революционном правительстве, Робеспьер попытался прекратить этот уклон дантонистов вправо; одновременно он хотел отмежеваться от левых и предупредить против полевения своих собственных сторонников, имени к ним были обращены его слова: «Революционное правительство не имеет ничего общего ни с анархией, ни с беспорядком, напротив, цель его — их подавление» (Л.Б., X, 20). (Заседание 25 декабря).

В Якобинском же клубе Робеспьер, выступивший по вопросу о народных обществах, говорил: «Посещает ли их ежедневно народ или нет, их наполняет множество интриганов, и несколько появляющихся там патриотов оказываются мало просвещенными для того, чтобы бороться против этих интриганов. Народа там нет, так как, когда праздные и злонамеренные решают вопросы в этих обществах, народ находится в мастерских». Левый Моморо прекрасно понимал, куда метит Робеспьер, и заявил, что ставить препятствия организации обществ значит наносить удары принципу революции и священным правам народа.

Попробовав свою силу на оплоте левых народных обществ, Робеспьер перешел к нападению на них самих. Он обвинил левых в организации демонстраций с подачею Конвенту петиций об освобождении Ронсена, он опять говорил, что эти действия продиктованы Питтом, ибо они — проявление неуважения к народному представительству. Но Робеспьер чувствовал, что практика революционных переворотов уже сильно подорвала веру в неприкосновенность представительных учреждений; если было можно окружить Конвент пушками, требуя изгнания жирондистов, почему же теперь нельзя было обращаться с петициями к нему, требуя освобождения арестованных гебертистов. Поэтому Робеспьер и сказал, что «если во время кризисов народ и бывает вынужден вооружиться против некоторых представителей-изменников, само народное представительство священо». Однако, левым удалось взять свой реванш, в виде вынесения Обществом постановления о рассмотрении двух последних номеров «Старого Кордельера» (V, 578—581).

День суда над «Кордельером» настал 5 января. Докладчик специальной комиссии, расследовавшей поведение дантонистов, Колло Д'Эрбуа отнесся весьма сурово к Филиппе и снисходительно к Камиллу. Первого он предлагал исключить из Общества, о втором просил Общество лишь высказаться, приняв во внимание все заслуги этого «старого патриота». Кроме того, Колло потребовал, чтобы Общество цензурировало номера «Старого Кордельера» и чтобы Комитетом Общественного Спасения был составлен доклад об освобождении арестованных патриотов. По окончании этой дипломатической речи Гебер с криком: «Справедливость, справедливость!» бросился к трибуне. «Я скорее погибну, — воскликнул он, — чем уйду отсюда ранее оказания мне справедливости. Я ежедневно был обвиняем и называем нахальным грабителем и расхитителем общественного достояния».

В ответ Демулен прочел выписку из документов казначейства, говорящую об огромных суммах, полученных Гебером с военного министерства за рассылку своего журнала по армиям Робеспьер Младший, выразив свое удивление по поводу личного характера раздающихся нападков, не упустил, однако, случая кольнуть Гебера, намекнув на обвинение его в совершенной в прошлом краже контрамарок. Гебер, возведши глаза к небу, простонал: «Сегодня хотят меня убить!» На трибунах послышался сильный ропот. Дантон опять попытался умерить страсти, говоря: «Подчиним нашу частную ненависть общему интересу» (V, 590—595). «Прения были перенесены на следующее заседание».

Теперь выступил сам Робеспьер. Мягко, под видом отеческих упреков, вновь протягивал он Демулену руку помощи. «Демулен, — говорил он, — не заслужил той строгости применения которой по отношению к нему требуют, я даже думаю, что враждебно делу свободы — требовать его наказания, как большого виновника». Обращаясь к писаниям Демулена, Робеспьер пытался отвлечь внимание от автора и направить его на самое произведение и предложил сжечь инкриминируемый Демулена номер. Ни Камилл, опять не поняв и не учтя создавшегося положения, воскликнул: «Сжечь не значит ответить». Возмущенный таким непониманием и упорством, Робеспьер в свою очередь закричал: «Я не предлагаю больше сжигать журналы, но я предлагаю, чтобы Камилл за него ответил. Человек, так упорно цепляющийся за свои писания — больше, чем просто заблудившийся! Если бы он писал по простоте своего сердца, он не должен был бы осмелиться поддерживать свои писания, заклеянные патриотами и взыскиваемые всеми контр-революционерами Франции... Я прошу, чтобы журнал Камилла был прочтен, и если найдутся личности, желающие защищать изложенные в нем принципы, они будут заслушаны, но найдутся и патриоты, которые им ответят»...

Камилл понял совершенную им ошибку, но было поздно, напрасно он пытался играть словами: «Как ты говоришь, что одни аристократы читают мой журнал, его читает Гора, Конвент, значит, Гора — аристократы... Не читал ли ты и сам моих номеров?».

Робеспьер отвечал, что Камилл показывал ему не все номера. Дантон напрасно пытался поправить положение: «Камилл не должен, — говорил он, — пугаться немного строгих уроков, только-что данных ему Робеспьером... Осуждая Демулена, остерегайтесь нанести удар свободе прессы» (V, 596—600).

На следующем заседании зачитывались номера «Старого Кордельера». После резких слов Гебера: «Отрава — всегда отравка, против нее нужно противоядие», выступил Робеспьер и первоначально выразил свое удивление необыкновенной двойственности в писаниях Камилла. «Здесь превозносится мужество патриотизма там вскармливается надежда аристократов». Затем Робеспьер сказал, что для него очень мало значит, изгонят или же изгонят Демулена, ибо этот последний — только личность большее значение имеет то, чтобы истина была признана и свобода существовала. И без того слишком много занимаются личными вопросами. «Когда на нас устремлены взоры всех, следует думать только об общем интересе».

После этого Робеспьер снова перешел к вопросу об иностранных интригах и о вдохновляемых иностранцами двух враждебных революции партиях. «Те, кто имеет характер пылкий и склонный к преувеличению, требует мер ультра-революционных; кто имеет характер более мягкий, более умеренный, предлагает меры не революционные. Они для вида борются друг с другом, но в сущности не играет роли, какая партия победит, так как и та и другая система должны привести республику к гибели. Обе партии добиваются одного результата — роспуска Национального Конвента». «Обе партии имеют известное число вожаков, под знаменами которых выстраиваются граждане честные... Один из них, иностранный вожак, вошел в сношение с патриотами, он говорил им: «Вы видите, арестовывают патриотов» (причем сам был причастен к их аресту), «вы видите, что Конвент заходит слишком далеко, что, вместо того, чтобы употреблять народную энергию против тиранов, ее употребляют против священников и ханжей», но этот же самый иностранец был одним из тех, кто обратил против ханжей молнию, уготованную для тиранов. «Вы видите, — говорил этот иностранец, или бунтовщик, — что исполнительная комиссия — очаг контр-революции, что секретарь Бушотта (Венсан) — глава контр-революционной партии, вы видите, что очаг контр-революционной партии — военное министерство». Когда Робеспьер сказал, что новая партия употребляет ту же тактику, что и жирондисты, т.е. пытается разъединить патриотов, Фабр Д'Эглантин, не выдержав, наконец, всех этих обвинений и намеков, обращенных против него, кинулся к ораторской трибуне...

«Моя тема еще не кончена; если даже Фабр Д'Эглантин уже приготовил свою, я прошу его подождать!» — холодно остановил его Робеспьер и продолжал говорить о двух комплотах, имеющих целью: один - устроить Конвент, другой — усыновить народ

«Эти заговорщики, об'единенные постыдным соглашением, кажутся сражающимися друг с другом, но они соперничают в защите тирана. Это — единственный источник наших бед в прошлом, и это же являются единственным источником наших несчастий в будущем, если народ не об'единится вокруг Конвента и не заставит молчать интриганов всех сортов»...

Никогда еще столь решительно Робеспьер не обрушивался на правых; к ним же обращал он и свои зловещие угрозы: «Я заявляю истинным монтаньярам — победа в наших руках остается раздавить всего несколько змей». «Они будут раздавлены!» — послышались крики со скамей и трибун...

В заключение Робеспьер потребовал изгнания Фабра Д'Эглантина.^{xv} После речи, произнесенной Робеспьером, никто не стал слушать оправдания обвиняемого (V, 600—604). На следующем заседании были исключены из членов Общества Демулен и Бурдон из Уазы. Однако, страсти и на этом заседании разгорелись настолько, что Робеспьер, в целях отвлечения общего внимания, предложил перейти к обсуждению вопроса о преступлениях английского правительства и о недостатках английской конституции. Но взбаломученное море всколыхнувшихся партийных страстей было не так легко успокоить. Многие требовали продолжения борьбы, в особенности рьяно напирал Дюфурни. Возражая этим непримиримым, Робеспьер еще раз попробовал выгородить Демулена, сделав вид, что вопрос об исключении последнего еще не решен, но Дюфурни не преминул сурово указать, что Демулен уже изгнан окончательно (V, 604—608).

Как мы видим, в этот период борьбы Робеспьер пытался всеми силами об'единиться с дантонистами для совместной борьбы против левых, но упорная правизна дантонистов откидывала от Робеспьера даже его собственных сторонников, В конце-концов, защита дантонистов для робеспьеровцев делалась невозможной. Что же касается Дантона, то он, кажется, один из всей группы понимал необходимость союза с Робеспьером и держался очень осторожно.

^{xv} Франсуа Филипп Назар Фабр д'Эглантин (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#FE>).

IV. Попытка переворота со стороны левых

Изгнание из Общества Демулена явилось, в сущности, победой левых, сильно их ободрившей. Для робеспьеровцев должно было явиться своего рода предупреждением, во-первых, депутации клуба Кордельеров, пожелавшего поставить в известность своих друзей-якобинцев относительно принятых решений, касающихся дантонистов. Депутация эта сообщила якобинцам принятую кордельерами резолюцию, в которой Филиппе назывался клеветником, оскорбившим в лице защитников революции патриотизм, Бурдон — его соучастником, Фабр Д'Эглантин — главным руководителем всей интриги, а Демулен — личностью, потерявшей доверие кордельеров. Последние пункты резолюции гласили: Комитет Общественного Спасения, как и Комитет Безопасности, пользуется полным доверием кордельеров. Конвент является связующим звеном, объединяющим всех республиканцев, и кордельеры всегда будут стараться заставлять уважать его авторитет» (V, 610). Как ни походили эти слова кордельеров на мысли самого Робеспьера, едва ли в устах кордельеров они радовали его.

Вторым предупреждением было то, что в годовщину казни короля Дюфурни выступил в клубе с уже известной нам декларацией о равенстве, из которого проистекает свобода (V, 617).

События так-называемого финансового заговора, дискредитировавшие некоторых умеренных, еще больше ободрили левых. Вследствие всего этого робеспьеровцам нужно было показать себя столь же революционными, как и левые, поэтому устами Кутона и было предложено отредактировать к годовщине казни короля обвинительный акт против всех королей и властителей. Но одновременно с этими торжественными доказательствами революционности, в Якобинском клубе вновь была поднята травля против народных обществ. Кутон высказывал мысль, что необходимо исследовать поведение, которого держались эти общества в трудные для революции моменты, умеренный Симонд разразился против народных обществ целой речью: «Лойялизм, федерализм и кое-что худшее гнездится во всех этих обществах»... По словам оратора, после смерти короля, из его трупа вышла масса ядовитых насекомых, достаточно умных для того, чтобы не пытаться поднять восстание, но знающих, что «между монархией и чистой демократией есть множество возможностей терзать политический организм и отравлять его существование тонким ядом, причиняющим постоянные конвульсии и подготавливающим его гибель». Новые народные общества имеют в своей среде гангренозных членов, «которые собирали подписи под петициями против Марата и Горы». «Теперь же, продолжал Симонд, когда ветер подул в другую сторону, они, пристав к нашему берегу, пытаются превзойти нас в патриотизме. Но их мнению, патриоты 1789 года... только загнанный и измученный выучный скот, годный только на то, чтобы быть перебитым, ибо он не может следовать по пути революции за новыми людьми (новорожденными). Я боюсь этих новых рулевых и опасаясь, как бы они не овладели кораблем республики, «только-что выходящим из гавани, не овладели бы им для того, чтобы направить его в открытое море, заставить сражаться с бурями и утопить...»

Кутон указал на необходимость принять суровые меры против секционных обществ, Генц уверял, что Питт при помощи своих агентов развратил народные общества. И, наконец, Жанбон-Сен-Андре заговорил о преступниках, вошедших в ряды патриотов. «Но патриоты, — сказал он, — не потеряют плодов пятилетней борьбы. Наши злейшие враги не вне нас, мы их видим, они всегда среди нас, и они хотят идти дальше нас в революционных мерах. Если я встречаю человека, поднявшегося на ходули преувеличенного патриотизма, я ему говорю: «Ты больше патриот, чем я, прекрасно, ты — аристократ.» (V, 627).

Итак, вопросом о народных обществах робеспьеровцы воспользовались для контр-атаки против осмелевших левых, новые схватки произошли вскоре по вопросу об арестованных Венсане и Ронсене. Левые полагали, что так как обвинитель этих арестованных, Фабр, сам находится в тюрьме по обвинению в причастности к финансовому заговору, то они должны быть освобождены. Однако, предложение о ходатайствовании относительно освобождения арестованных внес не член левой, а Леонар Бурдон, левым сочувствующий. Робеспьер считал невозможным производить какое бы то ни было давление на «национальный авторитет». В конце января левые сами обратились с петицией к Конвенту, и Вулан, единомышленник Бурдона, член Комитета Безопасности, сделал благоприятный для арестованных доклад. Дантонисты ополчились против доклада Вулана, но сам их лидер Дантон, опять-таки оказавшийся осторожнее своей группы, потребовал освобождения арестованных. (Л.Б., 253).

Другие дантонисты совсем не были склонны к такому миролюбию. 27 января между Лежандром и Гебером произошла бурная сцена, и Лежандр сказал о Гебере: «Если бы мой собственный враг отрубил мне руку и был другом народа, я мог бы его обнять, но когда мой враг — враг свободы народа, я его буду преследовать до самой смерти»... Когда Моморо предложил врагам поцеловаться, Лежандр воскликнул: «Разумный человек не может советовать обняться Бруту и Цезарю...» (V, 628).

События назревали. 5 февраля Робеспьер выступил в Конвенте опять говорил о двух враждебных революции партиях: «Внутренние враги французского народа делятся на две партии, из которых одна клонит к слабости, другая к излишества, одна хочет обратить свободу в вакханку, другая - в проститутку...». Лжереволюционер, по словам Робеспьера, чаще бывает по эту, чем по ту сторону революции, это обыкновенно — «человек, противящийся энергичным мерам, но доводящий их до излишка, когда не может им препятствовать, он очень привязан к внешним формам патриотизма, подобно ханжам, врагом которых он себя выставляет...» (Л.Б. Х. 254).

Левый Брише в заседании Клуба 7 февраля потребовал, чтобы судили немедленно оставшихся бриссотинцев и изгнали жаб из болота». (V, 614). Аналогичное предложение уже было сделано ранее Брише, говорившим о необходимости судить нечистые остатки «государственных людей» и очистить Конвент изгнанием из его недр остатков Болота, осмелившихся подняться на «Гору». Тогда предложение Брише было поддержано Луи, сказавшим, что «вот уже два месяца ведется против патриотов ожесточенная война, при чем их называют ультра-патриотами»... (V, 639-640). Робеспьер теперь обрушился на Брише: «Нынче, — говорил он, — декламировать против Болота и против новой фракции — роль очень благородная, и если таким образом говоришь перед людьми, находящимися не в курсе события, легче всего заставить себе аплодировать... Никто не знает, какое множество интриганов и преступников хотели бы скомпрометировать Конвент, его опорочить и распустить. Это бесчестные люди, получающие огромные суммы и за маленькие речи, знающие, что единственным источником их существования является прикрывать свои отвратительные проекты вуалью патриотизма. Поражать одновременно и Болото, и «новую фракцию» — это значит дать опору Болоту... Но, если некогда и существовало Болото, введение в заблуждение вождями бесстыдной партии, большею чтобы погибшими на эшафоте... С тех пор Конвент спас отечество, и те, кто составляли Болото, объединялись с Горой для принятия мер решительных и суровых... Я признаю вместе с Брише, что существует новая партия и что она распадается на две части, из которых одна состоит из агентов иностранных держав, работающих для тиранов... другая из бунтовщиков, проникших даже в самый Конвент...». В конце речи Робеспьер потребовал исключения Брише из членов Общества.

Попытавшемуся за него заступиться Сентесу, сказавшему, что с некоторых пор в Обществе господствует деспотизм мнения, — Робеспьер ответил суровой проповедью: «Я заметил, — сказал он, — что враги свободы всегда говорят о деспотизме мнений, потому что предпочитают деспотизм силы» (V, 613—16).

Нет ничего удивительного, что принятие освобожденного Венсана в число членов Общества встретило большие затруднения. В клубе Кордельеров по этому поводу разразилась целая буря. Моморо, как будто перефразируя уже цитированную нами фразу Симонда, говорил об износившихся в революции людях о переломанных в революции ногах... Венсан обещал сорвать маски с интриганов, «чем все будут удивлены...» Гебер сулился низвергнуть изменников, которых всегда низвергал народ. Затем он намекал на Робеспьера и упоминал о людях, жадных и ненасытных к власти, придумавших и повторявших в своих пространных речах слово ультра-революционер... Один кордельер воскликнул: «Венсан не якобинец, но все равно порядочный человек». «Венсан — хороший кордельер, а это имеет такую же, если не большую цену» — подхватил другой... (Л.Б., X, 258).

Все это были прямые вызовы против якобинцев и прямой призыв к вооруженному восстанию. Левые, видя упорство робеспьеровцев и ускользящее от них влияние на Общество, решились на это восстание. По правде говоря, момент для этого был выбран удачно; парижское население было измучено тяжелой зимой, продовольствия не хватало, в народе царил недовольство по поводу непринятия мер к обеспечению парижского населения хлебом. Ходили слухи о дальнейшем ухудшении положения, поговаривали о новых бриссотинцах, которых надлежало истребить...

Если верить Билло Варену, делавшему доклад в клубе немедленно после неудачного переворота, то левые предполагали назначить диктатора, «регента республики», как его называет Билло. «Были приняты, — говорит Билло, — меры для того, чтобы умертвить часть арестованных... С'естные припасы должны были быть зарыты или уничтоженными для того, чтобы, лишив их народ, вызвать у него вспышку отчаяния... С солдат революционной армии должна была быть взята подписка о том, что они выступят против свободы. Подставные патрули должны были перерезать гарнизон кордегардии, находящийся при Аббатстве, для того, чтобы освободить арестованных, которые должны были, рассеявшись по Парижу, истребить патриотов. Собирались дариться к казначейству и монетному двору, овладеть «казной республики и разделить ее между злоумышленниками, явившимися причиной восстания».^{xvi}

^{xvi} Славин в своей работе (см. ссылку выше) вообще не считает подготовку восстание чем-либо реальным.

Конечно, к выгоде правительства всегда изобразить подавленное восстание адским замыслом, грозящим, в случае удачи, всякими ужасами. К выгоде правительства-победителя изображать заговор мощным и пустившим глубокие корни. Может быть, именно поэтому, докладчик и говорил о нем, как о имевшем повсюду разветвления и организованном по соглашению с иностранными и иммигрировавшими контр-революционерами. Из одной соседней страны было, будто бы, получено сведение о некоем проживавшем там контр-революционере, сказавшем незадолго перед заговором, что во Франции через шесть дней разразится заговор, который погубит свободу. Заговор это будто бы распространялся и на армию, при чем ее старались побудить оставить знамена (V, 684).

Перед лицом надвигающихся событий, в виду болезни Кутона и Робеспьера, с соответствующей моменту декларацией в Конвенте выступил Сен-Жюст. Этой декларацией Сен-Жюст должен был, с одной стороны, доказать, что революционеры 1789 года — «не загнанный скот» и не «люди с переломанными ногами», а с другой стороны, нужно было найти смычку с дантонистами, так как союз с ними, ввиду явно приближающегося выступления левых, был совершенно необходим для робеспьеровцев. Большая часть речи Сен-Жюста была посвящена поискам этой смычки. Он всеми силами пытался оправдать террор ссылкой на террористическую политику других правительств, а в заключение предложил предоставить Комитету Безопасности право освободить задержанных патриотов. Для того же, чтобы доказать неусыпную революционность правительства, Сен-Жюст предложил конфисковать имущества врагов революции. «Имущество заговорщиков, — говорил он, — достояние обездоленных; человек, оказавшийся врагом своей страны, не может быть в ней собственником»... (Л.Б. Х., 258—60).^{xvii}

Но если перед угрозой переворота робеспьеровцы ориентировались вправо, левый центр, в лице Колло Д'Эрбуа, ориентировался на кордельеров. В день выступления Сен-Жюста в Конвенте, Колло Д'Эрбуа выступил в Клубе по вопросу о докладе, только-что сделанном Сен-Жюстом. Однако, центр тяжести при изложении этого доклада Колло перенес на суровые проектируемые Сен-Жюстом мероприятия: «Вот какой ответ дает Конвент тем, кто хотел заставить поверить, что он впадает в модерантизм, что Гора на пути к понижению. Нет, Гора не понижается ни на одну линию» — сказал Колло (V, 664—5).

Когда на этом заседании было объявлено о прибытии депутации кордельеров, Колло процитировал слова, произнесенные Сен-Жюстом: «Кто те, которые хотят разбить эшафот? — Это те, кто боится взойти на него». «Не останавливайтесь в революции, тот, кто совершает свой путь наполовину, роет себе могилу. Республика это не только собрание представителей, это весь народ и все добродетели»

Депутация кордельеров заявила под гром аплодисментов, что, несмотря на уверения врагов, оба общества — кордельеры и якобинцы — едины, и что депутация должна связать крепче узы республиканского братства патриотов (V, 666).

Присылка этой депутации была для кордельеров лишь тактическим приемом, направленным к тому, чтобы произвести раскол среди якобинцев. Уже на другой день в Клубе Кордельеров вновь произошло чрезвычайно бурное заседание. Филиппе, Бурдон, Фабр и Демулен были объявлены недостойными «заседать на Горе — Тарпейской скале, с которой они должны быть сброшены».

Четвертого марта висевшая в Клубе Кордельеров декларация прав человека была задернута черным покрывалом, которое не должно было быть снято до того момента, «пока народ не вернет этих прав путем низвержения предательской партии». Венсан потребовал беспощадного террора. Карье, нантский комиссар, сказал, что по своем возвращении из командировки он «был испуган новыми физиономиями, увиденными им на Горе, и теми словами, которые шептали друг другу на ухо чудовища...» «Они хотели, — говорил он, — взломать эшафот, ибо сами достойны гильотины... Восстание, святое восстание — вот что надо противопоставив злодеям». Эти слова были покрыты аплодисментами и Гебер заговорил о «честолюбцах, которых более всего следует опасаться и которые выставляют вперед других, а сами держатся в тени, желая царствовать...» «Кордельеры не потерпят этого» — закончил он... «Нет, нет» — кричали кругом... Гебер продолжал: «Я назову вам этих людей, зажимавших рот патриотам в народных обществах. Вот уже два месяца, как я сдерживаюсь, но больше сердце мое выдержать не может. Я знаю, что они замыслили, но я найду защитников...» «Не бойся ничего, дядя Дюшен, говори, мы тебя поддержим, мы сами станем Дюшенами», — кричали кругом. «Мы тебя поддержим», — кричал Моморо. Тогда Гебер заговорил о Робеспьере, не называя его и аттестуя, как человека, впавшего в заблуждение, защищавшего Демулена. Закончил он призывом: «восстание, восстание!» (Л.Б., X, 262—264).

Сергей Михайлович Моносов

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

Мы уже знаем, что гебертисты мало интересовались положением масс парижского населения, им были чужды экономические нужды этих масс, и вот, в решительную минуту они, видимо, составлявшие ядро группы, решившейся на восстание, не сумели выдвинуть каких-либо лозунгов, близких и понятных широким слоям парижского населения. Да и, кроме того, в глазах парижской бедноты они были людьми, ошельмованными и погубившими в свое время столь популярного Ру и других «бешеных»... Поднявши восстание, гебертисты, должно быть, оказались в положении штаба без армии. Можно считать преувеличением слова Билло о том, что многие секции, подражая кордельерам, задержали черными декларациями прав... Коммуна тоже не поддержала их полностью, Шометт колебался, Паш, которого восставшие, как кажется, прочили в диктаторы, со страшным именем «Великого Судьи», тоже не присоединился к ним... Попытка переворота не удалась.

Шестого марта в Якобинском клубе выступил Колло и весьма симптоматично начал восхвалять Комитет Общественного Спасения. Он говорил о необходимости облечь Комитет полным доверием, сообщал о том, что Комитет, переобремененный трудами по упрочению общественного блага, был внезапно встревожен известием о новом брожении. Говоря о завещании кордельерами декларации, Колло восклицал: «Как, по той причине, что двух человек арестовали, они претендуют на апелляцию ко всей республике!»

Присутствовавший на этом заседании Моморо^{xviii} попытался защищаться и указывал на то, что декларация была задержана уже два месяца тому назад, и требовал прекратить нападки на кордельеров. В ответ Колло сказал, что, по его мнению, вина здесь принадлежит не кордельерам, а народным обществам, кишущим иностранцами и требующим очищения Конвента. С этими народными обществами кордельеры, по словам Колло, вошли в соглашение против своей воли, и помимо своего же желания они стали требовать очищения Конвента, несомненно, замечательного средства для того, чтобы его вовсе уничтожить. Карье, несмотря на сделанные им призывы к восстанию, уверил, что «о восстании совершенно не говорилось, исключая того случая, если обстоятельства к этому вынудили бы...». Однако, ему возразили, что отчет о заседании кордельеров уже появился в печати и что отчет этот противоречит его словам (V, 671—674).

Судя по речи Колло, по выступлению Карье, — восстание в это время уже казалось безнадежным. В целях уничтожения всякого вредного влияния на кордельеров было решено послать к ним депутацию, которую, как в момент борьбы с «бешеными», возглавлял Колло д'Эрбуа. Эта депутация делала доклад о выполнении возложенной на нее миссии на следующем заседании Общества. По словам Колло, люди, говорящие о существовании двух различных обществ, якобинцев и кордельеров, ошибаются, — есть одно общество, ибо принципы у тех и у других одинаковые. Вся вина в произошедших разногласиях лежит на отдельных личностях, незаметных до тех пор, покуда они находятся под покровительством народных обществ». Однако, и по словам Колло, было весьма трудно заставить кордельеров снять черное покрывало с декларации прав. Но все таки кордельеры прониклись доводами якобинцев и теперь покрывало принесено в Якобинский клуб в виде трофея (V, 675—76).

С побежденными расправились сурово. Тринадцатого марта Сен-Жюст заявил в Конвенте, что для захвата виновных уже приняты меры и виновные окружены. Он был прав, в этот же день они были арестованы (Л.Б., X, 267).

Реакция началась. Когда одиннадцатого марта делегация кордельеров прибыла к якобинцам, Дюфурни, перешедший в лагерь победителей, заявил, что кордельеры должны определенно высказаться о своем отношении к секционным обществам (У, 679 -80).

Па следующий день, на чрезвычайном заседании Обществу, Билло Варен сделал уже известный нам доклад о заговоре. На этом же заседании Тальен предложил заняться всем гражданам сыском с целью выяснения соучастников заговорщиков. Гебертисты были им обвинены во всяческих преступлениях, вплоть до завершения, в своих личных интересах, Вандейской войны. Лувуа разоблачал уже арестованного Моморо, а когда Леонард Бурдон внес предложение о том, чтобы все чиновники подверглись пересмотру со стороны народных обществ, Робеспьер заявил, что это не дело народных обществ (V, 691—695).

Восемнадцатого марта депутация кордельеров вновь появилась в Якобинском клубе. На этот раз кордельеры принесли повинную, и оратор депутации сказал, что «Общество Кордельеров совсем не заслуживает роспуска, о котором теперь говорят, что кордельеры приглашают «старых кордельеров» постоянно присутствовать на своих заседаниях». Якобинцы приняли очень холодно эти из'явления покорности.

Леонард сказал, что «старые кордельеры» может и вернуться, но вернуться по окончании борьбы на фронтах, покрытые ранами чести, и раньше того, чем среди кордельеров перестанут появляться люди, ежедневно клеветавшие незапятнанных патриотов и желавшие ослабить этих патриотов «умеренными» только потому, что они не были сумасшедшими, подобно им самим...

^{xviii} Антуан Франсуа Моморо (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#momoro>).

Робеспьер, в заключение длинной речи, предложил якобинцам прекратить всякие сношения с кордельерами до тех пор, пока последние не возродятся. Дюфурни сказал, что пока сред кордельеров сохранились остатки заговорщиков, между ними и якобинцами не может быть никакого общения. «Якобинцы и кордельеры обменялись двумя поцелуями, но на третьем — нас закололи бы кинжалом. Сохраним же третий поцелуй, сохраним же наше сердце и наше чувство для истинных кордельеров» (V, 699—704).

V. Дантонисты и робеспьеровцы^{xix}

В надвигающейся реакции главную роль должны были играть дантонисты. Теперь они очень воспрянули духом, что доказывают уже приведенные нами выступления Тальена и Лежандра. Бурдон из Уазы напал на Коммуну и добился в Конвенте постановления о ее чистке, а также и очищения всех городских властей. Был атакован и военный министр, а оплот скомпрометированного сочувствием восставшим левому центра — Комитет Безопасности. Тот же Бурдон добился ареста одного из самых энергичных агентов этого Комитета.

Начались аресты всех повинных в сочувствии к левым. Арестовали, воспользовавшись пустяковым предлогом, Клоотца. Уничтожили должность прокурора Коммуны, заменив ее назначаемым «национальным агентом». Паша сместили, заменив его робеспьеровцем Флерио Леско (Л.Б., X, 272—278).

Камилл Демулен окончательно распоясался и в номере седьмом «Старого Кордельера», не стесняясь напал на революционные органы. Комитет Безопасности был им назван Германдадой, его члены — «страшной братией»... Революционные комитеты Камилл сравнивал с Коммодом, Гелиогабалом и Калигулой. Сам некогда нападавший на Клоотца, Робеспьер был им обвинен в интернационализме.

В обстоятельствах только что подавленного выступления левых дантонисты делались оплотом и пунктом объединения всех сил реакции. Номера «Старого Кордельера» брались на расхват, и цена их была повышена до 20 су. Уже по одному этому можно судить, кто являлся читателями этого журнала. Сам Камилл признавал, что вследствие непомерной цены номера пятого, его не мог прочесть ни один санкюлот.

Врагам революции каждой появление нового номера «Старого Кордельера» казалось предвестием конца революции. Даже Фрерон понимал, что Демулен теперь являлся слугой реакции. «Скажи ему (Демулену), — писал он его жене, — чтобы он подтянул поводья своему воображению насчет Комитета Милосердия - он был бы торжеством для контр революционеров» (Л.Б. X, 282)

Еще лучше это понимали представители левого центра. Билли Варен не сомневался в том, что «если не принять необходимых мер, то Дантон сделался центром объединения всех контр-революционеров» (Л.Б., X, 295).

Реакция закрепила свои позиции и захватывала новые: Тальена избрали председателем Конвента, Лежандра — председателем клуба якобинцев.

Что должны были предпринять в этих обстоятельствах робеспьеровцы? Или вступить в борьбу с дантонистами, или позволить реакции поглотить себя. И вот из недавних союзников дантонистов они становятся их противниками и невольно сближаются с левым центром.

На самом деле, перед робеспьеровцами теперь стоит опасность отступая шаг за шагом, потерять мало-по-малу все завоевания революции, благодетельные для кругов, интересы которых они защищали, для мелких собственников, владельцев некрупных магазинов и небольших мастерских. Разгул дантонистской реакции грозил смыть с лица земли то царство кулацкого, зажиточного достатка и суровой мелкобуржуазной добродетели, которое робеспьеровцы думали учредить.

Если Робеспьер полагал, «что право собственности должно быть ограничено обязанностью уважать право других» (Жорес, 1564), то дантонисты были совершенно не склонны даже таким образом ограничивать возможность для себя наслаждаться благами, «полученными благодаря своим талантам». То же самое, конечно, следует сказать и о различных элементах, примкнувших к дантонистам и не желавших делиться лакомыми кусками, захваченными во время революции.

Дантонисты не желали ничего слышать ни о каких ограничениях, ни социальных, ни моральных. «Существенной пружиной демократического управления является добродетель», — говорил Робеспьер. (Л.Б., X, 290). «Республика — не сенат, она добродетель», — заявлял Сен-Жюст. «Мы предлагаем зам, — говорил счастье Спарты и Афин в их лучшие времена, счастье добродетели, довольства и посредственного существования. Мы предлагаем вам ненависть к тирании, негу хижины, на возделываемом вашими руками плодородном поле. Ошиблись люди,

^{xix} Жорж-Жак Дантон (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dnt>). К этой главе см. «ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг.» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_classtrug.pdf).

надеявшиеся получить от революции привиллегию быть такими же испорченными, как и богачи при монархии...» (Л.Б., X, 289).

Могли ли поднявшиеся до верхов общества, представители богемы удовольствоваться посредственным существованием? Могли ли они подтягивать распеваемым робеспьеровцами гимнам в честь добродетели?..

«Делу нашему предаёт слабость то, что строгость наших принципов очень многих озлобляет», — сказал Дантон Робеспьеру.

«Как, — воскликнул Демулен, — Палэ-Рояля больше нет, Мео больше нет, ведь это предсказанная пророком Даниилом мерзость запустения...». «В Афинах, — писал он же, — оракул провозгласил Солон первым из семи мудрецов, хотя тот, ничем не стесняясь, признавался в своей склонности к вину, женщинам, музыке» (Л.Б., X, 288).

Камилл Демулен очень враждебно относился ко всем меро-приятиям, направленным к насаждению нравственности. «Я думаю, — писал он, — что закрытие домов разврата, одновременно с монастырями, являются делом ловкой политики иноземной партии, сделавшей это под прикрытием горячего рвения перерождения нравов...» (Л.Б., X, 289).

Следовательно, перерождение нравов, насаждение добродетели — один из краеугольных камней будущего общества, по представлениям шометтистов и робеспьеровцев, вызвало у дантонистов только насмешки и вражду.

Тень черного крыла реакции падает на заседания Якобинского клуба, начиная с описанного нами момента посещения его депутацией от кордельеров.

В заседании 19 марта Колло Д'Эрбуа, выступив по поводу проекта адреса, предназначенного для рассылки по всем обществам, тщетно пытался поставить пределы дальнейшему росту реакции. Колло понимал, что реакция эта угрожает многим завоеваниям революции, он ясно видел, что победой над левыми хотят воспользоваться в своих интересах дантонисты и другие, примыкающие к ним умеренные.

Партия, которую мы только что поразили, — говорил он, не единственная существующая, есть партии, противоположные ей, желающие воспользоваться ее падением для того, чтобы подняться самим. Вы не должны этого терпеть, от падения этой партии должно выиграть только общее дело... Умеренные полагают, что мы уступим им победу, и это похоже на то, что мы работали для доставления торжества людям, клеветавшим на Комитет Общественного Спасения. Нападать на революционную партию, на Парижский муниципалитет — не значит сражаться с заговорщиками. Зачем одной гневной чертой зачеркивать вес, что сделала хорошего Коммуна? Такие поступки, не раз-рушая заговора, благоприятствуют возникновению новых заговоров» (VI, 3—6).

На следующем заседании клуба сам Робеспьер признал, что республика постоянно находится «между мяскаденамн-аристократами и партией, представление о которой дают Гебер и его сообщники». Но Робеспьер указывал на то, «что не следует охлаждать негодования против умеренных и отвращать внимание народа от этой партии, долгое время существовавшей под покровительством иноземных держав». «Недостаточно удушить одну партию, — восклицал Робеспьер, — нужно уничтожить их все, и на те, которые существуют теперь, нужно нападать с таким же пылом, какой мы проявляли в борьбе с другими партиями». Робеспьер полагал, что иностранным державам совершенно безразлично, какая из крайних партий победит. «Если это будет Гебер — Конвент будет ниспровергнут, патриоты истреблены, Франция впадет в хаос, и тирания получит свое удовлетворение. Коли это будут умеренные — Конвент потеряет свою энергию, преступления аристократии останутся безнаказанными, и тирания восторжествует...» (VI, 6-8).

Как уже говорилось, все органы, зараженные, по мнению победивших групп, гебертизмом, подвергались нападению. В заседании 23 марта Бриар снова напал на секционные народные общества, бывшие с момента борьбы с жирондистами оплотом революции. Несмотря на это, Бриар не постеснялся выставить против них самые тяжелые обвинения. По его мнению, именно на них опирались левые в пред'явлении своего требования о немедленном проведении конституции в жизнь. Что касается меня, — говорил он, — то я смотрю, как на бич для республики, на существование этих обществ...» (VI, 11).

Реакция поднимала свою руку не только на органы революции, но и на ее героев и мучеников. Двадцать девятого марта в заседании клуба Лакомб сообщил, что полиция дала распоряжение удалить из некоторых публичных мест бюсты мучеников свободы, секции Тюльери запрещено иметь бюст Шалье, контр-революционеры говорят повсюду, что скоро уберут бюст Марата, заменив его бюстом Шарлотты Кордэ. Председательствующий пытался затушевать важность этих симптоматических явлений. «Почему, — говорил он, — этому придают столь важное значение?» Однако, Колло лучше оценивал значение этих фактов.

«Где, — восклицал он, — воображают, что у нас так быстро изгладится из памяти чувство, столь глубоко запавшее в наши сердца... Умеренные хотят уничтожить революцию, и если они побьются того, что разобьют бюсты Марата и Шалье, то на их место поставят бюсты другие, может быть бюсты королей. (Движение негодования).

Откройте глаза на опасности, которые вас окружают, вы увидите, что необходимо принять меры, весьма различные с теми, которые находят подходящими умеренные... Патриоты сорвали маски (с бесчестных людей), они сорвут все маски, какие только возможно сорвать, и будут всегда так же грозны, как раньше... Мы, остановившие восстание при его пер-вых шагах, пойдем на перерез тем, кто замышляет новые заговоры, мы атакуем умеренных, полагающих, что ради них мы сражались с заговорщиками» (VI, 29—32).

И эти угрозы, в момент их произнесения, не были напрасны. Совместные усилия робеспьеровцев и левого центра привели к тому, что в ночь с 30 на 31 марта сам Дантон и наиболее видные его сторонники были арестованы. Докладывая об этом на другой день Якобинскому клубу, Кутон сказал: «Наконец-то политический горизонт разъяснился, небо расчистилось, и друзья республики вздохнули свободно. Мы доказали народу. Конвенту, комитетам и истинным якобинцам, что скорее погибнем, нежели потерпим, чтобы народ был управляем тиранией и преступлением. Уже несколько дней, как мы говорили вам о необходимости атаковать еще одну партию, но, возможно, что эта партия не будет последней. Конвент сдержал свое слово, арестованные сегодня вожди партии были людьми, казавшимися когда-то заслуживающими доверия народа... Люди эти присвоили себе славное имя «старых кордельеров», но на самом деле были только старыми заговорщиками». Затем Кутон остановился на поведении Лежандра, единственного, попытавшегося защищать в Конвенте арестованных и потребовавшего, чтобы их выслушали у решетки Конвента. «Целью заговорщиков, — говорил Кутон по этому поводу, — было заставить себя выслушать в Конвенте для того, чтобы клеветать против незапятнанных патриотов и начать скандальную борьбу, которая могла бы привести их к уничтожению Конвента и к чему-нибудь большему...» (VI, 33-35).

Заседания клуба, непосредственно следующие за арестом дантонистов, представляют неприглядную картину. Все старались отречься от погибших, очернить их или обвинить других в сочувствии к ним: Уже на заседании, на котором заслушивало доклад Кутона, Лежандр отрекся от только что арестованных своих друзей. На заседании 5 апреля Вадье разоблачил Дюфурни, это разоблачение было поддержано несколькими гражданами с трибун и самим, произнесшим длинную речь, Робеспьером. В результате этот бывший единомышленник Шометта был препровожден в Комитет Безопасности, по обвинению в сочувствии дантонистам. На том же заседании некий Артур выступил перечислением преступлений, якобы, содеянных, начиная с 1790 года уже, казненным Дантоном. Испуганный инцидентом с Дюфурни, Лежандр 10 апреля вторично отрекается от Дан тона. «Я, — говорил он, - был перед раскрытием заговора близким другом Дантона..., но теперь я убежден в его преступности и уверен в том, что он хотел ввергнуть народ в заблуждение» (VI, 63).

VI. После гибели дантонистов

Казалось теперь, когда все враги робеспьеровцев были повержены, их положение должно было быть необыкновенно прочным, но, на самом деле, они и сами чувствовали, что им предстоят новые и новые сражения. Даже в своем докладе Кутон^{xx} указывает на то, что «сраженная партия — не последняя», но что в будущем «все преступники будут истреблены» (VI, 35).

Кто же были эти новые враги робеспьеровцев, на которых намекал Кутон? Прежде всего их союзники — левый центр, относившийся к ним с большим недоверием и враждебностью, затем остатки всех ранее разгромленных групп.

Здесь будет уместно сказать несколько слов относительно группы, названной в настоящей работе «левым центром». К этой группе, как видно из предыдущего, причисляются: Колло Д'Эрбуа, Билло Варен, Амар, Вадье, Вулан, Жавог, Леонард Бурдон. Относительно их воззрений можно кое-что сказать лишь на основании цитируемой Жоресом брошюры, принадлежащей перу Билло-Варена. В ней он выставляет требования об ограничении права наследования, об организации грандиозных общественных работ в целях предоставления занятия безработным.^{xxi}

Сергей Михайлович Моносов

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

Харьков: «Пролетарий». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2003

^{xx} Жорж Огюст Кутон (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#ctn>). См. сборник его речей и выступлений (http://vive-liberta.narod.ru/doc/couthon_disc.htm).

^{xxi} Жан-Никола Бийо-Варен (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#BV>), Жан-Батист Андре Амар (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#amar>), Марк Альбер Гийом Вадье (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#vd>), Жан Анри Вулан (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#vln>). После термидорского переворота Амар и Вадье принимали участие в «заговоре во имя равенства» Бабефа.

Эти требования весьма близки к программе левых, им представители левого центра очень и очень сочувствовали⁶, однако, до конца за ними не шли и не разделили их участи после неудачного восстания. Чем объясняется, что они держались именно так? Может быть, разгадка этого коренится в том, что они в своей деятельности были связаны, хотя и с революционными, но «бюрократическими» учреждениями — комитетами; левые же, работая в Коммуне, ближе соприкасались с самой гущей мелко-буржуазной массы Парижа.

Одно несомненно, что радикальность взглядов левого центра не была ни случайностью, ни подыгрыванием под настроение того или иного момента. Так, Вадье еще в Учредительном Собрании требовал низложения Людовика XVI после его бегства в Варен. Билло-Варен остался до конца дней непреклонным сторонником демократии. Будучи при реакции в 1795 году отправлен в ссылку, он отказался из нее возвратиться, на что имел право в силу данной, после 18 брюмера. Наполеоном амнистии. «Я знаю, — ответил он посланному к нему лицу, — что римские консулы получали многие права от народа, но право помилования, узурпированное консулами французскими, исходит не из этого источника — я отказываюсь воспользоваться дарованной мне амнистией». Наконец, Амар и Жавог были очень близки к заговору Бабефа.

После победы, одержанной над дантонистами, классовая диктатура мелкой буржуазии превращалась в диктатуру небольшой группы этой буржуазии — ее среднезажиточных слоев. Утвержденная на столь узком базисе, эта диктатура находилась в состоянии устойчивого равновесия. Смысл всех дальнейших событий заключался в том, что робеспьеровцы пытались всеми силами это равновесие сохранить. Но кто мог теперь их поддерживать? Беднейшие слои столичного населения отвернулись от них еще после разгрома «бешеных», малоимущие слои мелкой буржуазии, интеллигентный пролетариат не могли питать к ним никаких теплых чувств после казни Шометта и Гебера. И, наконец, слои, поддерживающие дантонистов, теперь были тоже от них отторгнуты.

Хуже всего было то, что на сцену выступал новый, вернее старый враг, временно уничтоженный, но уничтоженный только, политически, а не экономически. Это была крупная буржуазия. Никакие прогрессивные налоги, никакие максимумы не могли помешать ее росту. Притом это была крупная буржуазия, воспитанная в атмосфере подпольной спекуляции, злоупотреблений при военных поставках и служебной недобросовестности, следовательно, это была буржуазия, более жадная, более хищная, более живучая и более привыкшая к риску.

Ее представители имелись в Конвенте в лице многих болотовцев и даже на самой Горе в лице различных Тальенов, Фуше, Фреронов...^{xxii} Эта буржуазия ждала только момента, чтобы вновь выступить на сцену, и этот момент должен был наступить тогда, когда взаимная борьба ослабила бы окончательно некогда столь грозных якобинцев. Этот момент приближался.

Именно желанием нанести удар этим элементам обменяется внесение в Конвент проекта декрета, требующего освещения моральной и политической жизни отдельных народных представителей. Именно желанием отмежеваться от этих групп объясняется слова Кутона о том, что «робеспьеровцы остались санкюлотам» и останутся ими до конца, ибо невозможно, чтобы депутаты, увеличивающие свои состояния, не были заговорщиками». «Мы не боимся, — говорил он, — чтобы подвергли рассмотрению наши имущества... Представители народа, по окончании своих трудов, попросят только одного — возможности вернуться в свои хижинки и умереть на глазах природы и на руках у своих близких.

В общем, заседания Клуба долгое время после гибели дантонистов остаются бесцветными с точки зрения проявления фракционной борьбы. Борьба уходит вглубь, принимает формы интриги и мало проявляется на заседаниях Клуба. Заседания заполняются бесконечными декламациями Колло Д'Эрбуа, Кутона и, изредка, Робеспьера. Делаются сообщения об одержанных на внешних фронтах победах, провинциальные общества спешат заявить о своей лояльности путем торжественных поздравлений с освобождением от новой опасности. Если при изучении этой эпохи ограничиться только протоколами, то о тогдашнем положении Франции, о тогдашних общественных настроениях можно составить самое неправильное представление.

Между тем, положение одержавшей победу группы, как уже говорилось, было весьма непрочным. Продержаться против многочисленных и все растущих врагов было возможно некоторое время, только путем беспощадного террора. Действительно, издается ряд террористических декретов, выполняется ряд террористических мероприятий.

⁶ Мишле находит возможным назвать Л.Бурдона «ревностным акколитом» (последователем) Шометта.

^{xxii} Жан Ламбер Тальен (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#tl>), Луи Мари Станислас Фрерон (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#frer>). Не понятно, на каком основании к ним же С.М.Моносов относит Жозефа Фуше (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#fcht>), в этот период по своим действиям и, вероятно, образу мыслей стоявшим ближе к Шометту.

Из этих мероприятий, направленных на борьбу с враждебными элементами, следует отметить меры против секционных обществ. На эти последние опять посыпались нападки. В заседании 12 мая Колло выступил против них с целым обвинительным актом; он говорил, что общества эти полны дезертиров, что их 48 знамен беспокоят истинных друзей свободы, так как вокруг этих знамен собираются только сомнительные люди и вырожденки патриотизма. Лежандр предложил не допускать впредь никаких депутатов от секционных обществ и это предложение было принято единогласно (VI, 121—25).

На следующем заседании Лежандр счел нужным все-таки выступить с разъяснением, что секционные общества не должно смешивать с обществами народными. Однако, Кутон не был столь щепетилен и заявил, что ограничиваться одними секционными обществами не следует, так как и среди народных обществ есть такие, которые «существуют только на общественное несчастье». «Если вы удовлетворены, — говорил он, — уничтожением секционных обществ, интриганы и злоумышленники, покинув их соединятся в различных народных обществах, и ваше первое решение будет сведено к нулю» (V, 127).

Но, помимо различных мер пресечения, нужны были и какие-то другие мероприятия, могущие привязать к оставшимся у власти группам широкие слои населения. Именно на поиски таких мероприятий указывает постановка в Клубе на заседании 20 апреля вопроса о порядке распродажи национальных имуществ. Дюкенуа находил, что при распродаже их в департаментах совершаются недопустимые злоупотребления, продажа производится лишь по большой цене и только богатым людям. «Я прошу, — закончил Дюкенуа, — чтобы мои товарищи присоединились ко мне для того, чтобы добиться от Конвента декрета о распродаже имущества эмигрантов малыми участками, так, чтобы каждый гражданин мог получить один—два арпана». Колло Д'Эрбуа согласился с Дюкенуа, но признал, что мнение многих администраторов таково, будто бы для республики выгодно придавать земли эмигрантов крупными долями. Но Комитет Общественного спасения, по словам Колло, ответил этим администраторам, что выгоды республики заключаются в увеличении числа мелких собственников. «В настоящий момент — сказал Колло, — комитет занимается разработкой закона, который даст защитникам родины право приобретать за счет государственных фондов национальные имущества... Этот же комитет представит вскоре проект закона о выдаче пенсий... Дать нашим защитникам пенсию или собственность — одно и то же».

Изорэ остановился на некоторых других недостатках закона о распродаже имуществ. «Законы приказывают вносить первый взнос немедленно, вследствие этого граждане малосостоятельные не в состоянии приобрести клочка земли... Я полагаю, было бы необходимым рассрочить первый платеж на год или два». В ответ на это и Кутон и Колло сообщили, что подобные законы существуют, но не выполняются (V, 86—89).

Но могли ли эти законы выполняться? Применять их — значило лишить республику чуть ли не единственного источника денежных поступлений... Что же касается каких-либо других социально-экономических мероприятий, то в этом отношении, за исключением мелких мер, вроде назначения пенсий, робеспьеровцы должны были быть бесплодными, как смоковница. В самом деле, что они могли еще сделать? Вернуться к проектам Шометта или «бешеных», но это значило — нарушать собственные интересы. И здесь их союзники, теперь становящиеся врагами — левый центр, были гораздо решительнее их. Билло Варен, например, считал, что «люди, имеющие что-либо, не могут зажимать рук, оставив без всяких средств к существованию тех, кто не имеет ничего, кроме таланта и рук». «Когда говорят нищему, ступай работать, и он отвечает: дайте мне работу - какой это горький упрек для наших социальных установлений...» Для доставления безработным занятий Билло проектировал устройство грандиозных общественных работ, а для смягчения имущественного неравенства — ограничение права наследования, таким образом, что ж каждый наследник получал не больше 20—25 тыс. франков, остальная же часть наследства поступила бы в национальный фонд наследования для бедных (Жорес, 1503—1508).

Но у робеспьеровцев в запасе было одно средство, способное, по их мнению, укрепить шаткую диктатуру. Этим средством было признание Высшего Существа и всенародное введение его культа. На самом деле, какой иной смысл могло иметь столь настойчивое обращение к вопросам религии и нравственности в такое тяжелое в политическом смысле для господствующих групп время. Просто, взамен улучшений социальных и экономических, массам преподносили нравственного регулятора — Высшее Существо.

Еще за несколько дней до знаменитого доклада Робеспьера о Высшем Существо, Кутон, обычно, как будто совершенно равнодушный к такого рода темам, на этот раз, восхваляя геройство французских солдат, говорил о «разуме — эманации Высшего существа, которому мы возносим наши мысли среди успехов и среди бедствий» (заседание 28-го апреля, VI, 101).

Бывший атеист Лекинио на заседании клуба, происходившем в день произнесения Робеспьером своего доклада, заявил, что сегодня в Конвенте был заслушан наиболее прекрасный доклад из когда-либо произнесенных с конвентской трибуны. Доклад этот, по словам Лекинио, был одинаково возвышен как по своим идеям политическим и моральным, так равно и во всех деталях (VI, III).

Член комиссии Народного Просвещения, Жульен, в своем выступлении в заседании 15 мая напал на людей, осмеливающихся возвести в догмат безнравственность и желающих сделать атеизм системой. «Именно против этих гнусных людей, — говорил он, — якобинцы направили и впредь будут направлять свои усилия... Необходимо объявить изменниками отечества тех, кто желает отнять у человека наиболее могущественные семена, из которых возрастает добродетель, героизм и патриотизм...» В этой же речи можно указать места, в которых оратор буквально сжигал все, чему прежде поклонялась революция: по его словам выходило, что геройскими своими поступками революционные войска обязаны не революционному энтузиазму, а мысли о бессмертии души и о божестве.

На том же заседании Кутон высказал мнения, что атеизм — верное средство, на которое рассчитывают контр-революционеры заговорщики, в доказательство оратор ссылаясь на Дантона, не пожелавшего признать того факта, что конституция создана перед лицом божества. Теперь и Дантон, некогда столь враждебный атеистическим гебертистам, был недостаточно правоверен (VI, 13—37).

Становится признаком хорошего политического тона и проявлением лояльности к правительству говорить о божестве и добродетели.

На этом же самом заседании 15 мая был заслушан и принят адрес для подачи Конвенту. Этот адрес, облачавший людей, отрицавших божество с целью отрицания добродетели, утверждавших, что последняя только фантом. Высшее Существо - пустая ложь, будущая жизнь — химера, а смерть — бездонная пропасть, адрес этот заканчивался тем высказанным соображением, что «только заговорщики могут искать убежище себе в полном уничтожении своего существа, добродетель же сознает свое бессмертие и в нем нуждается» (VI, 135—137).

Двадцать второго мая в обществе появилась депутация детей из секции Вильгельма Телля. Один ребенок произнес речь на тему о добродетели, президентствующий Вадье в ответной речи указал, что «возвышенная идея божества и добродетели должна войти основой в воспитание молодых республиканцев» (VI, 145).

В общем, эти демонстрации проявлений добродетельности и религиозности чередуются с изъявлениями покорности со стороны бюрократизированных секций, то и дело сообщающие о распусчении своих обществ (VI, 143, 14-1, 145)).

Новым предлогом для упоминаний о Высшем Существом явилось покушение Амिरаля; говоривший по этому поводу Лежандр с истинной старательностью ренегата, пытавшийся идти в ногу со всеми не преминул этим предлогом воспользоваться. «Рука преступления, — говорил он, — была занесена для того, чтобы поразить добродетель. Но бог природы не потерпел этого и не допустил увенчания преступления» (VI, 150).

Одно провинциальное общество, поспешившее как можно скорее своим поздравлением с избавлением от грозившей Колло и Робеспьеру опасности засвидетельствовать Обществу свою лояльность, писало: «Бог свободы оградил от руки убийцы Робеспьера и Колло» (VI, 157).^{xxiii}

Однако, при создавшемся, уже охарактеризованном нами положении, это обращение к божеству и добродетели могло быть лишь соломинкой, за которую хватались утопающие, стоящие у власти робеспьеровцы. Враги их умели и это оружие обратить против них самих, что доказывают дело Катерины Тео и доклад по этому поводу Вадье.

На этом фоне проявлений лояльности и покорности резко выделяется инцидент, произошедший при посещении Общества делегацией от патриотов Невера, явившихся для того, чтобы оправдаться в возводимых на них обвинениях. Неверцам ставилось в вину оказываемое на них долгое время влияние Шометта. Президентствующий Фуше, сам некогда близкий к левым, открыто заявил, что неверскому обществу ставится в вину «сильное влияние нечистого дыхания Шометта, влияние, оказанное во время его пребывания в Невере». Робеспьер обвинял неверцев в том, что они не боролись с Шометтом при его жизни, а теперь, когда он погиб на эшафоте, они его втаптывают в грязь. Так же точно многие поступают по отношению к Дантону, соучастниками которого эти многие прежде были. «Есть другие личности, говорил Робеспьер, проявляющие громадный пыл, защищая Комитет и в то же время оттачивающие против этого Комитета кинжал.. Существуют две партии, с одной стороны, порядочность и патриотизм, с другой — дух контр-революции, мошенничества и подлости, стремящийся разрушить государство и погубить род человеческий. Патриоты, будьте на страже более, чем когда-либо: люди развращенные идут на все для того, чтобы задушить защитников отечества и уничтожить Конвент...» (VI, 171—174, заседание 23 прериала, 11 июня).

Сергей Михайлович Моносов

^{xxiii} О культе Верховного существа: А.Олар (http://narod.ru/disk/9132064000/aulard_relig2.pdf.html), очерк его ученицы А.Матвеевой-Леман (http://vive-liberta.narod.ru/journal/matveeva_supetre.pdf), дискуссия в сообществе (<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p71004703.htm>; <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70835740.htm>).

Эта речь Робеспьера, произнесенная по совершенно случайному поводу, доказывает, что истинное политическое положение было весьма далеко от той гармонии, которую все так настойчиво хотели показать. Слова Робеспьера о людях нечестных, подлых, мошенниках, произнесенные на этот раз с особым ударением, доказывали, что он хорошо понимал, откуда идет опасность, равно как и много ранее выступавший Кутон, слова которого о народных представителях, увеличивающих свое состояние, мы уже приводили.

Лучшим же доказательством шаткости положения правительствующей группы и огромности опасностей, ей угрожающих, служит издание такого беспощадного закона, как закон двадцать второго прериаля. Действительно, если с окружающими опасностями приходилось бороться столь суровыми законами, значит они действительно были грозны⁷.

Докладчик нового законопроекта Кутон говорил в Конвенте: «Преступления заговорщиков угрожают непосредственно существованию общества или его свободе, что одно и то же... Здесь жизнь злодеев кладется на весы наравне с существованием народа и всякое промедление преступно, всякая снисходительная формальность является изменой и составляет общественную опасность... Дело идет не столько о наказании, сколько об истреблении...» (Л.Б. Х., 405).

И предложенный закон, действительно, удивительно упрощал процедуру истребления врагов, уничтожая всякие «снисходительные формальности». Но члены организовавшейся против робеспьеровцев оппозиции увидели себя угрожаемыми изданием нового закона. В лице правой части против-робеспьеровской коалиции они внесли предложение об отсрочке. Левая часть молчала, выступление Робеспьера решило дело, закон был принят.

Однако, на другой день, правая оправилась и устами Бурдона Уазы старалась подчеркнуть, что закон не имеет в виду уничтожение привилегии членов Конвента быть арестованными лишь в силу постановления самого Конвента. Бурная сцена произошла в Комитете спасения. Робеспьера обвиняли в том, что он желает гильотинировать весь национальный Конвент, Билло Варен, будто бы, его назвал контр-революционером... Все указывало на полное распадение союза левого центра и робеспьеровцев.

Они еще раз собрались с силами и на другой день, 24 прериаля, так запугали правую, что вынудили у Бурдона слова. «Я уважаю Кутона, Комитет, непоколебимую Гору, спасшую свободу...» А затем довели его даже до обморока (Л.Б., Х., 410—411).

В тот же день в Якобинском Клубе Кутон говорил. «Республика все свое доверие возложила на Конвент, и никогда этот последний не заслуживал ее доверия более, чем теперь. В его среде существует всего несколько дурных личностей, стремящихся вызвать раскол между представителями народа... Настал момент, когда изменники и преступники будут разоблачены и наказаны, к счастью, их число не велико, вероятно, их не более четырех-шести человек...» Закончил свою речь Кутон следующим обращением: «Я прошу, чтобы члены Общества, граждане трибун и все патриоты тщательнее наблюдали за преступниками, желающими погубить общественное дело...» (VI, 178—179).

Несколько дней спустя Робеспьер, появившись в Обществе, произнес новую предостерегающую речь: «Пришел момент обратить ваше внимание на опасность, угрожающую отечеству; тщетно будут армии одерживать победы над внешними врагами, если мы не вырвем у их агентов все средства губить свободу даже в ее наиболее надежных убежищах»; затем Робеспьер перешел к прокламации герцога Йоркского, в которой говорилось о «солдатах Робеспьера». Этот прием, по мнению Робеспьера, был направлен к тому, чтобы разделить патриотов, изобразив его тираном, претендентом на царство... А в эти время уже действительно велись разговоры по поводу тирании Робеспьера, и вот на одном из ближайших заседаний, происходившем 27 июня, Робеспьеру вновь приходится выступать с оправданиями и возражениями против обвинений в тирании.

«Теперь, как и всегда, — говорил он, — патриотов стараются выставить в свете несправедливости и бесчеловечности. Говорят как о покушениях на человеческий род, о строгостях, предпринятых против заговорщиков. В то время, как небольшое число людей с неослабленным рвением занимается делом, возложенным на них всем народом, масса негодяев и агентов иностранных государств в тиши ткет замыслы клеветы и преследование дудочных людей... Эта партия выросла из обломков всех других... Теперь она употребляет те же средства, которые некогда употребляли Бриссо, Гебер, Дантон, Шабо и масса других преступников... Они стремятся изобразить деяния Конвента, как дел нескольких личностей. Осмелились распространить в Конвенте слух, что трибунал создан только для уничтожения самого Конвента...

⁷ Приблизительно к этому же времени относится письмо «национального агента». Назначенный в Коммуну взамен Шометта чиновник Наивна, адресованное Робеспьеру. В нем он просит последнего выступить энергичнее против Комитета Безопасности и против некоторых членов Конвента с Бурдоном во главе (Кареев, «Роль парижских секций о перевороте 9 термидора», стр.19).

Из Лондона меня в глазах французской армии изображают диктатором, те же клеветы повторяются в Париже... Здесь говорят, что это я создал Революционный Трибунал, что он создан для истребления патриотов и членов Конвента... В Лондоне говорят, что во Франции выдумали провокационные покушения для того, чтобы иметь возможность окружить меня стражей... Когда события развернутся, я объясняюсь более пространно, сегодня об этом я сказал уже достаточно для тех, кто понимает... Не во власти тиранов и их слуг уменьшить мое мужество. Если будут стараться разоблачать меня в одной части возложенных на меня обязанностей, у меня останется еще звание народного представителя, и я все-таки буду вести не на живот, а на смерть войну против тиранов и заговорщиков» (VI, 192—197).

Как уже говорилось, классовая диктатура мелкой буржуазии выродилась в олигархию одной ее группы. Что же могли теперь робеспьеровцы противопоставить, кроме приведенных декламаций их вождя, обвинениям в тирании? Ссылку на то, что террористическую политику направляют не они, а левый центр, господствующий в Комитете Безопасности, удаление Робеспьера от «части возложенных на него обязанностей», т.е. отстранения его от работы в Комитете Спасения или, наконец, заявление, в роде следующего: «Постоянная борьба с заговорщиками, — в то же время постоянная борьба с террористами — угнетателями невинных» (Л.Б., X, 123).

Но кто обратил бы внимание на все это, после издания робеспьеровцами закона 22 прериаля и публичной защиты этого закона как Кутоном, так и Робеспьером.

Между тем, этот последний, желая видимо держать курс на мягкость, выступил в Якобинском Клубе против некоторых комитетов, подвергавших аресту пьяных. «Мы хорошо отличаем, — сказал он, — ложных патриотов, преследующих народ и в то же время снисходительных к аристократам...» (VI, 210—211).

Этим Робеспьер хотел противопоставить себя левому центру, один из представителей которого, Колло, как-то заявил: «В революции всегда трудно решить, что справедливо и что несправедливо...» (Л.Б., XI, 125).

После этих мелких нападков на бесполезную жестокость, явившихся лишь контр-атакой против обвинений в тирании, Робеспьер приступил к выполнению крупной операции того же рода. Он начал в Якобинском Клубе кампанию против Фуше. Фуше, близкий к уничтоженным левым и несмотря на это уцелевший, был одним из крупных персонажей против-робеспьеровской коалиции, — это и было главной причиной начатой Робеспьером против него войны. В заседании 11 июля Робеспьер по поводу одного письма из Лиона разразился целой речью. Большая часть ее была посвящена восхвалению Шалье, но закончил эту речь Робеспьер фразой, направленной прямо против Фуше: «Пусть справедливость и добродетель торжествуют, пусть Конвент повергнет под свою пядь всех мелких интриганов». После этой речи было постановлено призвать Фуше для того, чтобы он оправдался в возводимых на него обвинениях, в совершенных в Лионе жестокостях (VI, 218).

На следующем заседании в клубе было получено от Фуше письмо с просьбой отсрочить день суда над ним. Фуше старался затянуть время, учитывая непрочность диктатуры робеспьеровцев и ожидая близкой их гибели. Но Робеспьер, не стесняясь его отсутствием, произнес грозную обвинительную речь: «Я призывал Фуше на суд... пусть он ответит и скажет, кто из нас, он или мы поддерживали более достойно права народного представителя и с большим мужеством поражали молнией все противные партии. Разве это он разоблачал Геберов и Шометтов тогда, когда они замыслили проекты убийства и желали унижить Конвент. Нет, именно мы с этой самой трибуны заставили гебертистов открыться, когда они захотели представиться большими, чем мы, патриотами...» Здесь Робеспьер заявил, что Фуше — лжец, подлый и достойный презрения человек, что его поступки свидетельствуют о его преступности, и его поведение подобно поведению Бриссо и других клеветавших на общество, исторгнувшее их из своей среды. После этой речи и после того, как некий лионец сообщил о нескольких очень тяжелых проступках Фуше, последний был исключен из числа членов Общества (VI, 22).

Атмосфера накалялась и казалась насыщенной грозой. Успех, одержанный робеспьеровцами в Якобинском Клубе, мог бы, пожалуй, их ободрить, но уже через пять дней после только что описанных событий якобинцы избрали своим президентом Элли Лакоста, злейшего врага Робеспьера.

Мог ли в этих обстоятельствах Робеспьер, как вождь целой группы, проявить слабость или робость? Конечно, нет. На том же заседании, на котором был избран Лакост, Робеспьер сказал: «Вы видите, между какими рифами заставляет нас двигаться их (врагов республики) вероломство, но мы избежим кораблекрушения. Конвент в массе своей чист, но выше боязни, как и выше преступления, и не имеет ничего общего с горстью заговорщиков. Что касается меня, то, что бы ни произошло, я заявляю контр-революционерам, ищущих своего спасения лишь в гибели отечества: я на зло всем направленным против меня интригам буду продолжать срывать маски с изменников и защищать угнетенных» (VI, 232).

Этими фразами Робеспьер, помимо того, что старался влить бодрость в своих сторонников, хотел расколоть Конвент, отторгнув от своих противников массу его членов. К этому же стремился и Кутон, когда в заседании клуба 21 июля говорил о Конвенте: «Он чист и не допустит, чтобы его подчинили себе пять или шесть преступников...» «Они, — продолжал он, — уверяют что Робеспьер изнасилован (use), а я парализован. Но они узнают, что мое сердце не парализовано...» (VI, 236).

Удастся ли расколоть Конвент? Удастся ли овладеть его массой — Болотом? К этому стремились обе враждебные стороны: и робеспьеровцы и коалиция. Но на чью сторону могло встать Болото? это было ясно из ответа, данного одним из его членов Билло-Варену; последний спросил у этого болотовца: «можно ли ручаться за Болото»? «Да, — ответил тот, — если вы будете сильнее» (Л.Б., XI, 146).

Вследствие уже указанных причин коалиция была сильнее робеспьеровцев, поэтому поддержка Болота была ей обеспечена.

Роковой момент решительной схватки приближался. Когда Сен-Жюсту, спешно вызванному Робеспьером с фронта, в Коми-тете предложили сделать доклад о положении республики, он ответил, что не может вступить в союз со злом... «На моих глазах, — говорил он, — все изменяется, но я изучу все происходящее и возненавижу все непохожее на чистую любовь к народу и свободе» (Л.Б., XI, 147).

На другой день оба Комитета, объединившись, вызвали Робеспьера для объяснения по целому ряду поставленных ему в вину поступков. Элли Лакост бросил робеспьеровцам обвинение в желании составить триумвират... Жребий был брошен...

Враги робеспьеровцев постарались сделать так, чтобы в предстоящей борьбе материальное преимущество было на их стороне. Полагали, что стоящие в Париже артиллеристы сочувствуют робеспьеровцам, поэтому Комитет и, прежде всего, заведующий военными делами Карно,^{xxiv} принял меры к их удалению из Парижа и к отправке орудий в Саблонский лагерь Военной Школы.

Робеспьеровцы хорошо поняли этот маневр. 6 термидора Кутон в заседании клуба по этому поводу сказал: «Вот уже долгое время из Парижа выводят гарнизон и вывозят амуницию... Но для чего трем тысячам молодых людей отправляют громадное количество орудий крупного калибра. Зачем отправляют, вот уже целую неделю, канониров... и каждый день предполагают новые и новые отправки...» Кутон предложил отправить депутатов в Комитет Общественного Спасения для того, чтобы обратить его внимание на это обстоятельство. «Пусть якобинцы, — закончив Кутон, — не забывают, что они часовые свободы. Будем бодрствовать, граждане, будем бодрствовать, ибо наши враги не спят никогда. Спасем добродетель, которую желают погубить, если мы хотим спасти отечество...»

Предложение Кутона о посылке делегации было принято. Однако, делегация была направлена не в Комитет, а в Конвент, и поданный ею адрес ни слова не говорил об артиллеристах, а был наполнен изложением общих принципов. Во всем адресе сквозило влияние Робеспьера, его мыслей и взглядов.

Первая часть адреса была посвящена разоблачению иностранных агентов. Они обвинялись в том, что противопоставили снисходительность беспристрастной справедливости, а также и в том, что этой снисходительности предали жестокий оттенок, стремясь к тому, чтобы безнаказанные заговорщики уничтожали патриотов и свободу... Заканчивался адрес следующим кратким изложением робеспьеровской программы: «Представители народа, вы должны поставить в порядок дня именно справедливость, но не снисходительность. Вы знаете, что снисходительность увеличивает смелость заговорщиков, вы знаете, что правый человек, даже совершив ошибку, требует справедливости. Справедливость заставляет трепетать предателей, негодяев, интриганов, она утешает и успокаивает людей честных. Вы поддержите это единение, делающее вас сильными и приводящими в отчаяние ваших врагов. Есть лишь одна линия раздела, она проходит между преступлением и добродетелью... Вы сохраните во всей его чистоте тот возвышенный культ, служителем которого является всякий гражданин и который совершается одною лишь добродетелью...» (VI, 242—2М).

Этот адрес должен был быть лебединой песнью робеспьеровцев. Коалиция поняла, что новый уклон якобинцев в робеспьеризм явится отсрочкой для выполнения ее планов. А страшное слово «справедливость», противопоставленная снисходительности, не оставляло сомнения в том, что для многих членов коалиции эта отсрочка будет роковой. Необходимо было действовать... Париж с напряжением ожидал приближающейся развязки.^{xxv}

^{xxiv} Лазар Никола Маргерит Карно (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#carnot>).

^{xxv} О перевороте 9 термидора см.: подборку документов – протоколы Конвента и секций (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_therm.pdf), Е.Таланян, «Переворот 9 Термидора глазами члена Комитета общественного спасения» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/bb_tal.htm), Ц.Фридлянд, «9 термидора» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl_therm.pdf).

Восьмого термидора трибуны Конвента ломились от посторонней публики. Робеспьер выступил со своей знаменитой речью, якобы названной им самим своим «завещанием». В заключительных ее словах Робеспьер требовал установления диктатуры Конвента, но Конвента очищенного, после того «как все партии будут раздавлены тяжестью национальной власти». Кроме того, надлежало очистить и Комитет Безопасности, подчинить его Комитету Спасения, очистить и этот Комитет и «установить единство правительства под верховной властью Конвента» (VI, 281).

«Очистить»... на опыте Коммуны и других городских властей, все хорошо знали, что обозначает это слово. Заключение же своей речи вождь робеспьеровцев попросту требовал передачи в их руки диктатуры, под видом установления диктатуры Конвента. Это было с его стороны ходом «ва-банк».

Оппозиция была ошеломлена и колебалась. Ее единство было разрушено нарочитым упоминанием Робеспьера лишь о Комитетах. Ведь Комитет Безопасности был оплотом левых, так чего же беспокоиться умеренным. Если исчезнут левые, одним врагом будет меньше в будущем.

Несмотря на отчаянное мужество Билло-Варена, кричавшего: «нужно сорвать личину, кто бы под ней ни скрывался, если верно, что мы не пользуемся свободой убеждений, то я предпочитаю, чтобы мой труп послужил треном честолюбца, чем быть соучастником этих преступлений», победа и на этот раз, правда, победа нерешительная, осталась за Робеспьером. Конвент постановил разослать его речь по всем коммунальным республикам, однако, постановление было вынесено после долгих и страстных прений. Передавали фразу, якобы, сказанную Робеспьером вечером того дня: «Я не жду ничего от Горы, она хочет уничтожить меня, как тирана, но масса членов собрания меня выслушает»... (VI, 287).

Вечером Робеспьер в поисках подкрепления своих действий отправился в Якобинский Клуб, туда же направились и его противники: Билло Варен и Колло Д'Эрбуа.

От заседаний клуба 9 и 8 термидора протоколов не сохранилось. Имеется рассказ о событиях этих двух вечеров в докладе Билло Варена, сделанном им в целях самозащиты в эпоху термидорианской реакции.

Согласно этому рассказу, в клубе до начала заседания, под влиянием известий о происшедшем в Конvente, царил страшное волнение, масса членов раскололась на два лагеря: робеспьеровцев и их противников. С самого первого момента заседания поднялась форменная буря по вопросу, кому предоставить слово, так как последнего добивались сразу несколько человек, в том числе Робеспьер и его враги. Противники Робеспьера кричали, что он не имеет никаких привилегий сравнительно с другими членами собрания, однако, большинство было на стороне Робеспьера и последний получил слово... «По волнению этого собрания, — сказал он, — легко заметить, что ему не безызвестно произошедшее сегодня в Конvente, легко также видеть, что бунтовщики боятся быть разоблаченными в присутствии народа...» После этого выступления Робеспьер зачитывает сделанный утром в Конvente доклад.

Бурные аплодисменты сторонников и выражения негодования противников покрыли заключительные слова доклада. Дюма, один из самых ярких робеспьеровцев, заявил, что наличие заговора вне сомнения и что само правительство контр-революционно, затем обратившись к противникам и, прежде всего, к Билло, сказал: «Удивительно, что люди, хранившие уже много месяцев молчание, теперь просят слово для возражения блистающим как молния истинам, произнесенным Робеспьером. В этих людях легко узнать наследников Гебера и Дантона, и я им предсказываю, что они унаследуют и их участь».

Появившийся на трибуне Колло был встречен свистом, напрасно оратор пытался напоминать о своих заслугах перед революцией и о совершенном на него покушении. Билло Варен тщетно взывал к «истинным якобинцам»: «Я не вижу больше их в этом Обществе, в котором оскорбляют представителя народа в тот момент, когда он напоминает об избегнутой им гибели. Если дела обстоят так, что остается только закутать голову тогой и ждать»... Страшные крики заглушили оратора и не дали ему возможности продолжать его речь. Появившийся еще раз на трибуну Колло опять-таки напрасно пытался получить слово, когда Билло попытался сделать то же самое, крики: «На гильотину, на гильотину» заглушили его...

Кутона, однако, выслушали с полным спокойствием, он говорил: «Это величайший заговор, из всех до сих пор бывших. Я требую, чтобы по поводу его была открыта дискуссия. Тогда мы увидим появление на трибуне заговорщиков, они перед лицом народа побледнеют, смешаются и погибнут»... Предложение Кутона покрывается бурными аплодисментами. Энтузиазм охватывает присутствующих, шляпы летят в воздух, крики: «Заговорщики на гильотину», — потрясают стены здания... Тщетно горсть противников Робеспьера пытается протестовать против «духа фанатизма и притеснения», овладевшего Обществом, их поражение полно и бесповоротно...

Помимо рассказа Билло Варена о событиях 8 термидора существуют и другие версии, видимо, более поздние и в качестве таковых более подробные. Согласно этим позднейшим преданиям, Робеспьер чтение своего доклада завершил словами: «Эта речь — мое завещание... Союз зла силен настолько, что я не могу надеяться спастись... Я умру без сожалений и оставляю вам о себе память, которую вы должны защищать...

Отделите злых от слабых, освободите Конвент от преступников его угнетающих, окажите ему услугу, которую он от вас ожидает, как и в дни 31 мая и 2 июня. Идите, спасите еще раз свободу, если, несмотря на все эти усилия, придется погибнуть, прекрасно, вы увидите меня «пьющим цикуту с полным спокойствием»... «Я выпью ее вместе с тобою», — крикнул, якобы, Давид (VI, 282—289).

Учитывая настроение, царящее в этот вечер в клубе, можно сомневаться относительно произнесения Робеспьером этой фразы. Что же касается настроения членов клуба, то о нем все версии говорят как о сочувственном робеспьеровцам. Чем объяснялось это? Противники Робеспьера приписывали это явление присутствию среди членов Общества массы подставных лиц, об этом же говорил и адрес самих якобинцев, поданный Конвенту 11 термидора. Не подлежит сомнению, что в столь решительный момент робеспьеровцы мобилизовали все свои силы, но почему же этого не сделали и их противники? Может быть, масса якобинцев инстинктивно понимала, что, несмотря на то, что противниками для робеспьеровцев являлись левые, в лице Колло и Билло, победа их будет означать победу реакции.

События бурного дня 9 термидора хорошо известны. Что же касается происшествий, имевших место в Якобинском Клубе вечером этого дня, то эти события восстановить весьма трудно. Повидимому, на собрании, за исключением единиц, присутствовали сторонники Робеспьера. Восставшая Коммуна обратилась к Обществу за поддержкой, прося мобилизовать не только членов Общества, но и присутствующих на трибунах, и в то же время заклиная не покидать всем полностью помещение Клуба. Согласно этой просьбе была установлена связь с Коммуной, десять членов Общества вместе с делегацией Коммуны отправились туда «для того, чтобы объединиться с ней на предмет охраны общественного блага. Депутат Бриваль, имевший мужество заявить, что днем он голосовал «против тирана» (Робеспьера), был изгнан из Клуба... (VI, 289—295).

Вот, в сущности, и все, что известно о заседании Клуба в роковую ночь с 9 на 10 термидора.

Судьба робеспьеровцев, как известно, решалась в Коммуне, а не в Клубе, и не энтузиазмом его членов. Центром движения была Коммуна и окажи массы поддержку этому, столь часто уже бывавшему центром восстаний, органу, события, может быть, повернулись бы иначе. Но на этот раз массы были или равнодушны, или враждебны к пытавшейся поднять восстание группе.⁸ Да и могли ли массы, для которых в свое время эта группа ничего не сделала, вождей которой, да и не только вождей, но и рядовых их представителей она казнила, могли ли они подняться в защиту этой группы? Да и кто бы поднял эти массы Бюрократизированные секции, другие «очищенные» городские органы, чиновники, назначенцы, заседавшие в них⁹.

Нет, всей предыдущей политикой робеспьеровцы оттолкнули от себя широкие слои парижского, некогда революционного населения. Теперь пришел момент расплачиваться за ведение этой политики, политики небольшой группы мелкой буржуазии. Характерно, что секция Гравилье¹⁰, прежний оплот «бешеных», оказалась в рядах противников восставшей Коммуны.^{xxvi}

И, конечно, не нерешительностью Робеспьера, как часто утверждают, объяснялось поражение восставших, наоборот, может быть, и эта нерешительность являлась следствием понимания Робеспьером истинного положения дел и, прежде всего, пониманием того, что восстание, будучи объявленным, обречено на неудачу... Уже 11 термидора делегация закрытого на три дня Якобинского Клуба посетила Конвент. «Вы видите перед собою,— говорил оратор делегации, — истинных якобинцев, заслуживающих уважения французской нации и ненависти тиранов. Вы видите людей, взявших за оружие для того, чтобы поразить магистратов предателей, узурпаторов национального авторитета. Истинные якобинцы не собирались в момент смуты на частные заседания. Нет, они находились всюду, где были нужны сила и наблюдательность для того, чтобы сражаться с заговорщиком. Чудовищные сходбища заговорщиков, осквернявшие нашу землю, состояли из личностей, не имевших членских билетов, преданных своему тирану. Мы же шли вместе со своими секциями для того, чтобы повергнуть этого нового тирана» (VI, 801).

Говоря это, думали ли «истинные якобинцы», что всего через три с половиной месяца тот же самый Конвент, который теперь постановлял распечатание произнесенной их делегацией речи, — издаст декрет о закрытии Клуба? *Сергей Михайлович Моносов*

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

Харьков: «Пролетарий». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2003

⁸ См. Кареев, «Роль Парижских секций в перевороте 9 термидора».

⁹ См. Mellie, «Les sections de Paris pendant la revolution», стр.153.

¹⁰ Общее собрание секции Гравилье высказалось за Конвент и против Коммуны. Кареев, «Роль Парижских секций 9 термидора», стр.45.

^{xxvi} Е.Киселева, «Роль парижских секций в перевороте 9 термидора» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/kisel_therm.pdf).

Думали ли они, что их Клубу предстояли новые тяжкие сражения с реакционными опасностями и что под ударами этих опасностей их Клубу суждено будет погибнуть?..

В 1 части была сделана попытка изобразить явления фракционной борьбы в Якобинском Клубе в виде определенного процесса, процесса, сопряженного для каждой фракции с поражениями и победами, с отступлениями и наступлениями, атаками и контр-атаками. В процессе этой борьбы каждая фракция вы-двигала то тот, то иной боевой лозунг, вокруг которого некоторое время и велась борьба. Так, на наших глазах «бешеные» из врагов конституции обратились в сторонников ее немедленного проведения в жизнь. Дантониисты из сторонников террора превратились в его противников, левые бывали то защитниками Конвента и Комитетов, то их врагами. То же самое и в вопросе о диктатуре: то Дантон заявляет, что конституция «как бы спит», то Демулен взывает к конституционным гарантиям.

Но в этой же части была сделана попытка показать, что при-чины фракционности коренились в социально-экономической разнице интересов отдельных групп мелкой буржуазии, т.-е., иными словами, что за переменностью лозунгов, о которой только о говорилось, скрывались некие постоянные величины — вполне реальные интересы общественных групп.

ЧАСТЬ II. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА^{xxvii}

Якобинцы в эпоху реакции¹¹

I. Первые шаги реакции

Девятого термидора пала диктатура группы мелкой буржуазии возглавляемой Робеспьером. Падение это было результатом коалиции левых якобинцев и умеренных, значительную часть которых составляли элементы, подвергшиеся в ходе революции и в процессе развития связанных с ней экономических явлений своего рода перерождению. Эти переродившиеся элементы якобинской партии уже не отражали интересов мелкой буржуазии, а являлись выразителями надежд и чаяний новой или вернее, старой, но возродившейся крупной буржуазии.

Возрождение этой последней показывало, что все попытки мелко-буржуазных якобинцев создать царство мелко-буржуазного равенства были утопией. Колесо экономического развития повернуть назад было невозможно. Попранная экономика мстила за себя, в этом и заключался смысл событий девятого термидора.

Крупная буржуазия и ее приспешники инстинктивно поняли это, недаром они неистовой радостью приветствовали телеги, везущие на эшафот Робеспьера и его друзей, и устроили целое гулянье около места казни.

Левая же часть одержавшей победу против-робеспьеровской коалиции наивно верила, что катастрофа 9 термидора будет способствовать углублению революции, что эта последняя пойдет вперед, избавившись от такого затора на пути своего движения, как Робеспьер и группа его сторонников. И действительно, в момент переворота и непосредственно вслед за ним формально власть оказалась в руках левых элементов коалиции. Под важнейшими документами, изданными в эти дни, стоят подписи именно левых якобинцев — Амара, Вадье, Вуллана, Билло Варена.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

Харьков: «Пролетарий». 1925

^{xxvii} Рекомендуемые материалы к нижеследующим главам: А.Матьез, «Термидорианская реакция» (http://narod.ru/disk/11231826000/mathiez_therm1.pdf.html, http://narod.ru/disk/11231810000/mathiez_therm2.pdf.htm), К.Добролюбский, «Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9 термидора» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-sect.pdf), его же, «Термидор» - монография (http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm#book), его же, «Термидорианская реакция (общественная жизнь по свидетельствам очевидцев)» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-react.pdf), П.Щеголев, «К характеристике экономической политики термидорианской реакции» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_shcheg.pdf), его же, «После Термидора» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shchegolev_thermidor.pdf), подборка документов «ПОСТТЕРМИДОРИАНСКИЙ КОНВЕНТ: ликвидация революционного порядка управления» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_therm2.pdf) и работы С.Моносова в соавторстве с В.Колоколкиным «Что такое Термидор» (http://narod.ru/disk/8364910000/thermidor_monosov.pdf.html)..

¹¹ Для второй части в качестве источников были использованы изданные Оларом протоколы Якобинского клуба т.VI (в ссылках — VI), газета «Moniteur» т.т. XXI, XXII (в ссылках Ол. XXI, XXII) и сборник документов Олара — «Париж во время реакции» (в ссылках цифра без обозначения источника). В качестве пособий использованы Луи Блан — «История французской революции», т.XI (в ссылках Л.Б. XI), Deville — «Thermidor et Directoire» (в ссылках Dev.) и другие работы, указанные в самих ссылках.

Барер четырнадцатого термидора на заседании Конвента сказал: «Революция это растение, рост которого нельзя приостановить, не погубив его». Луше, первый потребовавший ареста Робеспьера, заявлял с конвентской трибуны: «Чтобы изсяк источник наших внутренних неурядиц, нет иного средства, как поставить на очередь террор... Я подразумеваю самую суровую справедливость по отношению к подлой умеренности...» (Л.Б., XI, 227).

Временно союзники левых якобинцев намерены были сохранить эту иллюзию — Тальен потребовал напечатания этой речи Душе. Почему они делали это? Во-первых, террор нужен был им самим для расправы с остатками робеспьеровцев, а во-вторых, они находили пока еще не своевременным развернуть полностью знамя реакции...

Однако, эта последняя уже показывала свое лицо. Левассер, возвратившись после долгого отсутствия в Конвент, так описывал его вид: «он поразил меня, вершина Горы, где недавно толпились две трети депутатов была теперь оголена и почти пусто-вала, большинство ее членов перешло в Болото, где они смеши-вались с пошлой толпой, поддерживающей все торжествующие партии, надеялись заставить забыть о себе; другие, не оставив левой, спустились ниже; со своих новых скамей, точно с нейтральной почвы изучали новое положение революции; но более всего я удивился, увидав на правой стороне Тальена, Лежандра, Мерлена, Фрерона; во всем собрании господствовало большое смущение... но еще оставалось около тридцати (!) патриотов, готовых отдать жизнь за свои убеждения» (Л.Б., XI 229).

Средоточием этих патриотов вне Конвента продолжал оставаться Якобинский Клуб. Что же представляли собою его первые после катастрофы девятого термидора заседания?

Положение якобинцев термидорианцев было очень щекотливым. В момент переворота большинство членов Клуба шло за Робеспьером, поэтому надлежало теперь очиститься от робеспьеровских элементов и отмежеваться от них. И протокол от 11 термидора сообщает нам, что собрание в этот вечер было малочисленно, «но состояло из истинных якобинцев». Под последними, как видно из заявления, сделанного депутацией якобинцев, принятой Конвентом того же 11 числа, следовало понимать тех членов общества, которые в роковую ночь девятого термидора не откликнулись на призыв мятежной коммуны.

«На этом заседании, говорит дальше протокол, не присутствовали эти подлые рабы или вернее эти нахальные заговорщики, сторонники лицемерного тирана, который при помощи своих наружных добродетелей добился господства над Обществом свободных людей. Они, не будучи якобинцами, нагло занимали в течение двух дней места, принадлежащие истинным друзьям отечества, эти преступники бежали, как ночные птицы при приближении зари. Казнь тирана и наиболее видных его соучастников испугала эту нечистую толпу и она теперь находится далеко от священного здания».

Ныне истинные якобинцы со слезами радости пожимают друг другу руки и повторяют: «Мы свободны». Однако авторы протокола были смущены мыслью о том, как «Общество свободных людей» смогло так долго терпеть тиранию и на этот вопрос они попытались ответить следующим образом: „маска, которой прикрывался тиран, была почти непроницаема, ибо он, постоянно покровительствуя преступлению, имел на устах слова добродетели и благородства... ибо он делал вид, что призывает французский народ к почитанию высшего существа, как будто французский народ когда либо от этого почитания отказывался... Ибо покровительство, оказываемое им священникам, удешевляло число его сторонников. «Теперь маска спала, Катилины более не существует, он и его бесчестные соучастники заплатили головами за их ужасные преступления» (VI, 295—6).

Оправдаться от подозрения в сочувствии Робеспьеру якобинцы считали необходимым и перед своими провинциальными единомышленниками, членами «усыновленных» народных обществ. В адресе, разосланном этим обществам 5 августа (18 термидора) говорилось: «Нет, друзья и братья, они не были якобинцами, те негодяи, которые овладели убежищем свободы для того, чтобы там в ночь с девятого на десятое устроить очаг восстания против законных властей. Эта преступная орда нуждалась в священном имени для того, чтобы обеспечить успех своим преступлением; заговорщикам был нужен могучий рычаг общественного мнения и их величайшим преступлением было желание присвоить себе пять лет славы для того, чтобы ею облачить наиболее подлого и бесчестного из тиранов... Но истинные якобинцы старые друзья свободы не потеряли мужества в столь важных обстоятельствах, мало обеспокоенные временным одержанным негодяем успехом, успехом над несколькими заблуждающимися личностями и над толпой женщин, обесчестивших свой пол свистом и воплями ярости... истинные якобинцы собрались каждый в своей секции. Здесь они произносили мужественные и полные чистой истины речи, обращались к народу, напоминая ему его права и обязанности... (VI, 323—324).

Как мы видим, якобинцы-термидорианцы были весьма скомпрометированы тем обстоятельством, что большинство их Клуба в момент переворота было на стороне мятежников и для того, чтобы избавиться от подозрений в сочувствии к этим мятежникам, они готовы были идти на самые решительные заверения и уверения, на демагогические выпады против уничтоженных противников и т.д. Впрочем, эти официальные из'явления якобинцами своей лойяльности

совершенно не являлись чем-нибудь исключительными, напротив в тот момент они были общепризнанными, как способ заявить свою солидарность с произошедшим переворотом. Восемнадцатого термидора на заседании Конвента зачитывался адрес «Общества защитников республики», в котором и говорилось: «Некий новый Катилина пребывал в этих стенах, преступник разыгрывал здесь роль защитника отечества, в то время, как он был только притеснителем... Представители народа, Общество защитников республики должно дать вам отчет в своих действиях... в тот момент, когда заговор сделался явным, часть членов нашего общества отправилась в Конвент для сопровождения некоторых представителей народа при исполнении возложенных на них поручений... другие отправились каждый в свою секцию для того, чтобы там наэлектризовать души и побуждать своих сограждан бежать на помощь национальному представительству, которое преступники и приспешники нового Кромвеля хотели уничтожить (VI, 325—26).

На первом происходившем после девятого термидора заседании Общества присутствовали представители обеих фракций, одержавших победу коалиции — Билло Варен и Лежандр. Последний заявил, что «истинные якобинцы не присутствовали на заседаниях 9 и 10 термидора, что на них присутствовала толпа заговорщиков, не имевших членских билетов, и что немногие присутствовавшие на этих заседаниях якобинцы удалились с негодованием».

Билло Варен и Колло Д'Эрбуа призывали к объединению вокруг Конвента: «Конвент велик — так как он есть народ... он поразит всех заговорщиков, он сравнивает с землей все препятствия, он будет верен принципам свободы и равенства... мы должны составить как бы одну семью, тот, кто не хочет быть свободным, Должен быть изгнан из нашей среды, ибо все мы братья. Якобинцы — это Конвент, Конвент — это народ, а Общество якобинцев также вечно, как и сама свобода». Затем собранием было решено отправиться всей массой в Конвент для засвидетельствования ему своих чувств по поводу избавления от нового тирана (VI, 298—300.)

На первом заседании, как мы видим, господствовала полная идиллия; представители обеих групп термидорианцев выступали вполне согласно, этим же настроением проникнуты и первые строки протокола следующего заседания. Здесь говорилось относительно предыдущего собрания, что «оно было как бы собранием друзей и братьев, которые сошлись для того, чтобы взаимно поздравить друг друга с освобождением от опасности». Мудрость решений, вынесенных на этом заседании, показывает, что свобода мнений, наконец, воцарилась среди нас, ликует протокол, и что истина может звучать совершенно безнаказанно» (VI, 302).

На этом же заседании был поднят вопрос о возвращении в лоно Общества нескольких изгнанных при господстве робеспьеровцев лиц и в первую очередь Дюбуа Крансе, Тальена и Фуше, а также об освобождении некоторых заключенных, например, Дюфурни и Лаво. Затем один из присутствующих, основываясь на том, что задачей Общества является направлять общественное мнение, почему в его среде могут быть только действительно справедливые и добросовестные люди — предложил произвести чистку членов Общества. Другой выступивший за ним якобинец выразился еще определеннее и сказал, что в течение двух месяцев Робеспьер ввел в Общество массу своих сторонников, вследствие чего необходимо исследовать путем строжайшего испытания принципы всех вступивших в число членов в послед-нее время. Результатом этого заявления был ряд нападок и доносов личного характера, которые были прекращены внесением предложения направлять впредь все разоблачения и доносы в Трибунал, Обществу же заниматься предметами, более достойными его внимания (VI, 302—07).

Предложенная чистка Общества была действительным средством избавиться от сторонников низвергнутой группы, во-первых, и доказать свою лояльность новому правительству — во-вторых. Поэтому-то к данному вопросу Общество возвращалось много раз. Пятого августа Леонард Бурдон предложил проводить чистку Общества тем же способом, каким она проводилась после расстрела на Марсовом поле: следовало избрать пятнадцать старейших членов Общества, которые бы, составив список всех желающих оставаться членами Клуба, собрали бы относительно их все необходимые сведения, касающиеся их «личности, поведения и политических принципов». Это предложение Бурдона было принято и в конце заседания были произведены выборы пятнадцати членов комиссии, в число которых вместе с инициатором предложения Бурдоном, представителем левого крыла якобинцев, вошел Дюбуа Крансе,^{xxviii} возвращенный в лоно Общества, некогда изгнанный в качестве дантониста.

На одном из следующих заседаний в эту же комиссию ввели «месте с освобожденными из заключения Дюфурни, ренегатом гебертизма, Тальена и Лежандра — вождей термидорианцев-реакционеров. Уже 15 августа комиссия по чистке огласила свои решения, согласно их членский билет мог быть выдан лишь лицу, умевшему доказать, что в ночь с 9 на 10 термидора он находился на своем посту в секции ли, около ли Конвента или в каком-либо другом месте, служа общественному делу (VI, 319—20, 322—331, 339).

^{xxviii} Эдмон Луи Алексис Дюбуа-Крансе (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#db-cran>).

Как мы видим, на первых заседаниях господствует полнейшее единение и согласие среди представителей различных групп термидорианцев. Однако, уже на третьем заседании появились признаки возникновения будущих несогласий и вражды: союз дал легкую трещину.

Леонард Бурдон предложил послать защитников нескольким гражданам Орлеана, томящимся совершенно несправедливо в заключении. Лежандр, уцелевший благодаря отречению от своих единомышленников, дантонистов, начал призывать Общество к величайшей осторожности и осмотрительности при выполнении различных просьб арестованных. Несомненно, что умеренные уже испугались возможности освобождения своих ранее арестованных противников. «Будьте осторожны, граждане, говорил Лежандр, вспомните, что в различных обстоятельствах Орлеанская Коммуна проявила себя контр-революционной. Я полагаю, именно здесь надо проявить недоверие ко всяким петициям представляемым гражданами этой Коммуны».

Леблуа, выступивший следом за Лежандром, раскрыл причину его опасений, сказав, что арестованные все добрые патриоты и что один из них в свое время доблестно защитил Леонарда Бурдона. Это-то обстоятельство и смущало Лежандра, выходило, что Орлеанские патриоты в свое время сочувствовали левым. Выступивший после этого Гупилло заявил, что в Орлеане существовала партия гебертистов, открыто сеявшая смуты среди граждан... Прения по данному вопросу затянулись, Бурдон вынужден был выступать вторично и вновь требовать командирования защитников своим единомышленникам орлеанцам. (V, 308—11).

Как ни незначительно было произошедшее столкновение, оно должно было показать, что истинное положение дел весьма далеко от какой-либо идиллии, что Обществу снова предстоит стать ареной ожесточенной борьбы и схваток.

Эта мысль сквозит уже в упоминаемом нами адресе от пятого августа: «необходимо предостеречь против попыток аристократии и модерантизма. После столь долгого угнетения следует ожидать реакции сильной и пропорциональной злу, которое мы только что оплакали. Следует дать чувствительности все, то чего требует гуманность, но в проявлении этой чувствительности надо остановиться тогда, когда злонамеренность пожелает ухватиться за нее, как за оружие против общественной свободы... Конвент проявил величие характера, он ниспроверг тирана и тиранию, но он не забыл, что враги свободы еще дышат»... (VI, 32-1—25).

Уже тринадцатого августа Бантоболь говорил с тем, что Обществу вновь приходится избегать двух рифов, что ему следует быть на страже, опасаясь, с одной стороны — аристократии обвиняющей патриотов в том, что они соучастники тирана, с другой стороны, надо предохранить себя и от модерантизма тех, кто хочет воспротивиться наказанию истинных соучастников этого преступника... Затем он предупреждал против возможности возрождения робеспьеризма (VI, 337-338).

Через несколько дней Реаль уже снова говорит о начавшем поднимать голову модерантизме, пытающемся использовать происшедший переворот...

И действительно, реакция начала поднимать голову. Из провинции приходили сведения о притеснениях патриотов, о том, что «народные Общества наполняются мяскадами аристократами, контр-революционерами»...

«Все патриоты, говорил выступавший в Клубе 11 августа Шаль, обвиняются в том, что они соумышленники Робеспьера, и под этим предлогом их угнетают и преследуют точно таким же варварским способом, как и в 1791—92 году, в собрании им отказывают в слово, в то время как их клеветники занимают подолгу трибуну, председатель внезапно закрывает собрание, чтобы лишить патриотов возможности дать свои объяснения... В некоторых местах не боятся нападать на память бессмертного Марата»... И Шаль требовал, чтобы Общество впредь заслушивало на каждом заседании сообщения о преследовании патриотов. (VI, 337).

Наравне с преследованием патриотов происходит освобождение из мест заключения арестованных контр-революционеров. Полицейский отчет от 13 августа сообщает о беспокойстве некоторых граждан по поводу безразборного освобождения заключенных (стр.1, 37)¹².

На заседании 21 августа Мор горько жаловался на что освобождение контр-революционеров: «Взгляните, говорил он, на ту амнистию, которую хотят даровать всем заключенным. Если необходимо уничтожить аристократию, то почему открывают тюрьмы, для того чтобы позволить выйти из них бывшим графам, герцогам и другим знатым, а также родственникам эмигрантов. Даже сами депутаты имеют безстыдство требовать освобождение людей, ожидающих это освобождение для того чтобы отправится для присоединения к шуанам...»

Последнее заявление Мора имело под собою самую реальную почву: термидорианца правой — Бурдон-из-Уазы, Фуше, Тюрио потребовали применения закона об освобождении заключенных, изданного 18 термидора, к новым категориям арестованных.

Сергей Михайлович Моносос

¹² В коллекции документов, собранных Оларом под названием «Париж во время реакции» помещены в качестве документов, характеризующих настроение парижского населения, полицейские отчеты о состоянии Парижа и отрывки из газет различных направлений.

«Я был удивлен, — говорил далее Мор, — что ложная мягкость, похожая на дух безумия, овладела нами. Человечность, добродетель, которая должна быть проявляема каждый день, но не один день ее нельзя использовать во вред отечеству. Если мы предоставляем свободу заключенным, является очень важным то, чтобы она была предоставлена только угнетенным патриотам (VI, 372—73).

Немного времени спустя, на одном из заседаний, происходившем в конце августа, Дюперре заявил, что «аристократия и распущенность всюду поднимают голову»... На том же заседании один из членов Общества сообщал, что модерантизм оживает на юге, далее зачитывалось письмо, в котором сообщалось относительно расклеенных по улицам Марселя прокламациях. «Мы умеренны, но честны, значилось в этих прокламациях, а все до сих пор служившие революции должны погибнуть, ибо они расхитили общественное достояние»... Другой член Общества сообщал, что народное Общество юга объявило себя заседающим непрерывно (VI, 392—93).

30 августа Луа обращал внимание якобинцев на происходящее в Париже: «Откроем глаза, говорил он, — на происходящее: с момента падения тирана аристократия поднимает голову, а патриотизм подвергается нападению, множество интриганов поднялось для того, чтобы проповедывать модерантизм». 1 сентября на заседании Клуба зачитывается жалоба народного Общества из Исси-де-ля-Монтань на массовое освобождение арестованных аристократов (VI, 396, 401).

Учитывая темп нарастания реакционных настроений, правые термидорианцы решили нанести своим бывшим союзникам слева решительный удар. Двадцать девятого августа Лекуантр выступил в Конвенте с обвинениями против членов прежних Комитетов Безопасности и Опасения. Этими обвинениями были затронуты все наиболее видные представители левых якобинцев — Билло Варен, Колло Д'Эрбуа, Баррер, Вадье, Амар, Вуллан и робеспьерист Давид. В бурном заседании после выступления Гужона, воскликнувшего: «Это Конвент обвиняется здесь», и Камбона, заявившего, что «если комитеты преступны, то преступно и собрания, ежемесячно единодушно отсрочивавшие их полномочия», после эффектного выступления Вадье, подражавшего Марату в данном им с пистолетом в руках обещании прострелить себе голову, — после всего этого Конвент постановил перейти к очередным делам, «отклонив с величайшим негодованием обвинения Лекуантра» (Л.Б., XI, 232).

Видимо, реакция еще недостаточно учла свои силы, выступление Лекуантра оказалось преждевременным. Вследствие слишком малого срока времени, протекшего с 9 термидора, многие из болотовцев и новоявленных реакционеров, опасались как бы падение членов прежнего правительства, с которыми они были связаны былым сотрудничеством, не повлекло бы за собою его собственного падения. Так или иначе, выступление Лекуантра успехом не увенчалось (стр. 66, 69).

Конечно, эти события, поднявшие бурю в Конвенте и взволновавшие весь Париж, — полицейские отчеты сообщают нам об этом, - не могли не отразиться на Якобинском Клубе. Напротив, там они вызвали новую вспышку борьбы между различными группами термидорианцев.

В выступлении Лекуантра якобинцы совершенно правильно усмотрели прямую угрозу себе. 30 августа в день вынесения Конвентом решения по адресу Лекуантра, в Клубе выступил Каррье и заявил, что эти обвинения направлены против самого Конвента и против самого французского народа, что в этом предприятии Тальен действовал заодно с Лекуантром. Затем Каррье рассказал о якобы слышаном им обрывке разговора о необходимости совершить 10 фрюктидора, используя для этого, если понадобится, даже убийц. «Если причинят зло Лекуантру, сказал будто бы один из разговаривающих, найдется много народу, чтобы его поддержать». Сопоставляя с этими разговорами массовое освобождение аристократов из тюрем, Каррье приходил к выводу о подготовке крупного контр-революционного движения.

Дюгем, изгнанный в свое время Робеспьером за левизну своих взглядов, заявил, что Фрерон, Тальен и Дюбуа Крансэ действовали заодно, а Лекуантр выступил по их наущению. Дюбуа пробовал оправдываться, а бывший гебертист Дюфурни заступился за Фрерона и Тальена говоря, что слышал, как они уговаривали Лекуантра воздержаться от выступления... (VI, 396—98).

Согласно предложению Каррье, Лекуантр и Тальен должны были явиться для дачи своих объяснений, в противном случае их ожидало изгнание из Общества. На следующем заседании было зачитано письмо Лекуантра, в котором тот заявлял, что не считает преступлением перед Обществом выраженные вне его стен мнения, да еще когда эти мнения выражаются им в качестве представителя народа в Конвенте. Столь явное проявление неуважения к Обществу, бывшее в сущности проявлением контр-революционности, вызвало произнесение ряда горячих революционных речей, напомнивших прежние времена якобинцев.

Дюкэнуа сказал, что в революции нельзя смотреть назад, но следует без сожаления уничтожать всех, кто заявляет себя врагами общественного блага. Фейо заклинал патриотов не влагать своих мечей в ножны, ибо революция еще не кончилась. «Ведь сохранились еще аристократы, которых надлежит уничтожить и победить» — восклицал он. Дюперре полагал, что

лишь объединение всех друзей свободы может в настоящий момент спасти общественное дело (VI, 402—05).

II. Борьба за сохранение революционного правительства и террористического режима

Наступающая реакция не желала иметь никаких препятствий на пути своего движения, она желала отмены всех революционных мероприятий, установленных в эпоху диктатуры в целях борьбы с контр-революцией; в числе этих мероприятий не последнее место занимало стеснение свободы прессы. Именно поэтому-то второго фрюктидора Тальен и потребе вал от Конвента «свободы печати, или смерти» (Олар, 573).

Таким путем создалось парадоксальное положение, при котором якобинцы- демократы¹³ оказались противниками проведения такого, казалось бы, демократического мероприятия, как восстановление свободы печатного слова.

Еще раньше сделанного Тальеном заявления вопрос о свободе печати, так сказать, носился в воздухе; уже восемнадцатого термидора один якобец, намечая программ ближайших занятий Клуба, указал на необходимость обсуждал в первую очередь вопрос о свободе печати, он был поддержан Лекинио, заявившим, что во всякой стране, «в которой не существует свободы мнений и печати, существуют лишь дикость тираны и рабы» (iVi, 322).

Действительно, к этому вопросу Общество возвращалось много раз. Дней через десять после заявления Лекинио, Реаль уже говорил по поводу свободы печати, что она является единственным средством борьбы с двумя угрожающими республик опасностями — злоупотреблениями со стороны революционного правительства и возрождающимся модерантизмом. «Свобода прессы! Но скажут, что на сей предмет существуют благодетельные законы. Я же отвечу, что достаточно бросить взгляд на происходящее, чтобы убедиться в том, что свобода прессы уничтожена. Недостаточно иметь законы, если достоверно известно, что они нарушаются. Необходимо, чтобы эти законы заключали в себе верную и прочную гарантию и чтобы не боялись быть гильотинированными, если напишут ту или иную вещь в тот или иной момент» (VI, 342).

На следующем заседании выступил какой-то член Общества и после нападок на террористический режим «предложил поддерживать принцип свободы мнений и прессы во всей его широте»

Здесь же другой член Общества зачитал написанное одним из граждан с трибун рассуждение, в котором доказывалось, что свобода прессы «необходима при республиканском правительстве и что она всегда в опале при тиране, каковым бы он ни был...» Затем говорил Дюбуа Крансэ, заявляя, что свобода прессы должна быть столь же неограниченной, как и свобода мысли, и что всякий стесняющий ее должен быть рассмотрен, как враг народа и наказан, как заговорщик (VI, 346—49).

Только после такой подготовки решился выступить сам главных правых термидорианцев — Тальен. «Вот предмет, требующий к себе самого настоящего внимания, говорил он, предмет важный, на котором в настоящий момент должно сосредоточить все ваши мысли, к нему нужно приложить все ваши объединенные силы и все имеющиеся в вашем распоряжении средства. Вы уже начали обсуждение этого вопроса, важнейшего из всех вопросов нынешнего дня, вопроса, разрешение которого должно или уничтожить свободу навсегда, или, наоборот, установить ее на самом арочном и неразрушимом базисе... Среди вас не найдется ни одного, кто бы не догадался заранее, что я хочу говорить о дискуссии по поводу свободы прессы. Посвятите себя с наибольшим рвением этой работе, результаты которой имеют для вас отель большой интерес и столь большую важность. Интерес этот таков, что, не одоблив лозунга — «свобода прессы, или смерть», не осуществив его полностью, мы останемся только низкими рабами капризов тиранического настроения духа первого попавшегося, облеченного властью... Нет, никогда не может свобода действительно существовать в стране, в которой можно замкнуть все уста, сломать все перья, сковать даже самую мысль... Во Франции не существует более возможности для каждого лица выражать свои мысли; единственно бессмертным памятником, который якобинцы могут воздвигнуть во славу себе, является — заставить эту возможность возродиться, дать ее нам во всей ее полноте и во всей ее силе... Несомненно, настало время, когда должен пасть отвратительный режим насилия, тирании и притеснений и да будет он уничтожен навсегда. Настанет время, когда человек, равный всем другим людям, будет наслаждаться без боязни, смущения и укоризны правом излагать свои мысли, выражать свои мнения и говорить то, что он

¹³ Во избежание недоразумения, следует заметить, что демократами якобинцы могут быть названы только условно; демократию они признавали, так сказать, в потенции, отстаивая для настоящего момента диктатуру и революционное правительство; как мы увидим ниже, существовали группы требующие, немедленного осуществления демократии.

думает о людях и событиях... Лишь под непроницаемой эгидой этой свободы вы сможете найти верное убежище против всех посягательств со стороны произвола властей... Ведь, повсюду скипетры тиранов опускаются и разбиваются при столкновении с перьями писателей—патриотов. Если вас лишат этой свободы, все ваши учреждения извратятся, тираны восторжествуют и революция погибнет. Я прошу, чтобы дискуссия на эту тему продолжалась.»

Эта блестящая речь в защиту прессы не произвела на противников Тальена должного впечатления. Слишком опытны были якобинцы в приемах фракционной борьбы, чтобы не понять того, что скрывалось за блестящими и эффектными положениями Тальеновской экологии в честь свободы печати. Поэтому некоторые из его противников выступили с заявлением о том, что нечет и говорить о пользовании правом, неотъемлемым и реально существующим для каждого гражданина. Странники же Тальена — Гион и Лекинио, кстати сказать, раз уже менявший свой политический облик¹⁴, говорили, что дело идет о «гарантиях» пользования этим правом. Однако, даже сильно поправевший Дюфурни настаивал на том, что, в данном случае, вопрос идет о совместимости свободы прессы с революционным правительством (VI, 354—56).

На ближайшем заседании дискуссия на ту же тему продолжалась. В качестве сторонника свободы прессы выступил, видимо, не совсем разобравшийся во всей подоплеке данного вопроса, Монэтье. Его аргументация была такова: свобода прессы вполне совместима с революционным правительством, более того, она ему необходима, только она может предохранить членов этого правительства от различных ошибок, ведь, они не имеют возможности заслушивать частные просьбы, внимательно вчитываться в получаемую корреспонденцию, поэтому единственным способом узнать нужды и желания управляемых — является для них чтение газет. «Именно при помощи свободы прессы и полезных произведений, ею порожденных, вы придете на помощь членам революционного правительства. Я прошу, чтобы якобинцы занимались меньше вопросом о совместимости революционного правительства и свободы прессы, а больше бы старались доказать, что революционное правительство без этой свободы невозможно».

Следующий оратор доказывал, что свобода прессы освещена Руссо в его «общественном договоре», что она безгранична, как сама мысль, что всякий ограничивающий ее подлежит смерти и что поэтому «Конвент должен от имени народа провозгласить свободу печати — единственный оплот и гарантию свободы общественной».

Лежандр с большим пылом повторил брошенный Тальеном лозунг — «свобода прессы или смерть». Лекинио говорил, что наиболее верным оружием против тирана является неограниченная свобода письменного выражения своих мнений...

Выступали и противники свободы прессы. Карафф начал свою речь с вопроса, для кого требуют свободы печати, для аристократов, или для патриотов? Если для последних, то она не нужна, ибо они всегда имеют право против всех утеснений и тиранов призывать к оружию». Затем Карафф сравнил людей, требующих свободы печати, с гибким лозняком, который после бури, низвергшей гордый дуб, поднимает свою покрытую грязью голову и оскорбляет низверженного великана. Он призывал всех истинных патриотов основывать свою свободу на собственной энергии и мужестве, которые надлежит постоянно проявлять, выступая против аристократии, и на силе духа, стоящего выше смешных, пустых и тщетных страхов врагов...

Здесь Лежандр задал Караффу весьма язвительный вопрос: «Не сгибал ли он, как и другие, под гнетом тирана свою голову, он, обвиняющий других?..»

Отвечая ему, Карафф вновь заявил, что патриоты не нуждаются ни в чьей помощи и покровительстве, что все гарантии свободы заложены в их душах и что у них нет других ресурсов свободы, как борьба грудь с грудью против интриганов, подобно тому, как на фронтах борются защитники отечества...

Его поддержал Изорд, заявивший, что аристократы напрягают все усилия, направляя их к тому, чтобы иметь возможность высказывать то, что они желают и нападать на принципы патриотов, поэтому не следует поощрять их смелость, а необходимо оставить свободу прессы в том положении, в каком она есть.

Заседание закончилось выступлением Ложье, сторонника свободы прессы. Он доказывал, что истина страшна для аристократов, что свобода прессы дает наибольшую возможность высказывать эту истину. Два призрака опасности, говорил он, стоят перед народом: террор и инертность самого народа. «Если хотят избавить от них народ, нужно дать ему полную и совершенную свободу печати, тогда эти страшные призраки скроются и торжествующая свобода упрочит бессмертное царство закона и справедливости...» (VI, 357—63).

Двадцать четвертого августа прения по этому вопросу продолжались; сторонником свободы прессы выступил Дюбуа Крансэ. Он говорил, что свобода выражать свои взгляды, не нарушая общественного порядка, заключена в декларации прав, поэтому свободой должен пользоваться всякий, кто не проповедует восстановление монархии, аристократии и фанатизма. Реаль заявил:

¹⁴ Он был автором атеистических сочинений, в Ию а диктатуры Робеспьера сделался горячим проповедником культа высшего существа (VI, 314).

«Если свобода прессы не будет установлена во всей ее широте, я предпочту жить лучше в Константинополе, чем во Франции при революционном правительстве». И, наконец, Тальен сказал: Нечего бояться того, что свобода прессы нанесет какой-либо вред революционному правительству, эта свобода не может быть расширена настолько, чтобы можно было развращать нравственность, а что касается клеветников, могущих использовать эту свободу, то здесь следует вспомнить слова Люсталло, говорившего, что в революции и клевета бывает полезной и что она очень часто оказывается самой чистой истиной» (VI, 368—70).

В дальнейшем Общество не раз опять возвращалось к этому вопросу; 28 августа Реаль опять говорил, что неограниченная свобода прессы не только совместима с деятельностью революционного правительства, но и является его поддержкой. Все же возражения против не высказывались ранее различными реакционерами, вроде Казалеса и Мори.

Целый ряд членов Общества высказали противоположную мысль, а решительный Дюгем прямо и открыто заявил, что свобода прессы способна погубить республику (VI, 1393—94) начале сентября спор о свободе прессы возобновился с новой силой и с большей горячностью. Объяснялось это тем, что контр-революционность правых термидорианцев нашла свое яркое выражение в уже состоявшемся выступлении Лекуантра. Уже были исключены из состава членов Общества Тальен и Фрерон. Поэтому то, один из самых решительных демократов Лакомб напал на двусмысленно державшегося Дюфурни, а также и на Реалья, Лаво и Гиона, обвиняя их в соучастии с изгнанными реакционерами.

Лакомб отстаивал мысль о разрушительности свободы печати для революционного порядка. Дюфурень доказывал, что «Лекуантр, писавший против Конвента и против целой республики, воспользовался свободой письменного выражения мыслей, он то именно и принадлежит к тем, кто громко кричит: да здравствует безграничная свобода печати». Это дает нам достаточный пример для того, чтобы показать действительные опасности этой безграничной свободы»...

В этот момент в зале появился Лаво, которому немедленно и задали ядовитый вопрос относительно его мнения о свободе прессы. Он воскликнул, что его мнение за свободу прессы, и что это мнение он будет мужественно поддерживать вплоть до эшафот». «Вы все говорите против безграничной свободы, продолжал Лаво, но я берусь вам доказать, что без этой свободы республиканское правительство и правительство революционное — только тиранническое правительство» Такое заявление вызвало страшный шум и крики, от Лаво требовали немедленного доказательства высказанных им положений, когда же он объявил, что изложит свой взгляд впоследствии, ему закричали: «он идет советываться с Фрероном».

В результате всех этих бурных прений была принята резолюция Монэтье, понявшего, невидимому, к этому времени смысл всей дискуссии — «свобода существует постолько, поскольку она допустима согласно Декларации Прав, всякая же другая постановка вопроса должна быть отложена до окончания революционной войны» (VI. 19—22).

Хотя среди якобинцев и замечались некоторые колеблющиеся души в разрешении вопроса о свободе печати, как, например, Монэтье, большая их часть за исключением вставших в явную реакционность оказывалась решительными противниками свободы прессы. Левые термидорианцы — якобинцы — упорно защищая террористические меры, направленные к утеснению печати, понимали прекрасно, что при создавшемся положении вещей свобода печати может быть выгодна только их противникам. И в самом деле, «журналисты антидемократы, говорит Олар, сильные своею численностью и поддерживаемые общественным мнением, безнаказанно нападали сначала на террор, потом революционное правительство и наконец на самые принципы революции» (Олар, 573—74).

Вопрос о свободе прессы повидимому очень сильно волновал умы и за стенами Якобинского Клуба и Конвента: полицейский отчет от 12 сентября сообщает о том, что в Национальном саду несколько граждан «чуть не вступили в драку из-за различия в мнениях по вопросу о свободе печати», донесение от 18 сентября говорит о произошедшем в саду равенства смятении «причиной которого была разница во взглядах на свободу прессы» (стр. 95, 106).

Как враги якобинцев использовали захваченную ими явочным порядком свободу прессы, можно видеть по обилию выбрасываемых в публику самых злостных памфлетов с заглавиями вроде следующих: «Якобинцы без масок», «Якобинцы - убежденные лицемеры», «Разоблачение против якобинцев», «Последний удар якобинцам», «Война не на жизнь, а на смерть против всех убийц» и т.д. (стр.1, 101, 102, 121, 153).

Реакционные же газеты занимались печатанием различных небылиц относительно якобинцев, а жирондистская газета «Патриотическая Летопись» специализировалась на фальсифицировании протоколов заседаний Клуба. (VI, Примеч. к стр.630 и 631).

Не менее важно для правых термидорианцев было покончено и с другими проявлениями террористического режима, конечно не потому, что они являлись противниками этого режима вообще, а потому, что ориентируясь все более и более направо, они искали опоры себе среди тех, на кого в эпоху диктатуры террористические мероприятия падали всей тяжестью. Мы уже знакомы с тем, как смотрели левые на освобождение из тюрем контр-революционеров, они видели в этом угрозу революции, напротив, правые таким путем создавали себе кадры надежных союзников. Несомненное желание ослабления террора было выражено теми криками — «правосудия, правосудия», которыми большинство Конвента встретило уже знакомое нам заявление Луше о необходимости удержать террор (Олар, 554).

Десятого термидора упразднили народные комиссии, 1 августа (14 термидора) отменили закон 22 прериала и отрешили от должности Фуке Тенвиля, 5 августа были ослаблены законы о подозрительных. Четвертого сентября отменили наиболее суровые законы против дворян и эмигрантов. Десятого августа преобразовали революционный трибунал. (Олар, 571—73, Л.Б., XI, 251, Рр.25).

Реакционеры торжествовали, умеренные правые газеты радостно приводили числа освобожденных граждан, расписывали трогательные сцены, происходившие при выходе арестованных из тюрем (стр.25, 153).

Даже демократическая газета «Санкюлот», не поняв в начале смысла происходивших событий, торжествовала по поводу раскрытия дверей тюрем. Истинный же смысл событий обнаружился тем обстоятельством, что правые газеты героем этих освобождений делали Тальена, описывая живыми красками, как этот главарь реакционеров, сопровождаемый многочисленной толпой прибыл в Люксембургскую тюрьму, открыл ее ворота, выпустил многих томившихся в заключении, а остающихся успокоивал, обнадеживая близким предстоящим выходом из тюрьмы. Правда, вскоре появилось опровержение этого сообщения, но характер и значение его от этого для нас не становится менее ясным (стр.27, 31—32).

Насколько ловко и умело действовали правые в Якобинском Клубе, агитируя за восстановление необходимой им в их реакционных целях свободы прессы, настолько же умело подошли они и к вопросу о других проявлениях террора и в частности о заключении врагов революции в тюрьмы.

Двадцать восьмого термидора (пятнадцатого августа) правые выдвинули Реаля, который и начал весьма невинным образом рассказывать об ужасах, творящихся в тюрьмах, о жестокости одного тюремщика из Люксембургской тюрьмы, о самоубийстве вследствие жестокого обращения одного заключенного, и хотя эти рассказы как будто и достигли цели: «эта страшная картина вызвала крики ужаса» — говорит протокол, но среди присутствующих оказались и такие, которые потребовали, чтобы оратор «прекратил эти возмутительные описания».

После этого выступил Лежандр и настойчиво потребовал продолжения Реалем его повествования, что и было сделано Реаль продолжал рассказывать о провокации и предательстве, о ложных доносах, свивших себе гнездо в тюрьмах и т.д. Колеблющийся и услужливый Дюфурни, сменив на трибуне Реаля, описывал пережитое им в тюрьме Карм (VI, 341—4в)

На одном из ближайших заседаний Реаль вновь обратил внимание Общества на то, что только что уничтоженный режим наполнил все тюрьмы гражданами, заслуживающими освобождения. Говорил он и о народных комиссиях, развращенных Робеспьером. Тирион жаловался на произвол наблюдательных комитетов в малых Коммунах, уверяя, что от деятельности этих комитетов страдают больше всего добрые патриоты (VI, 350—51).

Но когда несколько правых термидорианцев попробовали 7 фрюктидора предложить распространение закона 18 термидора на новые категории заключенных, левые выступили с горячими возражениями против этого. Мор негодовал на депутатов, требующих смягчения террора, и произнес горячую речь, с которой мы уже познакомились в иной связи. Как мы помним, он говорил, что, вернувшись после долгого отсутствия, был удивлен, видя, что некое совершенно ложное человеколюбие овладело всеми... «Если якобинцы одобряют мои соображения» говорил он, то тогда, я полагаю, они постараются послать в Комитет Безопасности депутацию с просьбой не доверять людям, требующим освобождения аристократов... Я сравниваю революцию с некоторой дорогой, по которой должна катиться быстрая колесница революционного правительства; если она встречает на своем пути препятствия, задерживающие ее ход, является совершенно правильным, разумным и справедливым устранить эти препятствия, сделать эту дорогу гладкой, удобной, легко проходимой... Препятствия, о которых я говорю, — сторонники аристократии. Единственный способ устранить эти препятствия — заключить их в тюрьму. Эта мера необходимая и надо наблюдать, чтобы она не стала бесполезной, благодаря освобождению аристократов. Ведь, здесь дело идет о свободе двадцати пяти миллионов человек, и мы желаем этой драгоценной свободой наслаждаться». Следующий оратор говорил, что с момента опубликования декрета о составлении списка подлежащих освобождению лиц, он видит повсюду бывших знатных, прежних членов Конституанты и Легислативы, продавшихся двору. «Арестные

дома открываются для освобождения людей, оскорблявших французский народ», заявлял оратор и полагал, что депутацию надлежит отправить не Комитету Безопасности, а к самому Конвенту. «Никакой гуманности, никакого милосердия по отношению к врагам народа», закончил он свою речь (VI, 372—73).

На другой день депутация Якобинского Клуба предстала перед народными представителями. Ее оратор, подчеркнув в начале своей речи, что депутация представляет собою Общество, «возрожденное» и очищенное от элементов развращенных, сказал, что после каждого кризиса наступает реакция, но что эта реакция никогда не давала себя так сильно чувствовать, как в настоящий момент. «Мы далеки от каких-либо сомнений в намерениях и чувствах Комитета Безопасности, уверял оратор депутации, но тем не менее произошло каким-то образом, что среди массы приказов об освобождении есть приказы, давшие возможность выйти на свободу аристократам, использовавшим столь неосторожно данную им свободу для новых заговоров. Мы просим, чтобы был напечатан для всеобщего сведения список освобождаемых лиц. «В этом месте своей речи оратор был прерван ропотом недовольства, раздавшимся на скамьях Конвента. Тальен требовал продолжения речи и говорил, что сам ответит оратору. Президент Конвента, рассыпавшись в похвалах якобинцам все же потребовал, чтобы они подчинялись законам революционного правительства. Но полным поражением якобинцев было то, что Конвент отклонил предложение о напечатании зачитанного депутацией адреса в Бюллетене и голосовал простой переход к очередным делам (I, 1878—79).

После выявления столь определенного отношения к адресу якобинской депутации, после обвинений против бывших членов революционного правительства, после яростной защиты свободы прессы правыми термидорианцами якобинцам стало ясно, что их противниками ведется подкоп под самую идею революционного правительства. И вот, в произнесенной по поводу Гренельского взрыва речи, Дюперре, говоря об этой ужасной катастрофе и о самоотверженности, проявленной во время ее санкюлотами, счел необходимым подчеркнуть, что именно под властью революционного правительства, на которое теперь столько клеветают, французы сделали братьями и друзьями (VI, 406).

По этим-то именно причинам левые и атаковали столь ожесточенно вождей реакции при обсуждении вопроса о свободе прессы. Борьба в Якобинском Клубе продолжалась и после уже знакомого нам заседания, на котором был зачитан отказ Лекуантра явиться для дачи показаний. Третьего сентября несколько рядовых членов Общества потребовали, чтобы были отложены все вопросы и на очередь было бы поставлено дело Тальена, ибо необходимо «воздать должное главарям партии, угнетающей патриотов и покровительствующей аристократам». Затем взял слово Луа и сказал, что враги политического дела отлично знают, что они никогда не смогут совершить контр-революции, если не уничтожат якобинцев. Вы видите, что с недавних пор ведут преследования и против самого Конвента, вы знаете вождей этой новой партии — это Тальен и Лекуантр вместе со своей кликой»

Лакомб сравнил создавшееся положение с эпохой бриссотинцев и потребовал изгнания личностей оскорбляющих якобинцев, так как «эти враги Общества отделились от патриотов и хотят погубить республику». Фейо детально остановился на возможности дальнейшего пребывания каждого из обвиняемых в недрах Общества. Лекуантр, по его мнению, не мог быть членом Общества, как клеветник, Тальен делал подлые доклады с Конвентской трибуны и предлагал амнистию аристократам, Фрерон требовал неограниченной свободы печати, — а это значит «ободрять аристократов и побуждать и требовать в своих писаниях короля и тирана...»

Каррье «развивал свои соображения относительно системы угнетения патриотов и снисходительности к аристократам, системы, практикующейся в департаментах. Он разоблачал Тальена и Лекуантра, как заговорщиков, причем последний, по его мнению, желал начать процесс против самой революции. «Тальен, говорил Каррье, беспрестанно просит справедливости и только справедливости, подобно большому негодяю, говорящему непрестанно, что он порядочный человек...» Затем Каррье сопоставлял гренельский взрыв и освобождение аристократов из тюрем и приходил к выводам о существовании «некоего заговора, покровительствуемого партией, вождем которой является Тальен...»

Левассер нарисовал картину систематической подготовки нападения на революцию. «Акту обвинения, представленному Лекуантром, предшествовала речь, дышащая модерантизмом, речь эта содержала в себе защиту аристократии и принципов, враждебных революционному правительству; приготовив таким образом умы, выставили вперед человека для того, чтобы начать тяжбу против самого Конвента и всей революции. Человеком этим был Лекуантр; теми, кто толкнул его на это выступление, кто произносил подготовительные речи — были Фрерон и Тальен...» (VI, 408—12).

Двое из обвиняемых реакционеров Тальен и Фрерон — выступили с опровержениями возводимых против них обвинений. Первый говорил, что он подвергся нападению со стороны сторонников Робеспьера, что необходимо не только уничтожить тирана, но и наблюдать за тем,

чтобы тирания не возродилась... «Требовали, чтобы революционное правительство сохранилось, я же предлагал уничтожить только его наиболее жестокие формы. Я требовал, чтобы враги народа погибли под мечом закона, но чтобы более не нападали на их невинные семьи, чтобы тот, кто хочет расширить свободу печати, был в безопасности и чтобы не было произвола». Затем Фрерон отвергал приписанную ему фразу о 10 фрюктидоре и уверял, что вместе с Мерленом-из-Тионвиля и Лежандром уговаривал Лекуантра воздержаться от пред'явления обвинений. В заключение он сетовал на аристократов, стремящихся разделить патриотов, и закончил свою речь словами: «если Общество сочтет меня недостойным заседать в его среде, я отправлюсь в Конвент, чтобы там с энергией сражаться против фракций и интриганов».

Фрерон, как и Тальен, заявил, что он указывал Лекуантру на то, что его выступление компрометирует общественное дело и что этим выступлением он бросит в среду членов Конвента яблоко раздора. Что касается его речей о свободе печати, то их, по его мнению, уж никак нельзя было считать за подготовку выступления Лекуантра, так как в таком случае и всех якобинцев можно было обвинять в том же самом, ибо они занимались обсуждением этой же темы. «Если я не останусь среди вас, говорил он в полном согласии с Тальеном, то я принесу на служение Конвенту мою энергию для того, чтобы атаковать интриганов и наемных клеветников. Величайшим средством, используемым Робеспьером, был террор, некоторые желают заставить верить в то, что мы ему хотим в этом наследовать. Но разве восстановление террора является требованием справедливости? Я якобинец с самого рождения, я никогда не отклонялся от добрых принципов, я готов подчиниться тому, что прикажет Общество. Я уйду».

После нескольких выступлений противников Тальена и Фрерона собрание вынесло решение об исключении из числа членов Общества обоих реакционеров. Газеты сообщали, что, выйдя из зала заседания, оба изгнанные якобинца под крики — «вот как сговариваются между собою заговорщики» — бросились друг другу в объятия (VI, 412—17).

На ближайшем заседании якобинцы воспользовались, как мы уже знаем, дискуссией о свободе прессы для того, чтобы напасть на тех из числа своих членов, кого они считали сочувствующими изгнанному Фрерону и Тальену. На следующем заседании Общество демонстративно приняло предложение Дюгема, поддержанное Каррье, о необходимости суровых мероприятий против врагов республики и прежде всего против священников (VI, 424—28).

Вынесение таких решений в настоящий момент имело мало практического значения, мы уже видели, как простым переходом к очередным делам ответил Конвент на представления якобинцев относительно безразборного освобождения заключенных. Влияние якобинцев на Конвент было далеко не прежним: более того, они теперь после изгнания вождей реакционного большинства Конвента оказались в явно враждебных к нему отношениях, именно в этот момент особенно усиливается травля против якобинцев, именно теперь сыплется на них дождь клеветнических памфлетов и злобных измышлений.

Это признавали и сами якобинцы. Несколько позднее (26 сентября) их комитет корреспонденции в своем докладе Обществу писал по этому поводу: «поцелуй, которым обменялись изгнанные по выходе из Клуба, был как бы сигналом объявления войны... Именно с момента этого исключения берут свое начало пасквильные брошюры, афиши, газеты и все произведения прессы Жифруа¹⁵, это исключение было истолковано как удар по национальному представительству и как преддверие к покушению на Тальена, которое, как мы увидим, действительно имело место (VI, 519).

Но и клеветы, и памфлеты были только артиллерийской подготовкой главной атаки на Якобинский Клуб, который был как бы бельмом на глазу у всех реакционеров, без различия того, были ли они членами Конвента, или нет. Однако, прежде чем нанести якобинцам непосредственный удар, надо было лишить их союзников, порвать все их связи с народными обществами провинции и Парижа, затем дискредитировать отдельных членов Клуба в глазах населения... В развитии всех этих обстоятельств и заключался смысл дальнейшей борьбы якобинцев с наступающей реакцией. Одно время казалось, якобинцы снова добьются прежнего влияния на Конвент, но это был только временный успех, только одно из колебаний политического маятника, вообще же реакция, правда, то быстрее, то медленнее, но, все-таки, неуклонно продолжала свое наступление.

III. Тщетная борьба с наступающей реакцией

Итак, реакция продолжала наступать. На одном из первых сентябрьских заседаний Общества был зачитан ряд адресов из провинциальных Обществ. «Все эти адреса, говорит протокол, рисуют картину угнетения патриотов реакционерами, угнетения, последовавшего за событиями 9—10 термидора».

Сергей Михайлович Моносов

¹⁵ «Газета Жифруа», издаваемая депутатом Жифруа в эпоху террора, была кроваво-террористической, после 9 термидора проявила себя как ярко реакционная.

Взволнованные такими, приходящими из провинции вестями, якобинцы после целого ряда горячих речей вынесли решение обратиться в Конвент с адресом, предоставляющим вниманию законодателей картину зол, раздирающих республику. Особенно энергично это предложение отстаивалось Буэном: «Набат свободы, говорил он, звучит по всей Республике, необходимо, чтобы Общество произвело анализ жалоб, поступающих к нему со всех концов, и чтобы оно в энергичном адресе нарисовало Конвенту картину всех несчастий, обрушившихся в данный момент на патриотов».

Буэна поддержали Каррье и сам Билло Варен, последний в краткой, но энергичной речи заявил: «Конвент хочет спасения свободы, пусть якобинцы появятся у его решетки, и аристократы обратятся в ничто. Когда масса патриотов будет едина — рептилии смешаются с грязью; я требую представления адреса Конвенту, в Конвенте вы найдете людей, достойных умереть за свободу» (VI, 434—35, 437).

И якобинцы отправили свою депутацию в Конвент, перед решеткой которого она и появилась 11 сентября.

«Законодатели, говорил оратор этой депутации, крик горя доносится до нас со всех концов республики, это голос угнетенных патриотов, брошенных в тюрьмы и остроги, из которых только что вышла аристократия. Это происходит не в нескольких коммунах, или департаментах, но эта система угнетения и тирании одинаково проявляет себя по всем концам Республики. И проявляет она себя именно против патриотов наиболее пылких и энергичных... Кто же эти люди, сделавшиеся с момента смерти тирана объектом возмездия для новой тирании? Что это, богатые зажиточные люди, нечувствительные и жестокие эгоисты? Или, может быть они — выходцы касты привилегированных, враги равенства, вследствие своего расчета и гордости? Законодатели, сама очевидность доказывает нам, что все они, или почти все, истинные санкюлоты, кормящие плодами своих трудов семьи, патриоты столь же бедные, сколь же и неподкупные... Они не имеют друзей могущественных и пользующихся доверием, друзей, которые бы заваливали Ваши комитеты просьбами и жалобами... «Далее в адресе указывалось, что единственными друзьями этих угнетаемых являются народные Общества и требовалось применение закона о подозрительных, как единственного способа избавиться от опасности тирании и модерантизма. Заканчивался адрес следующим обращением: «Законодатели, воспряньте с доверием, вас окружают республиканцы, и чтобы там ни говорили интриганы, республиканцы будут или защищать права народа вместе с вами, или умрут около вас...»

На это г раз депутация якобинцев была принята Конвентом очень радушно. Когда она вышла на середину залы, ее встретили бурными аплодисментами. Конвент вынес постановление о напечатании и рассылке адреса по Народным Обществам, а также у препровождении его комитетам на предмет принятия соответствующих мер против указанных в адресе бед (VI, 448—51).

Такой прием, оказанный якобинцам Конвентом может быть объяснен только тактическими соображениями его реакционного большинства. Что дело обстояло именно так, доказывает то обстоятельство, что предложение о передаче адреса якобинцев комитетам для практической разработки мероприятий, необходимых для борьбы с указанным в адресе злом было внесено злейшим врагом якобинцев Мерленом из Тионвилля, который совсем недавно обвинял с Конвентской трибуны якобинцев в соучастии в происшедшем покушении на Тальена (VI, 436). Разгадки этого тактического приема надо искать в той борьбе, которую в это время вел Конвент против низов демократии, представленной избирательным Клубом (Клуб-Электораль), для этой борьбы Конвенту нужен был или союз или, по крайней мере, нейтралитет якобинцев. И действительно, в день сочувственного приема депутации якобинцев вожди электоральцев Бодсон и Варле, друг Жака Ру, были брошены в тюрьму.

Несомненно, по тактическим же соображениям на другой день 12 сентября Конвент декретировал перенесение в Пантеон тела Друга Народа. Казалось бы якобинцы должны были бы торжествовать, — их звезда, как будто, снова начала подниматься на политическом горизонте, но, невидимому, и сами они понимали, что этот их успех только временная перемена политической погоды. Уже через три дня на клубских собраниях снова звучали зловещие и предостерегающие речи.

Выступил престарелый член Конвентской левой Вадье и сказал: «не проходит ни одного дня, ни одного момента без того, чтобы не измышляли средства для уничтожения якобинцев и республики... Я предпочитаю лучше проиграть сражение, чем потерпеть поражение на одном заседании в Конвенте. Я содрогаюсь, когда вижу болотовцев, поднимающих голову и покрытых грязью людей, нагло нападающих на Гору. Якобинцы должны показать себя в настоящий момент великими, ведь они мишень для умеренных и тиранов... Настанет день, когда подует вихрь революции и когда оторвавшаяся от Горы скала свалится на Болото, которое она должна уничтожить... (VI, 463—65).

Первая половина речи Вадье вполне соответствовала действительному положению вещей. Газета Фрерона «Оратор народа» в связи с покушением на Тальена, не стесняясь, говорила, что

что это покушение дело рук Робеспьеровской партии, переименовавшей только название... Целый поток памфлетов наводнил Париж, их названия не оставляли никакого сомнения в том в кого метили авторы этих памфлетов. Подлинно, якобинцы были мишенью для всех интриганов! «Защищай свой хвост» — называлась одна брошюра. «Верните мне мой хвост, ведь у вас есть моя голова» — была озаглавлена другая. «Отрежьте ему хвост», гласило название третьей брошюры. Когда якобинцы и их сторонники пытались задерживать продавцов этих оскорбительных для них памфлетов и отводили этих продавцов в Комитеты, то власти арестовывали самих приведших, продавцов же отпускали на свободу, оплачивая им потерянное время. По улицам Парижа расклеивали провокационные контр-революционного содержания прокламации... (VI, 94, 99, 103).

Но что могла значить вторая половина речи Вадье, полная угроз и намеков на скорое наступление каких-то политических перемен? Не могла ли здесь идти речь о приближении срока какого-либо подготовляющегося якобинцами выступления? Едва ли возможно здесь говорить о выступлении, но об известного рода демонстрации говорить вполне уместно.

Как бы там ни было, но 17 сентября во время заседания Клуба в его зале появились одна за другой делегации от шести Парижских секций: Финистер, Бон-Консейль, Монтань, Шалье, Мон-Блан и Тюльери.^{xxix}

Первая появившаяся секция — Финистер выразила свое удивление доблестному поведению якобинцев в столь трудный момент. Председатель собрания ответил ей краткой речью, в которой говорил, что иноземных тиранов уничтожают армии, а врагов внутренних уничтожают якобинцы. Делегация секции Бон-Консейль огласила адрес, зачитанный утром на заседании Конвента. Председатель ответил ей, что модерантизм — открытая дорога к восстановлению королевской власти, а свобода прессы — гнусное оружие, которым хотят этого восстановления добиться, но хулы, изрыгаемые заговорщиками, и требования об уничтожении народных Обществ только свидетельство о наступающей смерти этой нечистой партии.

Эта делегация была сменена делегацией секции Монтань. Ее оратор заявил, что секция присоединяется полностью к адресам Дижона и Гренобля, что она сожгла направленные против якобинцев памфлеты и что делегация делегирована от общего собрания секции для того, чтобы объединиться с якобинцами на основе общих принципов. «Мы признаем вместе с вами, что Конвент единственный центр объединения и что народные Общества его необходимая опора», — говорил оратор делегации. В ответном слове президент выразил надежду, что якобинцы раздавят всех, кто им оказывает препятствие, и что скоро Гора обрушится на Болото...

Оратор секции Шалье сообщил, что санкюлоты этой секции чувствуют, что именно теперь, когда аристократы всех оттенков нападают на якобинцев, обязанность их (санкюлотов) присоединиться к якобинцам, создав общий союз для торжества свободы и революции. Оратор делегации заявил о присоединении секции к принципам адреса Дижона¹⁶ и о том, что секция будет впредь защищать всеми силами Общество якобинцев и народные общества против всех интриг аристократов.

Речь представителя секции Шалье содержит ряд интересных указаний на ожесточенную борьбу, протекавшую в то время в секциях. Согласно его сообщения, секция Пантеона была введена в заблуждение интриганом и не присоединялась к адресу Дижона; под влиянием агитации членов секции Шалье пантеонцы были приняты адрес и даже покрыли его чтение аплодисментами, но в этот момент заседание было сорвано каким-то субъектом только что освобожденным из тюрьмы и бывшим священником. Впоследствии, видимо, и в самой секции Шалье одержали верх враждебные якобинцам элементы, по крайней мере 31 октября делегация этой секции появилась у решетки Конвента и объявила свое прежнее присоединение; к адресу Дижона ошибочным (XXII, 392).

Сергей Михайлович Моносов

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

Харьков: «Пролетарий». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2003

^{xxix} См. Я.Захер, «Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_paris.htm).

¹⁶ Адрес Дижона был зачитан 5 сентября на заседании Конвента и постановлением последнего передан на рассмотрение Комитета законодательства. Вечером того же дня он был оглашен в Якобинском Клубе. В этом адресе якобинцы Дижона ополчались против модерантизма и жаловались на освобождение аристократов, требуя организации революционных комитетов по дистриктам и удаления со всех должностей священников, а также «стеснения свободы прессы определенными границами в течение всего времени существования революционного правительства (VI, 447). Адрес Гренобля предлагал ряд культурно-просветительных и агитационно-пропагандистских мероприятий в целях упрочения республиканского духа (VI, 452).

Нечто похожее рассказал и представитель секции Монблан, сообщивший, что интриганам удалось прочесть на общем собрании секции «один из тех пасквилей, которыми полны лавченки бывшего Пале-Рояля и которые отсюда направляются в будуары куртизанок...» Но когда чтение было закончено, секция заявила, что якобинцы никогда не погрешали против своих принципов, и памфлет был изорван и затоптан в грязь. «Франция уже высказалась, — говорил оратор секции Монблан, — народные общества Марселя и Гренобля сказали свое слово. Еще момент и преступники будут поставлены в невозможность вредить отечеству».

Последняя депутация секции Тюльери кратко заявила о своем присоединении к принципам, изложенным в адресах Дижона и Гренобля.

Помимо этих депутатий, одним членом Общества было сообщено, что секция Гренельского Фонтана постановила печатать и распространять как среди аристократов, для того чтобы заставить их трепетать, так и среди патриотов, чтобы просветить их относительно похитителей общественного блага, адреса Дижона и Гренобля.

Фейо, выступивший по заслушании депутатий, сказал, что скоро свет рассеет мглу и взгляды патриотов проникнув в хитрые извивы совести интриганов, откроют все скрытые махинации и подлости казнокрадов, безнравственных людей, предающихся страсти к золоту. Их быстрая кара испугает всех тех, кто попытается им подражать... «В заключение он внес предложение о том, чтобы протокол этого заседания был напечатан и разослан по всем народным обществам (VI, 474—79).

Каких-либо практических результатов эта демонстрация не имела. Уже на другой день в Пале-Рояле произошли анти-якобинские выступления, о которых и докладывалось на заседании Клуба (VI, 491—93).

На этом же заседании был принят адрес ко всем народным обществам. В нем говорилось о необходимости единения между якобинцами и народными обществами и о том, что это объединение необходимо для общественного дела. Однако, находятся люди, старающиеся разрушить этот братский союз, страшный для врагов равенства и свободы. Из реакции, явившейся результатом падения триумвиров, возникла партия, которая стремится к распусшению народных обществ, обвиняет якобинцев в том, что они продолжатели Робеспьера, между тем как в среде членов Якобинского Клуба находятся лишь те, которые твердо оставались на постах, предуказанных им их обязанностями и переживаемыми отечеством опасностями... Далее, враги якобинцев трактовались как продолжатели дела всех реакционных партий, народным же обществам посвящались следующие строки: «народные общества доставили всей республике и всему миру трогательное зрелище преданности и гражданских добродетелей». В конце выражалась надежда, что Конвент станет твердо против всех подлых нашептываний, что общественное настроение примет в конце концов утешительное для патриотов направление и что свобода и равенство восторжествуют (VI, 494—97).

Особенно интересно и в этом адресе, и в речах, произнесенных представителями секций во время появления их депутатий в Якобинском Клубе — нарочитое упоминание о народных обществах. Чувствуя себя атакованными, якобинцы неизбежно должны были искать опоры себе в народных обществах провинции и в секционных обществах столицы. Уже самое появление в Якобинском Клубе секционных депутатий доказывает нам это. Одна реакционная газета «Вечерний Курьер» сообщает нам в своем номере от 17 сентября, т.е. как раз в день посещения секционными депутациями Клуба, что «продолжатели Робеспьера, рыцари гильотины, любители потоплений, лионские расстрельщики с исключительной энергией агитируют в секциях» (стр.104).

Девятнадцатого сентября Рессон на заседании Клуба жаловался, что Комитет Корреспонденции не может справиться со всей массой писем и адресов, получаемых от провинциальных народных обществ. С другой стороны, можно заметить, как к этому времени сильно увеличилось количество направляемых в провинции циркулярных писем, перепечатанных протоколов и т.д. Оловом, очевидно, что якобинцы пытались связаться с теми демократическими организациями, по адресу которых ими же в свое время бросалось столько обвинений, в разложении или в бюрократизации которых они были весьма и весьма повинны (VI, 14, 121—25).

Еще в адресе, зачитанном в Конвенте 11 сентября, с особым подчеркиванием говорилось о заслугах перед революцией народных обществ, «проявивших особый пыл к тому, чтобы пробудить энергию народа» (VI, 449).

Накануне этого дня Крассу говорил, что враги революции стараются выдвинуть на очередь вопрос о распусшении народных обществ. «Без сомнения, говорил он, их существование весьма претит людям, сознающим, что свобода не может быть уничтожена до тех пор, пока сохранятся общества — вот почему наши враги напрягают все свои усилия к тому, чтобы эти Общества уничтожить».

Но свобода непобедима, патриоты неистребимы, как и сама свобода, а, следовательно, непобедимы также народные общества, ибо они состоят только из патриотов» (VI, 444).

Не менее высокую оценку деятельности народных обществ дал и Бурдон в произнесенной 23 сентября речи. «Народные общества, — сказал он, — поднявшиеся около трона тирана, добились его низвержения, этим и объясняется злобная ненависть, которую не перестают питать к ним сторонники тирана. Некоторые претенциозные писакки утверждают, что якобинцы во Франции то же, что верхняя палата в Англии. Но Общество Якобинцев, как и другие народные общества, имеют своей целью обсуждения вопроса общественного блага и спасения».

Одним заседанием раньше Гарнье из Сента, вспоминая жирондистов, говорил, что теперешние партии похожи на них и как они «надменными и громкими выкриками требуют распушения народных обществ» (VI, 502, 495—96).

Второго октября делегации пяти секций вновь появились в Якобинском Клубе. Теперь были представлены секция Пик, секция Республики, секция Бон-Нувель, Лепелетье и Пуассоньер. Появление этих делегаций вновь дает нам образчик ожесточенной борьбы, протекавшей в секциях. Утром этого же дня несколько враждебных якобинцам секций посетили Конвент и сделали ряд декларативных заявлений. Секция музея, в которой вел работу Бабеф, заявила, что не одобряет адреса Дижона, ибо он направлен к унижению народного представительства, это заявление было поддержано и секцией Революции. Затем выступала реакционная секция Тампля, жаловавшаяся на сторонников Робеспьера, стремящихся к возвращению дотермидоровских порядков и тоже выражавшая свое несогласие с адресом Дижона.

Конвент постановил адрес секции Тампля отпечатать в Бюллетене с особым почетным отзывом, а когда сочувствующая якобинцам секция Пик попыталась обратить внимание Конвента на поток памфлетов, затопляющий Париж, Конвент встретил ее очень холодно и, несмотря на пылкое выступление Ромма,^{xxx} постановил «простую отсылку» ее адреса Комитетам.

В ответ на эти демонстрации врагов слева и справа, и в ответ на проявление Конвентом к ним благосклонности, якобинцы и организовали новую манифестацию в виде посещения их Клуба делегациями нескольких секций (XXII, 134—35).

Оратор делегации секции Пик поощрял якобинцев в их борьбе с реакцией. «Будьте тверды, — говорил он, — не идите на компромиссы и очищайте сами себя, если это будет необходимо... Те, кто не могут умереть, как Катон, не должны осквернять своим присутствием этой ограды (Клуба якобинцев). Необходимо, чтобы здесь видели только маратистов и доблестных друзей Конвента, далеких от соперничества, с которыми вы будете его истинным оплотом. При этих условиях секция Пик выражает свое желание объединиться с обществом столь славным, не боящимся ни бурь, ни опасностей, которому потомство воздаст должное, чего Общество может ожидать с полным правом и от своего времени».

Представитель секции Лепелетье начал свою речь словами: «Да здравствует республика, единая, неделимая и демократическая, да здравствует Конвент». Затем он перечислил совершенные за время революции якобинцами подвиги и отмел обвинения в том, что в среде их имеются подлые личности, достойные погибнуть под мечом закона, закончил же он свою речь заявлением, что секция клянется якобинцам в своей дружбе, неразрывном братстве и обещает объединиться с ними для создания Конвенту достойного оплота.

«Секция Республики, — заявил ее оратор, — предала позору имена всех источающих яд против вас и против народных обществ». В дальнейшем он заявлял, что секция никогда не позволяла тиранам развращать общественное мнение и что, идя нога в ногу с якобинцами, она не будет подчиняться ничему, кроме декретов Конвента...

Секция Бон-Нувель выражала свое негодование по поводу нахальства лиц, осмелившихся даже на заседании секции требовать распушения народных обществ и внесших предложение о простом переходе к порядку дня после чтения адреса Дижона. Затем сообщалось о предании огню одного из противо-якобинских декретов.

Секция Пуассоньер клялась защищать национальный Конвент и народные общества, оплот революции. Наконец, член Общества Гарнье от имени секции Горы заявил о присоединении этой секции к мыслям и чувствам, выраженным предыдущими ораторами (VI, 533—536).

Но если якобинцы знали, где найти союзников, то и их враги знали, как их этих союзников лишить. Еще 21 августа Конвент постановил сократить число секционных заседаний до одного в декаду и отменить вознаграждение в сорок су за посещение этих заседаний. Грозные для контр-революционеров революционные комитеты секций были сокращены в своем числе в четыре раза: вместо сорока восьми их было сделано двенадцать. Эти мероприятия облегчили победу в секциях умеренным и контр-революционерам. Образчики ожесточенной борьбы внутри секций мы уже видели. Один из полицейских отчетов от середины августа сообщает, что «некоторые собрания секций были очень бурными, в особенности собрание секции Лепелетье, где члены комитетов обвиняли друг друга и президенту приходилось несколько раз закрывать собрание» (стр. 59).

Сергей Михайлович Моносов

Что собой представляли новые революционные комитеты, учрежденные взамен секционных и наполненные верными правительству людьми, видно из одного сделанного на заседании Общества заявления. В этом заявлении член Общества жаловался, что он задержал на улице человека, распространявшегося относительно подкупа якобинцами в целях совершения контр-революционных актов разных личностей за шесть—семь ливров в день; человек этот был отведен в новый комитет, который, однако, отказался принять его и выслушать приведшего его якобинца.

На этом заседании Общества было вынесено решение предложить секциям обсудить средства, какими можно бы было обратить внимание Конвента на контр-революционность новых Комитетов (VI, 529, 5:32).

Так обстояли дела с изоляцией якобинцев от их парижских союзников, что же касается их связей с провинцией, то для нападения их враги готовили весьма решительный удар, пока же что они довольствовались распространением слухов о том, что все обилие получаемых якобинцами адресов и деклараций пишется и изготовляется самими якобинцами. Этими слухами якобинцы были весьма обеспокоены, волновались по этому поводу и их провинциальные корреспонденты, и те, и другие измышляли различные способы доказательства подлинности провинциальных адресов и посланий. Так, народное общество Гренобля прислало сто экземпляров своего адреса для расклейки их по Парижу (VI, 53:i).

Относительно деятельности якобинцев в среде провинциальных народных обществ Фрерон писал в своей газете, что они вносят в эти общества факел гражданской войны, что, сносясь с ними, якобинцы совершают такие акты, которые допустимы только со стороны законодательных учреждений, именно они приказывают народным обществам рассылать их адреса по армиям.

Как смотрели на народные общества сами якобинцы, мы знаем из целого ряда уже приведенных заявлений. Укажем еще на рассказанную на одном из заседаний в начале октября депутатом и членом Общества Мором басню, в ней народные общества были изображены храбрыми и верными сторожевыми псами охраняющими многочисленное стадо (народ) от нападений разбойников (иностранных королей) и свирепых хищников (аристократов и роялистов) (VI, 544, 541—45).

Борясь за уменьшение влияния народных обществ и Якобинского Клуба, реакционеры приходили к мысли о необходимости запретить должностным лицам и депутатам Конвента вступать в члены этих Обществ; разговоры по этому поводу велись очень упорно и довольно давно. Еще в докладе Комитета Корреспонденции, сделанном Обществу 26 сентября, говорилось о направленных со стороны реакционеров просьбах запретить представителям народа быть членами народных обществ (VI, 519).

В Конвенте действительно этот вопрос был поставлен 4 октября. Застрельщиком выступил Пелле, хотя и признававший наличие добрых намерений у якобинцев, но наравне с этим считавший совершенно недопустимым существование в Конвенте двух партий, а таковые, по его мнению, неизбежно должны иметься, поскольку из числа членов Конвента некоторые будут состоять членами Якобинского Клуба. «Собрание единодушно, — говорил он, — оно действует в согласии для осуществления счастья родины, но, как только некоторые из наших товарищей отправились к якобинцам, тотчас возникли раздоры и несогласия, возможно ли, чтобы Конвент не попробовал нанести удар в ответ на то, что происходит у якобинцев. Я требую декрета, запрещающего членам Конвента состоять в каком бы то ни было Обществе».

Тирио поддерживал его, находя, что некогда Общество славное ныне развращено интриганами — членами правительства, поэтому невозможно, чтобы люди, причастные к правительству и одновременно являющиеся членами Общества, не носили бы в себе зародышей развращенности. На заседаниях Клуба, по его словам, присутствуют или члены правительства и должностные лица, боящиеся быть разоблаченными и потому разоблачающие своих будущих изблечителей, или воры, которые, для того, чтобы не открылись их воровские проделки, идут к якобинцам, чтобы там кричать о расхитителях общественного достояния. Конечно, народные общества палладиум свободы, но им должны принадлежать лишь наблюдательные функции, ведь члены этих Обществ не могут быть одновременно и наблюдателями, и наблюдаемыми. Пока существует революционное правительство, необходимо добиться, чтобы депутаты не могли бы быть членами каких-либо народных обществ.

Это положение было принято, но, ввиду явной контр-революционности как самого предложения, так и в особенности его мотивировки, было внесено требование произвести поименное голосование и дискуссия возгорелась с новой силой.

Крассу говорил, что на основании конституции граждане имеют право объединяться в общества и это право никем не может быть изменено, если же в народные общества проникают некоторые интриганы, но в то же время секционные и народные общества занимаются важнейшими интересами государства, можно ли запрещать секционным собраниям собираться, а депутатов Конвента лишать права состоять членами народных обществ. Надо же согласиться с тем, что в этих Обществах спорят об истинных принципах, а ведь все депутаты, являются ли они

членами правительственных Комитетов, или нет, должны искать в познаниях своих сограждан средства сделать добро своей стране. «Неужели есть что-нибудь дурное в том, спрашивал Крассу, что мы, по окончании заседания Конвента, придем искать истину на собрание наших братьев?» Что же касается разногласий, то по поводу их Крассу говорил, что они будут существовать до тех пор, пока люди не будут едиными по своим принципам.

Вторично выступавший Пелле постарался выделить вопрос о Якобинском Клубе из вопроса о всех народных обществах. Запрещая членам Конвента идти к якобинцам, полагал он. Конвент не совершить ошибки, вопрос же о народных обществах вообще требует большого обсуждения. Он полагал, что конституция не дает права некоторым гражданам собираться в исключительном порядке, изгоняя от себя других, она не говорит, что одно из этих обществ должно иметь большее влияние, чем другие, и что оно может воздействовать на них каким бы то ни было образом.

Дюбуа Крансэ превзошел Пелле в ясности выявления своей ненависти к народным обществам и бессовестности демагогии, которыми была проникнута вся его речь. Признавая прежние заслуги якобинцев, он считал, что теперь Общество далеко отклонилось от своих прежних принципов, так как в него вошло известное количество неисправимых негодяев, агентов Робеспьера получавших доступ в Общество, в зависимости от того, больше или меньше испортят они репутацию честным людям. Соучастники этого бесчестного человека остались с тех пор в Обществе, там можно найти членов прежних революционных Комитетов, бывших бичами и руками тиранов, служившими ему для удушения добрых граждан. «Вас обманывают, восклицал Дюбуа когда говорят вам, что Общество возрождено, это неверно»... Затем он уверял, что в Обществе осталось две—три сотни человек, не проходивших чистки, критиковал способ ее проведения и приходил к заключению, что в числе шестисот якобинцев есть и хорошие граждане, но есть и много интриганов. Он высказал там же несколько полунамёков, полуобвинений, употребив в дело все известные ему случаи и факты, — здесь мы находим и канонира, явившегося в Клуб для принесения клятвы, и секции пославшие туда своих депутатов, и слухи о якобы затребованном якобинцами батальоне из Марселя. Под конец же он прямо указал на Лакомба, как на человека, достойного быть казненным вместе с Робеспьером, настаивал на запрещении чиновникам быть членами Обществ, на проведении чистки всех Обществ департамента и на предоставлении трем объединенным комитетам права разработать ряд мер, направленных к тому, чтобы сделать Якобинское Общество полезным для общественно-го дела. После непродолжительной речи другого ренегата якобинцев Бурдона из Уазы предложение Дюбуа Крансэ было одобрено (VI, 537—43).

Как отнеслись якобинцы к столь явным против них выпадам, как выступление Пелле и Дюбуа? На ближайшем заседании Клуба Рессон, повидимому, иронически заявлял, что постановление Конвента является могучим обстоятельством для торжества якобинцев над клеветами, против них направленными. В свое время им отказали поставить список освобождаемых аристократов, а теперь принцип составления списка должен быть применен по отношению к ним самим. Он полагал, что для предупреждения желания Конвента надо составить список членов Общества с указанием способов, какими производилась чистка, с приложением списка исключенных и препроводить все это в Конвент.

Фейо гораздо решительнее заявлял, что «враги якобинцев не нападали бы на них, если бы среди якобинцев заседали контр-революционеры». «Сейчас нападению подвергаются принципы якобинцев и равенство, ненавидимое их врагами и почитаемое самими якобинцами». Если Общество будет очищено кем бы то ни было, то оно будет принадлежать тем, кто производил его чистку, т.е. тому или иному комитету, но не всему народу. Говорят, что очищением Общества в Конвенте установится единодушие, но не депутаты якобинцы вносят в Конвент смуту... В чем могущество якобинцев, занимающихся только пропагандой прав народа — не в интригах, а в поддержке народа, ибо они защищают равенство, которого желает народ... Чего хотят якобинцы? Довести до конца революцию; враги же их действуют в направлении противоположном...»

Однако, после этой речи предложение, внесенное Рессоном, было принято (VI, 546—50). На следующем заседании это решение было отменено, ибо его стали рассматривать, как полную капитуляцию перед реакционерами. Взамен было поставлено, что список членов Общества будет вручен секретарю для ознакомления с ним всякого желающего. Такое постановление было принято под влиянием горячих речей Дюваля Крассу и Жио. Речь первого произвела настолько сильное впечатление, что было решено ее в распечатанном виде разослать по народным Обществам. Дюваль заявлял, что в настоящий момент прежде всего хотят уничтожить равенство и что те средства, которые для удушения свободы употреблялись раньше, теперь применяются снова и новая партия преследует выполнение новых проектов. Сделав исторический очерк всех интриг, ведшихся контр-революционными партиями, оратор заявил, что ныне, как и во времена Бриссо и Шапелье, контр-революционеры хвастаются услугами, оказанными родине народными обществами, в то же время они хотят уничтожить эти народные общества.

Они, как прежде Шапелье, говорят, что переписка между народными обществами, усыновление их друг другом, создают опасные пропорции, а так как они боятся наблюдений над собой, то, опять-таки, уподобляясь Шапелье, они говорят о невозможности для депутатов состоять членами Обществ. «Якобинцы, восклицал Дюваль, поставьте в порядок дня вопрос о принципах. Не трудно доказать, что народные Общества должны быть свободны в выборах своих членов и в выборе предметов их обсуждении. Несомненно, власти имеют право арестовывать негодяев, если они в них находятся, но желать дезорганизовывать Общество — значит нападать на признанный декларацией принцип и подрывать основы самой свободы. Лишь обсуждая эти принципы, вы просветите граждан и правительство, которое хотят увлечь на ложные шаги».

Крассу выражался еще определеннее. По его мнению, дело шло не о том, чтобы помешать депутатам быть членами Обществ, а о том, чтобы очистить самые Общества, наполнив их покорными «наблюдателями» и изгнав неудобных лиц. Поднимают вопрос о том, чтобы сделать Общества полезными, но это значит вернуть им свободу мнений. Он полагал, что Общество должно взять обратно свое прежнее решение, ибо представить Конвенту список своих членов — значит напрашиваться самим на чистку, противоречащую всяким принципам. Левассёр считал, что Общества полезны всегда, когда они защищают права народа. Жио говорил, что то, чего не осмеливался сделать двор, предпринимают теперь, когда якобинцы дали клятву поражать тирана и всегда подчиняться Конвенту, что не Конвент нападает на народные общества, и что, в конце концов, он. Конвент, признает свои заблуждения. «Нужно, чтобы народные общества, говорил он, узнали, что вы не будете жертвой нескольких личностей, что вы неизменно привязаны к своим принципам и что если захотят нанести удар Конвенту, вы будете его защищать до последнего момента... Народные общества принадлежат лишь самим себе и их существование покоится на декларации прав и как эта последняя они неуничтожимы» (VI, 550).

Но что значили все эти произносимые в Якобинском Клубе пламенные тирады, что значили все выносимые якобинцами решения, они не могли задержать катящейся и по мере своего движения растущей, как снежный ком, реакции.

Десятого октября Рессон на заседании Общества заявил: «Обстоятельства настолько важны, что вы не должны упускать случая выявить свои принципы... Если улицы Парижа оглашаются клеветами против нас. Нас действительно притесняют... Если мы говорим — нас заключают в тюрьмы, если мы молчим, нам ставят в вину наше молчание. Другие Общества не доведены до такого состояния. Враги общественности действуют так, как поступают варвары, для того, чтобы разрушить дерево, они хотят подрезать его ствол, они хотят поразить якобинцев, ибо они знают, что это пункт объединения всех народных Обществ... Тяжелое впечатление, создавшееся в результате выступления Рессона, попытался сгладить Фейо, заявлявший, что все направленные против якобинцев клеветы — крик отчаяния их врагов, посему надлежит оставаться твердыми и спокойными и тогда торжество якобинцев будет обеспечено.

Тогда внезапно выступил давно молчавший Дюгем и произнес пламенную речь, напомиравшую времена Марата и Гэбэра. Он говорил, что поскольку армия обязана своей победой изгнанию контр-революционеров из своей среды, постольку следует изгнать врагов революции из своей страны. «С тех пор, как изгнали из наших штабов толпу мюскаденов, развратников, врагов равенства, победа стала покорна нашим знаменам. Именно очищением всей нашей страны мы сможем восстановить свободу и равенство. Что бы там ни думали новые друзья аристократии и богатства, масса народа хочет свободы и равенства, что бы ни говорили дезертиры народного дела, заново объединяющиеся с баронами и родственниками эмигрантов, что бы там ни говорили пустые люди относительно того, что народ утомлен революцией так, что у него более мужества поддерживать новое очищение страны, к этому делу необходимо приступить, нужно, наконец, отделить пшеницу от плевел, нужно чтобы враги революции покинули землю свободы и представили бы нам возможность мирно наслаждаться демократией. Республика должна изгнать всех подозрительных; под этим названием я понимаю не только знатных и священников, но и всех тех, кто, благодаря своему положению, своему характеру, своим предрассудкам, воспитанию, гордости, скупости, ненавидят систему демократии... Будем ли мы бояться кучки скупщиков, эгоистов-бюрократов? Не будем пугаться слов негодяев и воров относительно того, что мы слишком беспощадны к своим врагам. Знайте, что из четыреста членов революционных комитетов Парижа, поведение которых строжайше расследовано Комитетом Безопасности, арестовано за воровство и заговор с Робеспьером лишь сорок человек. Что значит сравнительно с числом людей чистых, уже пять лет влекущих вместе с нами колесницу революции, это ничтожное число. Ведь это меньше, чем по одному человеку на секцию. Если бы сорок восемь комитетов состояли из знатных, священников, купцов и скупщиков из так называемых «порядочных людей», наконец, думаете ли вы, что они были бы более честны, чем сапожники, плотники, санкюлоты находящиеся среди стольких богатств и возможностей обогатиться... Добродетель пребывает в народе, именно среди поденщиков мы находим хороших отцов, матерей и детей...

Наши армии стали торжествовать над врагами тогда, когда несчастные капралы, бедные сержанты сделались генералами. С того момента, как во главе всех дел мы стали иметь санюлотов, людей народа — все идет хорошо...»

По мнению Дюгема, необходимо подать Конвенту адрес с просьбой поддерживать систему устрашения преступников и очищения страны от негодяев, контр-революционеров и роялистов, только в таком случае «народ, предоставленный собственной добродетели, будет мирно наслаждаться своим триумфом на зло всем своим врагам» (VI, 560—61).

В конечном же счете, вся эта горячая, полная демократических чувств речь представляла собою лишь призыв к усилению террора, а Дюгем, как член Конвента, должен был отлично знать, что Конвент не только против усиления террора, но и против удержания его на прежней высоте, несколько террор обрушивался на те слои населения, против которых хотел применять его Дюгем. Кроме того, все демократические излияния Дюгема совсем не указывали на то, что якобинцы действительно готовы протянуть руку союза и помощи демократическим и революционным организациям. Всего лишь на одно заседание раньше ими была принята очень холодно депутация «Избирательного Клуба», того клуба, в котором гремели речи Бабефа, Бодсона и Варле и который доставлял, как мы увидим ниже, не мало хлопот термидорианцам своими петициями и адресами. Когда восьмого октября депутация этого клуба явились к якобинцам с жалобой на то, что его петиция о восстановлении муниципальных властей Парижа отвергнута Конвентом, якобинцы, заслушав депутацию, голосовали простой переход к порядку дня. Напрасно Фейо пытался убедить членов Общества, что и они, и члены Избирательного Клуба исповедуют одни и те же принципы (VI, 55).

А между тем именно теперь и был необходим единый демократический фронт против наступающей реакции - враги якобинцев готовили новые, решительные, направленные против них мероприятия.

Как использовали реакционеры вражду двух фракций демократии, можно судить по принятому девятого октября. Конвентом «адресу к французскому народу». Этим адресом правые термидорианцы наносили одновременно удары и якобинцам и «Избирательному Клубу». Против первых были направлены следующие слова этого адреса: «Конвент будет поддерживать постепенно, упорядочивая его, правительство, спасшее республику, но освобожденное от насилий, от жестоких мероприятий, от несправедливости, предлогом для совершения которых оно было и с которыми наши враги стремятся его отождествить. Не менее красноречивым было и такое место этого адреса: «Все акты правительства будут носить характер справедливости, но эта справедливость не предстанет перед Францией выходцем тюрем, покрытой кровью, каковою ее хотели изобразить подлые лицемерные заговорщики...» «Но бегите тех, — увещевали далее авторы адреса, — кто постоянно говорит о крови, об эшафотах этих «исключительных» патриотов, этих людей с крайними взглядами, боящихся справедливости и рассчитывающих найти свое спасение в замешательстве и анархии...»

Против Избирательного Клуба, против сторонников Бабефа, против последователей Варле были направлены заявления, что революционное правительство будет существовать и далее, несмотря на лицемерный патриотизм тех, кто ради своих подлых надежд требует правительства конституционную... кто говорит о правах народа». «Собственность должна быть священной

декларировали авторы адреса, нам чужды эти системы, внушенные безнравственностью и ленностью, системы, снисходительные к грабежу и возводящие его в доктрину...» (XXII, 200-201).

Пока Конвентское большинство агитировало своими посланиями против якобинцев, пока оно замышляло направленные на борьбу с ними мероприятия, якобинцам оставалось утешение — тешиться разными погремушками вроде выступления их делегации на церемонии перенесения праха Ж.-Ж.Руссо. Об этом как раз и докладывал Буассель на заседании 21 октября, но как бы в силу какой-то иронии, именно на этом же заседании было сообщено об аресте целого ряда членов Общества и в том числе одного из более пылких врагов реакции — Лакомба, совсем недавно обвиненного, как мы знаем, Дюбуа Крансэ. Тут же были заслушаны и многочисленные просьбы ранее арестованных патриотов. По этому поводу Крассу заявил, что «настал момент пробудить энергию для того, чтобы воспрепятствовать обращению террора против патриотов» (VS, 565-67).

На следующем заседании Дюгем сетовал относительно друзей Дантона, возводящих обвинения на якобинцев и говорящих, что сами они нападают на отдельные личности, между тем как на самом деле они питают злобу против народных обществ и против демократии. Бассаль констатировал, что не проходит и дня, чтобы не было сообщено о новых угнетениях, испытываемых патриотами Парижа или департаментов. Он требовал, чтобы все относящиеся сюда факты были собраны и чтобы по этому вопросу был сделан обстоятельный доклад. (VI, 56—70).

Через два дня Конвент нанес якобинцам и всем народным обществам страшный удар, от которого им не суждено было больше оправиться. 16 октября — У вандемьера был принят декрет, стесняющий деятельность народных обществ, разрушающий все имеющиеся между ними связи, изолирующий их друг от друга и в первую очередь лишаящий их единого направляющего их

деятельность центра, каким был Якобинский Клуб. Принятию этого декрета предшествовали ожесточенные прения.

В процессе этих прений правые окончательно распоясались и без всяких стеснений высказывали свои дышащие ненавистью к революции и демократии мысли, прикрываясь лишь по привычке или по традиции обветшавшими и набившими оскомину трафаретными формулами «права человека», «Представительное правление» и т.д. Свой голос подняли все корифеи реакции: Пеле, Тибодо, Мерлен, Бурдон из Уазы, Рэвбель и Крансэ. На этом заседании ярко обнаружилась реакционность не только отдельных личностей, но и всего Конвента, исключая, конечно, монтаньярское меньшинство: выступления депутатов левой прерывались шумом, возгласами, выпады же, делаемые против них привычки, встречались восторженными аплодисментами.

Рэвбель счел возможным назвать Общества «так называемыми» народными и приписал им совершение самых тягчайших преступлений. Они, по его мнению, учредили по всей стране инквизицию, члены этих обществ наводнили всю страну кровью (аплодисменты), теперь пришел момент положить конец существованию этой гнусной инквизиции, отменить созданные тиранами законы, предоставляющие этим обществам возможность активного участия в управлении, настало время восстановить равенство для всех граждан. Что же касается проектируемого законопроектом запрещения корреспонденции между отдельными обществами, то Рэвбель об этом говорил, обращаясь как то к самому народу: «уничтожить эту отвратительную корреспонденцию, причиняющую несчастье республике, поставившую на место департаментского федерализма правительство Робеспьера и желаящую правительство Робеспьера заменить федерализмом народных обществ» (аплодисменты). Я отрицаю, продолжал Рэвбель, — что в этом законопроекте содержится что-либо, наносящее удар равенству, поэтому давайте его голосовать».

Бентоболь полагал, что нужно быть «одним из тех людей, которые желают, прикрываясь революцией оставаться постоянно хозяевами общественного достоинства, для того, чтобы не согласиться с проектом этого декрета». «Революционное правительство, восклицал Бентоболь, создано совсем не для того, чтобы сделаться добычей нескольких «партийцев», имеющих желание все разграбить и всех передуть (аплодисменты), невозможно, чтобы несколько интриганов злоупотребляли в народных обществах своим талантом для того, может быть, чтобы сделаться хозяевами Республики». Далее Бентоболь делал очень не двусмысленные кивки в стороны Якобинского Клуба. «Когда Конвент не будет иметь противопоставленным себе другой, поднимающийся рядом с ним, затемняющий общественное мнение, лишаящий народное представительство подобающих ему уважения и доверия, центр, тогда увидят, что революционное правительство совсем не кровавое правительство, каковым оно было при якобинцах, поддерживающих Робеспьера (аплодисменты). Разве не видели мы, вопрошал оратор, что Общество Дижона и Ариляка действовали вопреки Конвенту, рассылая повсюду адреса, сеющие неповиновение закону» (аплодисменты). В заключение Бентоболь выразил мысль, что «проект направлен к укреплению единства и неделимости республики и что он упрочивает за народными обществами возможность не быть управляемыми несколькими дурными субъектами».

Бурдон из Уазы задавал вопрос, что такое народные общества, и сам отвечал: «собрание людей, избирающих друг друга, подобно монахам. Я во всем мире не знаю аристократии прочнее и лучше организованной, чем эта (аплодисменты), я хочу сказать, что аристократия начинается там, где сборище людей, благодаря сношению с другими сборищами, заставляет восторжествовать свое мнение, отличное от мнения народного представительства. Народные общества и секции отравлены присутствием в них людей, неизвестных тем, кто начал революцию в 1789 году, людей, желающих только грабежа, беспорядка, избиения и убийств. Я вижу народ только на первичных собраниях, и когда я вижу сборище подобных личностей, сносящихся друг с другом, то тогда я как будто вижу некоего суверена, поднимающегося рядом с представительным правительством, суверена, трон которого стоит здесь у якобинцев» (аплодисменты). Далее оратор доказывал, что наличие двух таких суверенов препятствует Франции покорить Бельгию и заключить мир с врагами, ибо последние не знают, кому адресовать мирные предложения — якобинцам или Конвенту. Среди этой контр-революционной речи оратору была устроена форменная овация и крики: «Да здравствует Конвент!», «Да здравствует Республика!» огласили депутатские скамьи и места для публики.

Дюгем попытался внести предложение отложить дискуссию до тех пор, пока не напечатают и не раздадут на руки членам Конвента законопроекта, сподвижники Бурдона заставили его замолчать, поднявши невообразимый шум, а Бурдон, бросив ему фразу: «Все ваши глупости ничего не сделают», продолжал свою речь. Воспользовавшись выступлением Дкиема, Бурдон сказал, что такие предложения достаточно показывают, что представляют собою в настоящий момент народные общества — они терроризируют даже народных представителей (аплодисменты), когда же он закончил заявлением, что требует, чтобы все народные представители были действительно достойны своего полученного от всей нации звания — ему была устроена вторичная овация.

Тюрио считал, что новым декретом не хотят нанести удара народным обществам, а при помощи его желают лишь их освободить от различных отягчающих их преступлений. «Именно наблюдение со стороны всех гарантирует каждому гражданину возможность мирно наслаждаться своим правом, но разве это пользование правом может быть равным для всех, если существуют люди, которые вам говорят: «Ты этого не хочешь, так эшафот приготовлен, ты уже мертв!..»

Что могли левые противопоставить всем этим бросаемых против них обвинениям? Надо признаться, что их защита была очень слабой, они не требовали взятия законопроекта обратно, но настаивали лишь на отсрочке его обсуждения.

Крассу находил, что лишить Общества права сноситься друг с другом значит совершенно разрушить их, но его противники, верные своей привычке хорошо маскировать свои истинные намерения, при этом его заявлении закричали: «Нет, нет»... Затем Крассу предлагал авторам законопроекта доказать то, что они не желают нанести народным обществам удара, а желают поддержать их право наблюдения за должностными лицами.

Дю-Барран взял под защиту как право сношения Обществ друг с другом, так и право «усыновления». Он начал с того, что воздал должное Обществам, зародившимся в недрах самой революции и ставшим ее наиболее мощной опорой. «Именно, благодаря их деятельности, говорил он, разоблачены тираны и общественный дух поднялся на такую высоту, которая является охраной свободы». Запрещение Обществ усыновления друг друга Дю-Барран считал неполитичным, несправедливым и убийственным для свободы. Запретить Общее! вам сноситься и объединяться друг с другом - это лишит их возможности осуществлять во всей шпироте право наблюдения, ибо при наличии запрещения их кругозор будет ограничено чисто местными делами. Таким образом, будет нанесен удар основному общественному требованию, которому все присягали: «республике демократической и неделимой». Ведь, именно сношению обществ друг с другом обязаны тем, что в 1793 году несколько южных департаментов были возвращены на путь истинных принципов единства и неделимости республики.

Когда Дю-Барран закончил свою прекрасно построенную речь, Дюбуа Крансэ потребовал, чтобы выступающие держались в рамках обсуждения декрета, а не занимались бы пропагандой среди народа весьма ложной идеи, будто бы кто-то хочет разрушить народные Общества.

В последний момент, когда, по закрытии прений, перешли к голосованию законопроекта по пунктам, Ромм попытался еще раз добиться отсрочки, мотивируя свое требование необходимостью предварительного тщательного обдумывания. «Торопливость, говорил он, несовместима с правами народа».

Мерлен из Теонвиля^{xxx1} в своем ответе указал ему, что объединенные комитеты, видя, как ухудшаются с каждым днем обстоятельства, считали невозможным откладывать свой доклад Кон-венту, поэтому они убеждены в том, что члены Конвента понимают всю необходимость проектируемых мероприятий. Он выражал уверенность, что депутаты приняли во внимание то обстоятельство, что, начиная с 9 термидора, народные Общества не перестают враждовать с Конвентом, поэтому не надо бояться проникнуть в эти вертепы и необходимо принять такие меры, чтобы негодяи и убийцы были удалены из этих Обществ.

После этой речи был принят первый пункт законопроекта, а затем и остальные «среди аплодисментов, возобновляющихся по мере принятия каждого из пунктов» (М. XXII, 255—60)-

Что же представлял собой этот новый, принятый после столь ожесточенной борьбы декрет. Пункт перши его запрещал, как нечто потрясающее правительство и враждебные единству республики, всякие объединения народных обществ, а также пере-писку их друг с другом от коллективного имени. Пункт второй запрещал подачу коллективных петиций, которые отныне должны были подписываться индивидуально. Третьим пунктом властям запрещалось какое бы то ни было обсуждение таких коллективно поданных петиций. Пункт четвертый грозил арестом лицам, подписавшим в качестве председателя или секретаря коллективную петицию. Пункты с пятого по девятый ставили народные общества под строжайший надзор и контроль правительственных органов: полный список всех членов общества с сообщением о них самых подробных сведений должен быть вывешен на видном месте и отправлен в копиях представителям власти — национальным агентам дистрикта и коммуны. Пункт последний грозил арестом всем препятствующим выполнению любого из пункта данного декрета (VI, 570—71).

Как мы видим, новый декрет сводил на нет всякое значение народных обществ, превращая их членов в подлинных «наблюдателей», но никак не участников событий. С момента его издания общества потеряли всякую связь друг с другом, теряли всякое руководство и направление их деятельности из единого центра — Якобинского Клуба и, наконец, они были представляемы самому грубому произволу со стороны агентов враждебного им правительства. Словом, и правым термидорианцам было из-за чего стараться, добиваясь скорейшего принятия этого декрета, и левым было из-за чего протестовать и добиваться его отсрочки.

^{xxx1} Антуан Кристоф Мерлен, депутат Конвента из Тионвиля (http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mrl_tn).

Что же касается этих последних, то приходится скорее удивляться недостаточной энергичности их сопротивления, ведь, этот декрет, давая в руки их противников такое могучее средство борьбы, отнимал у левых последний оплот против реакции. При этих условиях не совсем понятно, почему вожди левых и их лучшие ораторы Дюгем, Колло Д'Эрбуа, Билло Варен хранили среди этих прений полное молчание. Когда на другой день, в Клубе два последних были прямо обвинены в этом, то они в свое оправдание заявили, что, будучи много раз обвиненными и оклеветанными они, полагали, что своим выступлением больше повредят, нежели помогут делу.

На этом заседании Клуба Бисаль, Крассу и Менотье внесли предложение о необходимости изобрести способ сношения с другими обществами, не нарушая декрета Мор предлагал завести журнал, в который бы точно заносилось то происходящее в обществе и с содержанием которого другие общества впоследствии бы знакомились. Гужон считал, что если закон принят, ему надо повиноваться, и что, если этот декрет заставит страдать якобинцев сегодня, то настанет некогда день, когда он отомстит за них. «Этот закон, говорил он, приведет у частных клики на эшафот и доставит торжество честным людям... Пусть народные общества помнят, что аристократы хотят их уничтожить, что теперь, когда борьба между преступниками и добродетелью началась, будут уничтожены хитрые интриги людей, желающих господства одного миллиона бездельников на 25.000 трудолюбивых и полезных для республики граждан¹⁷.

Фейо давал запоздалую отповедь обвинениям народных обществ: «Напрасно, говорил он, они трактуют народные общества, как учреждения монашеские, аристократические. Те, кто обвиняют их, сами боятся этого ока народа, наблюдающего за чиновниками и разоблачающего их тогда, когда они отклоняются от стези свободы» (VI, 588—91).

Официально роковой декрет был зачитан на заседании Общества, происходившем 18 октября. После его чтения грустная тишина воцарилась в зале, у многих на глаза навернулись слезы» - рассказывает об этом моменте газета «Патриотическая Летопись».

Крассу предложил составить адрес, в котором бы говорилось, что интриганы желали изобразить якобинцев самозванными властями для того, чтобы тем вернее подкопаться под них. Этот адрес, по мнению Крассу, надлежало подписать индивидуально каждому члену Общества. Ромм остановился на вопросе, смогут ли теперь якобинцы, не нарушая нового закона, посылать из своей среды защитников арестованным патриотам, ведь такая посылка есть тоже коллективное выступление (VI, 59 -47)

Лишенное связи с другими Обществами, для которых оно было центром, лишенное возможности коллективно выступать, оказывая, таким образом, воздействие на дела и события, Якобинское Общество этим путем, помимо своей воли, было низведено до роли простого клуба для совместных обсуждений событий текущего момента, для заслушивания речей и дискуссии на те или иные темы. Может быть, именно поэтому, немедленно после издания этого декрета, оно и занялось обсуждением, как-то совершенно не вяжущегося, с разыгравшимися и готовящимися произойти событиями - вопроса о народном просвещении.

IV. Агония

Как отнесся Париж к декрету о народных Обществах? В полицейском отчете от 1-2 октября рассказывается, что все разговоры в кучках народа вращаются около трех вопросов: успехов революционных армий, продовольствия и народных обществ, причем восхваляются важные оказанные ими республике услуги и выражаются опасения, что эти общества будут уничтожены. Отчет от 16 октября сообщает, в противоречие с этим, что на-род, будто бы, с удовольствием принял декрет, относящийся к народным обществам, но тут же, как бы в видах восстановления истины, добавляется, что мнения по этому вопросу весьма различны.

Одна правая газета, как бы повторяя только что приведенные слова отчета, писала: «декрет, изданный относительно народных Обществ, принят с энтузиазмом населением Парижан не неприятен никому, за исключением якобинцев»...

Враги якобинцев встретили издание закона новыми пасквилями: «Якобинцы вне закона», «Пока зверь в тенетах — его надо умертвить» (стр. 168, 179, 185).

Во всяком случае, ликовать по поводу издания этого декрета могли только враги демократии, но благодаря этому же самому закону сторонники ее обрекались на полное молчание

Но и низведенные к роли простого дискуссионного клуба якобинцы для своих врагов были все еще страшны они - были агитационным центром, они могли путем различных обходов декрета (о чем они неустанно думали) вновь завязать опасные для их врагов связи. Поэтому-то необходимо было их окончательно уничтожить, но предварительно нужно было их в глазах общества дискредитировать очень решительным образом.

¹⁷ Чрезвычайно модное в то время противопоставление одного миллиона бездельников или богачей 25.000 трудящихся или бедняков.

Здесь большую роль надлежало сыграть процессу Нантского Революционного Комитета и его главы Каррье.

Каррье,^{xxxii} бывший гебертист, уцелевший после гебертиской попытки к перевороту, со времени 9 термидора был одним из самых решительных противников реакции. Именно поэтому-то он и был так ненавистен правым. Конечно, совершенные им во время его командировки в Нант, террористические акты были чрезвычайно жестоки, но и Фрерон, и Тальен, выполняя свои миссии, совершали не меньшие жестокости, а последний, вероятно, совершал гораздо большие злоупотребления, однако, никому из правых не приходило в голову привлечь их к ответственности. Словом, Каррье был левым якобинцем, Каррье был яростным врагов реакции — этого было достаточно для того, чтобы создать процесс, который следовательно и носил чисто политический характер.

Арест и привлечение к суду видных якобинцев в целях дискредитирования всего Общества в целом практиковался очень широко его противниками. В середине сентября Карафф на одном заседании сообщил о приказе относительно своего ареста, в конце сентября арестовали, воспользовавшись вздорным предлогом. Луа, на заседании 12 октября докладывалось об аресте целого ряда членов *piésiva* с Лакомбом во главе и г. л (VI, 491, 512, 565).

Что касается злосчастного Нантского комиссара Каррье, то травля против него велась очень давно. Еще 2 октября появился направленный против него памфлет, озаглавленный «Нуаяды». Затем предали суду четырнадцать членов революционного коми гота (13 октября), потом провели через Конвент постановление, развязывающее Комитетам руки относительно привлечения к суду членов Конвента (29 октября). Когда это постановление прошло, создали комиссию для расследования поведения Каррье.

Как создавалось определенное, враждебное по отношению к Каррье настроение общества, как парижское население подготавливалось к необходимости привлечь и самого Каррье к суду, видно из следующего. Правая газета «Республиканский Курьер» писала относительно процесса: «Теперь начинают верить, что справедливость снова получит свою силу и что отечество отомстит разбойникам, разжиревшим от крови наших братьев и устлавшим землю Франции трупами ее несчастных обитателей» (171, 172 -73).

Другая газета передавала слова Дюбуа Крангэ, якобы обращенные к Каррье: «Положи руку на твою совесть, а другу» на пистолет, и, если твоя совесть не упрекнет себя ни в чем, мы все защитим тебя. Если же она упрекнет тебя в подавленных тебе в вину преступлениях, ты будешь трусом, если не прострелишь себе череп».

Когда процесс уже начался, «Газета Перлэ» писала: «Допрошено тридцать три свидетеля, все уличают обвиняемых и Каррье и по этому поводу в трибунале проявляется народное негодование». Далее она же с удовольствием приводила слова одного обвиняемого: «Все заговоры существовали только в извращенной голове Каррье и этот Каррье все еще свободен и властвует над тем самым народом, который он избивал».

Вообще, умеренные и правые газеты чрезвычайно подробно передавали все перипетии процесса, никогда не упуская случая указать на главного виновника и на то, что он к суду еще не привлечен. «Газета Перлэ», захлебываясь от удовольствия, сообщала, что наполнявшая зал суда толпа криками «Каррье, Каррье», требовала его привлечения к суду. Двадцать девятого октября она же печаловалась на медлительность Конвента, тормозившего ход судебного разбирательства¹⁸ (стр. 181, 199, 202, 207).

Враги якобинцев слева тоже воспользовались этим процессом для своих нападков. Бабеф издал памфлет, озаглавленный, «Система истребления народа, или жизнь и преступления Каррье». Винсет в письме в редакцию бабефовского журнала писал: «Душителю патриотов те, кто постоянно говорят о том, что патриоты угнетены и подвергаются заточению... душителю народа те, кто защищает Революционный Комитет Нанта...»¹⁹

Якобинцы посмотрели на привлечение к ответственности Каррье, как на угрозу себе, правильно оценивая характер этого процесса, как процесса политического. Поэтому-то, в противоположность газетам умеренным и правым, якобинские газеты хранили по поводу процесса глубочайшее молчание, что, конечно, не прошло незамеченным для их противников. «Многие спрашивают нас, язвительно писала «Газета Перлэ», почему «Газета Свободных Людей» и «Всеобщая Газета» никогда ничего не говорят о процессе Революционного Комитета Нанта (201).

Еще в начале октября, когда на одном из заседаний, некий гражданин говорит, что «Нуаяды» произвели на население Нанта тяжелое впечатление, якобинцы ему не дали говорить та, заявив,

^{xxxii} Жан-Батист Каррье (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#carr>). О значении процессов Каррье и Жозефа Лебона см. у П.Щеголева (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shchegolev_thermidor.pdf).

¹⁸ Обе эти газеты редактировались наиболее непримиримыми врагами депутатами Конвента и членами Якобинского Клуба, первая Дювалем, вторая (204).

¹⁹ «Журнал Свободы Прессы». № 24. (гр 7-8.

заявив, что Каррье, честный человек и друг милосердия и гуманности, потребовали перехода к порядку дня (VI, 556, заседание 8 октября).

На заседании 3 ноября, в день незаконного ареста Каррье, из-под которого, впрочем, он скоро был освобожден, Крассу выступил с форменной защитой Каррье. Он находил, что обвинительный акт, составленный против Комитета, многословен и средактирован таким образом, что может обмануть общественное мнение, а в этом общественном мнении обвинители нуждаются для того, чтобы иметь возможность привлечь к суду по этому делу одного народного представителя. Крассу находил, что состав публики и свидетелей на суде подобран искусственно.

Другой член Общества говорил, что не следует себя обманывать «Система врагов якобинцев заключается не только в том, чтобы гильотинировать Каррье. При помощи этого процесса представители народа, верные этому народу, ставятся в положение заговорщиков. Все, кто хотят привести это проект в исполнение — враги революции, выходцы из грязного Болота, словом это все тот же миллион ничего неделателей и эгоистов».

Буэн заявил, что вопрос идет не о защите Каррье, а о поддержании дела свободы, Конвента и патриотов. «Большой процесс, организованный в трибунале, затрагивает всех людей революции... стараются предубедить общественное мнение против Каррье и хотят, ранее, чем ознакомились с могущими его оправдать или обвинить фактами, заставить смотреть на него, как на преступника. Но общественное мнение еще не дошло до той степени падения, до какой его хотят довести аристократы. Те, кто теперь нападают на Каррье, раньше ему льстили, ему подражали и сделали его врагами лишь тогда, когда он был отсюда изгнан. Если есть какой-нибудь человек, который совершил акты жестокости из побуждения иного, чем желание спасти свободу — он должен быть принесен в жертву, но если общественное дело требовало совершения этих актов, мы все должны с величайшей энергией защищать его репутацию, если она подвергается нападению». По мнению Буэна, положение вещей в настоящий момент таково, что можно смело пригласить заседать в трибунале маркиза Лафаэта и всех его друзей.

Обыкновенно весьма осторожный, Левассер на этот раз заявил: «Нам говорят о человеколюбии, но какое человеколюбие может быть проявлено по отношению к тем, кто столь долго призывал гибель на головы патриотов. Гражданская война по необходимости сопровождается ужасами, которых нельзя избежать»... Затем Левассер, упомянув о всех совершенных повстанцами жестокостях, сказал: «В то время, когда совершаются все эти зверства, трогаются судьбой негодяев и ничего не говорят о преступнике Жансонэ, направившемся к своему другу Демурье организовывать Вандею. Разве они будут опечалены окончанием этой войны, ведь если вожди партии жирондистов казнены, то те, кто составлял ее кадры, еще не уничтожены».

И это восклицание имело самое актуальное значение: одно-временно с вынесением решения начать процесс против нантских террористов, в Конвенте ставился вопрос о заключенных депутатах-жирондистах и умеренные газеты начали вести агитацию в их пользу (стр. 172).

Если привлекали к ответственности за совершенные жестокости Каррье, то ведь за все им содеянное должен был отвечать Комитет Общественного Спасения, руководивший всем проведением террористической политики. Вполне понятно, что член Комитета Билло Варен теперь считал себя особенно задетым, он увидел, что под его ногами разверзается как бы бездна, которая должна его поглотить, и что следом за Каррье пред'явят обвинения и к нему, и что теперь Конвент не будет расположен отвергнуть их.

И Билло Варен правильно оценил события, это доказывали ему своими крикливыми названиями выброшенные в публику памфлеты, например: «Письмо чувствительного Каррье к благодетельному Колло Д'Эрбуа, переложенное добродетельным Било Вареном» (стр. 185).

Это доказывали и намеки, делаемые газетами, так «Газета Яерлэ» по поводу процесса писала: «Общественное негодование указывает трибуналу и на других людей, которых с удивлением видят через три месяца после 9 термидора все еще не привлеченными к суду; не все чудовища действовали на берегу Луары — Сена также окрашена кровью (стр. 207).

И вот теперь Билло Варен выступил с громовой речью, напомнившей былые времена Якобинского Клуба. «Путь контр-революции не нов, поэтому он нам хорошо известен. Когда в эпоху конституанты хотели вести процесс против революции, патриоты были перебиты на Марсовом Поле, а якобинцы названы дезорганизаторами. После резни 2 сентября их заклеили названием кровопийц. Вот что делали тогда, когда ставили вопрос о пересмотре конституции, теперь опять нападают на патриотов, так как желают пересмотреть всю революцию в целом. Сейчас отпускают на свободу бывших знатных и аристократов, это и есть люди, обвиняющие патриотов, они соединяются вместе с людьми, покрытыми долгами, запятнанными скупостью и живущими с женами эмигрантов. Патриотов обвиняют в том, что они хранят молчание, но лев не умер, он только спит и, пробудившись, он уничтожит своих врагов.

Траншея вырыта. Патриоты вновь соберут всю свою энергию и разбудят народ. Люди, нежелающие вступать в компромиссы с врагами народа, люди, приводившие преступников на эшафот, вот те, на кого теперь нападают, и кто или погибнет, или спасет свободу. Я призываю всех сражавшихся за революцию напрячь все силы для того, чтобы заставить сойти в «ничто» этих осмелившихся нападать трусов. Они питают злобу не к нескольким личностям, но ко всему Конвенту, который необходимо защищать, и которому необходимо помешать низвергнуться в пропасть. Мы тысячу раз рисковали своей жизнью, если нас ожидает эшафот, будем надеяться, что это тот эшафот, который сделал бессмертной славную память Сиднея²⁰. Мы или заслужим славу людей, низвергших преступников, нападающих на друзей народа, или мы погибнем, этот народ защищая (VI, 629—33).

Враги якобинцев, вероятно, были очень обрадованы произнесением Билло Вареном такой грозной речи: она давала им в руки давно желанный повод к совершению новых мероприятий против пораженных и обессиленных, но окончательно не уничтоженных якобинцев.

Этим предлогом нельзя было не воспользоваться, ведь до сих пор якобинцы подчинялись весьма покорно всем распоряжениям и декретам Конвента, проявляя по отношению к нему величайшую лояльность и не давая никакого предлога к своему окончательному уничтожению. Правда, и теперь Билло Варен говорил о защите Конвента, но фраза о пробуждении льва, «который уничтожит всех своих врагов» — этого было достаточно.

Как только «Газета Горы» напечатала протокол этого заседания, сейчас же он был использован, как обвинительный материал против якобинцев. Пятого ноября на заседании Конвента Бантаболь, потрясая номером газеты, воскликнул: «Я заявляю вам об ужасных произнесенных позавчера в Якобинском Клубе речах, произнесенных несколькими господами, увлеченными некоторыми из наших коллег». «Я вам прочту «Газету Горы», — продолжал Бантаболь, — и вы увидите, как имел наглость выразиться Билло Варен». Затем он зачитал из речи Билло Варена отрывок, в котором говорилось о спящем льве. Монтаньяры покрыли чтение этих слов аплодисментами, а Дюруа крикнул по адресу Бантаболя: «Ты спас своего брата от гильотины». Дюгем, напоминая слова Тальена, закричал: «Свобода мнений, или смерть, негодяй!».

Страшный шум и смятение долго препятствовали Бантаболю возобновить его речь, получив возможность начать ее, он задал вопрос, почему теперь, в момент величайшего преуспевания республики, народ призывают к пробуждению и почему именно теперь говорят ему о спящем льве.

Обвиняемый Билло Варен раз'яснил, что, говоря о пробуждении, он имел в виду пренебрежение народа своими правами, которое может привести его к рабству, но Тальен поставил ему в вину желание отклонить народ от тропы справедливости и увлечь его на выступление против Конвента.

Лежандр говорил о политических корсарах, еще не успевших снять жатвы, Бантаболь вопрошал, как смогут восстановить порядок Комитеты, когда сами народные представители проповедуют мятеж. Наконец, Клозель, основываясь, якобы, на самых достоверных сведениях, уверял, что этот мятежный призыв продиктован якобинцам эмигрантским комитетом в Швейцарии. Он предложил Комитетам озаботиться мероприятиями, препятствующими депутатам проповедовать возмущение против Конвента (Mo, XXII, 43-2—36).

Не удивительно, что вечером того же дня один якобинец на заседании Общества заявил: «Нечего скрывать, что республика переживает момент величайшей опасности. Стараются начать тяжбу со всеми, кто помогал низвержению федерализма; повсюду истинные патриоты сбавляются изменниками и преступниками»...

Выступивший затем Буэн горестно вопрошал, по какой роковой случайности Конвент доверяет врагам народа, вместо того, чтобы объединиться с истинными друзьями отечества. Массье негодовал по поводу пущенной Клозелем клеветы и требовал запроса Комитету Безопасности. Мор предложил послать депутацию с запросом, направив ее в Конвент. Это предложение и было принято (I, VI, 634—38).

На другой день, во время заседания Конвента, его председателю была подана записка с просьбой допущения двенадцати человек членов Якобинского Клуба для прочтения петиции. Несмотря на крики правых: «На завтра, на завтра», депутация была допущена. Ее оратор заявил, что соподписавшиеся граждане, члены Якобинского Клуба, неразрывно привязаны к Конвенту, единственному центру правительства и единственной надежде общественного спасения, глубоко оскорблены обвинением некоторых из своих членов в тяжчайшем преступлении. Тем более, говорил оратор, что обвинение брошено лицом, занимавшим важный пост, поэтому просьба депутации направлена к тому, чтобы был сделан по данному вопросу доклад, ибо якобинцы не только должны быть честными, но должны и считаться за таковых.

Сергей Михайлович Моносов

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

Харьков: «Пролетарий». 1925

²⁰ Казненный вместе с лордом Монмутом в 1683 году республиканец.

Клозоль, первый пустивший клевету, выступил с объяснениями, которые ничего не объясняли, а в заключении сказал, что обязан давать отчет одному Конвенту. Мор внес предложение относительно опубликования якобинской петиции в бюллетени. Ревбэль объявил, что невозможно столько времени заниматься якобинцами, и нельзя печатать в бюллетени всякую петицию, потребовал перехода к порядку дня. Его предложение было принято (Mo, XXII, 112).

Над Якобинским Клубом собирались грозные тучи: его петиции отвергались, на членов его возводились обвинения в тягчайших преступлениях, — все предвещало скорую развязку. Новый поток памфлетов изливался на головы якобинцев: «Они хотят спасти Каррье», «Исповедь Каррье», «Беспристрастная история или вся правда о партиях, вышедших из среды якобинцев от Лафайета до Каррье».

На заседании Конвента снова ставился вопрос относительно запрещения депутатам быть членами народных обществ. Внесший это предложение Ликинио мотивировал его так: если представители народа не будут входить в Якобинский Клуб, то якобинцы останутся тем, чем они должны быть по существу, это предложение вызвало ряд чрезвычайно бурных сцен, однако напряжение, господствующее в политической атмосфере, не разрядилось (226, Mo, XXII, 440—41).

Врагам якобинцев все это казалось недостаточным, необходимо было окончательно ликвидировать Клуб, предварительно уничтожив его физически, осмеяв и оскорбив его членов, разрушив залу заседания и т.д. Подготовительная работа к этому велась, видимо, заранее: на заседании Общества 7 ноября один из его членов докладывал, что он недавно слышал в кафэ разговор каких-то суб'ектов: «Нас двадцать человек, говорили они, идем к якобинцам, мы достаточно сильны для того, чтобы их разогнать». Тогда эти угрозы показались якобинцам смешными. Но уже через два дня они осуществились вполне реально (VI, 61:1).

В этот день, вскоре после начала заседания, едва только Леонард Бурдон успел сообщить о том, что в процессе Нантского Революционного Комитета в качестве свидетелей выступают шесть контр-революционеров, и поставить Общество в известность о новых арестах его членов, на трибунах произошло какое-то смятение, почти одновременно страшный шум раздался со двора и тотчас же целый град камней, брошенных снаружи, обрушился через разбитые стекла на ораторскую трибуну и места для членов Общества. Загремели крики: «Долой якобинцев!» Это фрероновы молодцы, следуя приказу своего патрона, повели атаку на ненавистный им Якобинский Клуб.

Среди шума и смятенья Фейо призывал якобинцев оставаться спокойными на своем посту. И действительно, они все, как один человек, поднялись и огласили воздух криками: «Да здравствует Республика!» Один из них поднял пику с фригийским колпаком и при виде этого символа стольких революционных побед все присутствующие разразились новыми криками: «Да здравствует Республика, да здравствует Конвент!»

Эти крики были ответом на продолжающийся грохот падающих камней и звон разбиваемых стекол. Несколько человек из нападавших хулиганов были захвачены в плен и введены в залу заседания; для того, чтобы оградить их от гнева якобинцев, их поместили под охрану красного колпака, и направившиеся с угрозами к ним отступили перед этой дорогой для них эмблемой. Среди этого смятения было сообщено о прибытии вооруженной силы. Гастон кричал: «На нас нападают преступники, негодяи, контр-революционеры, мюскадены, вы это можете видеть по внешности захваченных нами в плен». Когда депутат Дюгем попытался выйти на улицу, погромщики, узнав его, несмотря на принадлежавшее ему депутатское звание, с криком: «Вот кровопийца Дюгем, пей свою кровь», бросили в лицо камень.

Сообщение президента о прибытии для водворения порядка представителей народа было встречено бурными аплодисментами. Разыгралось несколько эффектных сцен. Леонард Бурдон потрясал попавшим в него камнем, обещая положить его па президентский стол в Конвенте. Какой-то раненый, прибывший из армии офицер клялся отдать остаток своих сил на защиту якобинцев и Конвента. Председатель наградил его братским поцелуем. Крассу восклицал: «Сначала хотели уничтожить народные Общества, ибо необходимо разрушить городской вал, для того, чтобы проникнуть в центр города». «Эти последние события доказывают, что не вы хотите разрыва с Конвентом... Вас хотели атаковать в лице ваших принципов, покушаясь одновременно и на самое ваше освещенное декларацией существование. Теперь на вас нападают при посредстве убийц, но убийства всегда оканчиваются торжеством друзей свободы».

Приёр-из-Марны^{xxxiii} обратился к якобинцам со словами: «благоразумие, спокойствие и твердость изобличают душевные качества истинных якобинцев. Я долго буду вспоминать это заседание, на котором все были спокойны, за исключением тех, кто заботился о вашей безопасности. Мы уйдем отсюда, проникнувшись той важной мыслью, что все происшедшее — явление контр-революционное и что Конвент остается попрежнему пунктом нашего об'единения»... Последние слова оратора были покрыты криками: «Да здравствует Конвент, да здравствует Республика!» (VI, 643—48).

^{xxxiii} Пьер Луи Приер (http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#prieur_marn).

Враги якобинцев торжествовали, разгром якобинского Общества был для них крупным успехом. Реакционные газеты с удовольствием передавали происшедшие события. Согласно их версии выходило, что Клуб подвергся нападению народа, вознегодовавшего на зажигательные, направленные против народного представительства речи якобинцев. Дальнейшие события описывались в трагикомическом духе, большая роль в них отводилась женщинам — «робеспьеровским ханжам». Передавались разговоры, ведущиеся в группах граждан: «Никто не одобряет, говорили будто бы в группах, всех этих глупых женщин, забывших свой долг и свойство своего пола и вмешивающихся в дела, в которых они ничего не понимают и которые их абсолютно не касаются». По сведениям реакционных газет, громившие Якобинский Клуб, будто бы, заявляли, что они враждебны только по отношению к запятнавшим себя кровью якобинцам, по прибытии же народных представителей они немедленно разошлись, выразив свое уважение депутатам криками: «Да здравствует Конвент»!

«Умы крайне возбуждены, сообщает нам полицейский отчет, спорами за и против якобинцев: сторонники якобинцев утверждают, что с их существованием связано благополучие республики».

Враги якобинцев в провокационных целях кричали: «Да здравствуют якобинцы, нам нужен король!» Был выпущен новый памфлет с характерным жирондистским заглавием: «Вся истина по поводу сентябрьских дней» (Стр.230, 231, 232).

На следующий день после разгрома Клуба в Конvente разыгрались бурные прения. Еще раньше, чем было приступлено к обсуждению событий предыдущего дня, начались беспорядок и шум. Одного гражданина из числа присутствующих на трибунах пришлось выводить силой, в такой обстановке Дюгем получил слово. Он сказал, что контр-революция питает злобу не к отдельным личностям среди якобинцев, а ко всему народному представительству, ибо, говорил он, нас избивали на глазах депутатов, а виновники этого отпущены на свободу... «Надо, чтобы народ сумел оценить эти подлые происки, которым покровительствует апатия людей, имеющих в руках общественную власть... Если бы вчера мы бы получили со стороны правительства, хотя бы один, я не говорю обещающий покровительства, но сочувствующий взгляд — мы были бы счастливы. Если бы члены Комитетов посетили бы нас в момент бомбардировки, они увидели бы раненых патриотов, сердца которых, при известии о взятии Маастрихта, трепетали от радости, они увидели бы убитых, защищаемых патриотами и огражденных красными колпаками... и этих то людей партия продавшихся аристократам, разные Фрероны и Тальены, хотят выставить контр-революционерами. Вчера войска и патрули находились на одной стороне залы, а убийцы подвизались на другой»...

Следом за Дюгемом выступил Дюруа, он, не будучи якобинцем, совершенно беспристрастно осветил происшедшее. Согласно его рассказу, толпа погромщиков, вышедши из Пале-Рояля — штаб квартиры фрероновских молодцов, забросала якобинцев камнями и грязью, освистывала их, подвергала насмешкам и оскорблениям. Особенно неистовствовали хулиганы по отношению к женщинам, им они кричали, чтобы те не ходили впредь на трибуны Клуба и Конвента, так как их дело — домашнее хозяйство. Все рассказанные безобразия происходили на глазах спокойно взиравших на все это патрулей. Из этого обстоятельства Дюруа сделал вывод, что во Франции нет ни полиции, ни правительства и потребовал перевыборов Комитета Безопасности.

От имени последнего выступил Ревбэль, заклятый враг якобинцев. С места в карьер он осыпал якобинцев целым градом обвинений: «Где организовалась тирания, вопрошал он, где были ее сторонники и пособники». — «У якобинцев», — отвечал он. «Кто одел Францию в траур, кто ее наполнил бастилиями, кто вселил отчаяния в семьи, кто сделал республиканский режим настолько ненавистным для всех, что любой, сгибающийся под тяжестью своих оков откажется жить при этом режиме», — «якобинцы» — вновь отвечал он. «Кто, наконец, сожалеет об ужасном режиме, при котором мы жили — якобинцы». Говорят о аристократах, но не они, а якобинцы составляли 9 и 10 термидора, заговор. Наполнили собою трибуны Клуба и здание Коммуны, хотели перебить народных представителей и захватить господство для того чтобы купаться в золоте... Они уже давно агитируют против Конвента и первое время их мелкие интриги удавались, наконец — терпение лопнуло, глаза народа раскрылись и драчуны были сами избиты. Отсюда и происходит весь шум. Теперь стали говорить, что все погибнет, так как якобинцы получили несколько ударов палками».

Согласно докладу этого представителя власти выходило, что якобинцы постоянно кричали «да здравствуют якобинцы», что они подвергли граждан грубому и жестокому обращению и арестовали совершенно невинных людей кричавших «да здравствует Конвент» причем среди арестованных оказался подросток, почти ребенок. Далее он утверждал, что раздавались крики «да здравствуют якобинцы — долой Конвент». Этого Дюгем не мог вынести и крикнул в лицо клеветнику, — «сколько заплатил ты тем, кто тебе сделал этот доклад». Рюамп поддержал его возгласом: «Этот доклад направлен к избиению патриотов». «Он продиктован Ревбэлю его друзьями — Фрероном и Тальеном, продолжал негодовать Дюгем, но они забыли упомянуть о пистолетных выстрелах и о кинжалах направленных в нас». Ревбэль же в заключение своей речи предложил прекратить заседания Якобинского Клуба.

Выступил представитель военного Комитета и своим беспристрастным рассказом повторил в общих чертах уже сказанное Дю-Руа и Дюгемом.

Последний, вновь получив слово, сказал, что на народные Общества нападают по той причине, что они авангард Конвента, что толпа погромщиков вышла из Пале-Рояля, этого центра разврата, и что весь погром задуман в будуаре мадам Кабарюс, подбивающей Тальена нападать на лучших патриотов (Mo XXII, 473—76, 479—81).

На другой день перед решеткой Конвента предстала депутация состоящая из граждан Секции Друзей Отечества. Депутация эта горько жаловалась на то, 410 агитаторы контр-революционеры поднимают знамя мятежа, ведя открытую войну против патриотизма, что в пределах их секции, уже несколько дней происходят печальные явления: избиваются граждане, женщины и дети. «Право собственности нарушено, печаловался оратор депутации, одно народное общество приведено в смятение, а народное представительство оскорблено в лице своих многих членов». Далее петиционеры просили о том, чтобы виновные были наказаны согласно закону, как нарушители деятельности народных обществ, и заканчивали возгласом! «Да здравствует республика единая демократическая и неделимая, да здравствует республиканская конституция 1793 года!»

Конечно, эта петиция снова пробудила партийные страсти, якобинцы устами Лежёна потребовали напечатания этой петиции в бюллетени, их враги настаивали на «простой отсылке ее в Комитеты», т.е. на погребение ее в недрах этих Комитетов. И, хотя якобинцы добились переголосования, но и этим они не сумели ничего достигнуть, так как их противники ухитрились сорвать обсуждение этого вопроса, выдвинув на очередь всеми с нетерпением ожидаемый доклад по делу Каррье (Mo XXII, 481).

Вечером этого же дня одиннадцатого ноября — 21 брюмера состоялось последнее заседание Якобинского Клуба. Оно было начато пением патриотического гимна и криками — «да здравствуют права человека, да здравствует Республика, да здравствует Конвент». Затем был зачитан под бурные аплодисменты закон о народных Обществах и карах против нарушителей их спокойствия.

Как будто нарочно именно в этот момент толпы погромщиков вновь появились у входных дверей. Разыгрались уже знакомые нам сцены, бывшие повторением уже происходившего: некоторые из погромщиков были захвачены в плен и помещены под охрану революционной шапки. Один из членов Общества призывал оставаться спокойно на своих местах, ожидая нападающих смутьянов. «Знаете ли вы, спрашивал он, кто нападает на вас — это кучка молодых людей избавившихся от воинской повинности работой в административных учреждениях, выходцы из Пале-Рояля, продолжающего оставаться королевским. Их руководители те, кто устраивают обеды по пятьдесят ливров с персоны, предаются разврату и имеют всевозможные пороки».

После того, как толпа заговорщиков схлынула Монэтье заявил, что вопрос о Якобинском Клубе обсуждается в данный момент Комитетами, куда перенесена эта тяжба между якобинцами и роялизмом, что необходимо с доверием ожидать решение этих комитетов и что в настоящий момент необходимо исходя как из своих собственных, так из общих интересов, прекратить заседание, разойдясь по домам. Предложение Монэтье было принято и это заседание Якобинского Клуба, бывшее его последним заседанием, закрылось под крики «да здравствует республика, да здравствует Конвент» (VI, 670—73).

На другой день Конвент заслушал доклад четырех объединенных Комитетов по вопросу о Якобинском Клубе. Докладчик сообщил о решении объединенных Комитетов прекратить заседание Клуба, запереть его залу и ключи передать секретарю Комитета Безопасности. Это сообщение было встречено бурными аплодисментами.

Мотивируя вынесенное решение, докладчик Лэньело еще раз пред'явил якобинцам все уже ранее пред'явившиеся им обвинения. Из его слов вытекало, что Якобинский Клуб не был подлинным народным обществом, что он был наполнен людьми едва известными в революции, но что, за то руководили ям несколько личностей слишком известной репутации. Лэньело находил невозможным для Конвента допускать соперничество с собою кучки подобных людей. «При каком правительстве, в какой стране увидели бы вы две соперничающих власти, вопрошал Лэньело, одно правительство, рядом с другим и рядом с законной властью случайную. В этом Обществе осмеливались говорить, что траншея вырыта, что войска уже здесь, а такие заявления встречались аплодисментами. Я вас спрашиваю, если уже действительно неизбежно иметь две партии, то не необходимо ли иметь один Конвент и единую республику. Якобинцы — партия, а все что есть партия, должно быть наказано». Затем докладчик заверил, что вынося свои решения комитеты не имели намерения посягать на народные Общества, да они и не имели бы права закрыть их двери, исключая того случая когда в народных Обществах поднимается партия проповедующая гражданскую войну. Что касается секционных народных обществ, то это подлинно народные общества, и Комитеты, как и Конвент, их вполне поддерживают.

При бурных криках всего Конвента «да здравствует республика, да здравствует Конвент» предложение четырех Комитетов было утверждено. Так было прекращено существование Якобинского Клуба, бывшего столь долгое время оплотом революции (Mo—XXII, 489—90).

Страх перед этим бывшим центром революционного движения у врагов революции был очень велик. Реакционные газеты, торжествуя по поводу уничтожения ненавистной им твердыни демократии, высказывали ряд опасений, передавая носившиеся, невидимому, по Парижу слухи. Одна из них писала: «Боялись, как бы их (якобинцев) сторонники в сорока восьми секциях Парижа, в особенности члены прежних революционных Комитетов, не произвели каких-нибудь выступлений, действуя каждый в своем округе, это могло бы зажечь огонь гражданский войны в различных пунктах столицы одновременно».

«Якобинцы пытались, сообщила вторая газета, произвести попытку восстания в Сен-Антуанском предместьи и потерпели неудачу». Третья с радостью сообщила о принятых правительством мерах предосторожности: «многочисленные патрули ходят по улицам, значительные резервы командированы в каждую секцию (Стр. 248, 249, 250).

Однако, враги якобинцев все еще не могли окончательно успокоиться, им необходимо было изгладить из памяти революционного парижского населения всякое воспоминание о якобинцах, вытравить его из душ Парижских санкюлотов. И вот, Кадруа, будущий организатор белого террора на юге, четырнадцатого ноября предложил на обсуждение Конвента проект декрета, согласно которому впредь ни одно общество не могло бы называться ни обществом якобинцев, ни обществом фельянов, ни обществом кордельеров, здание же, занимаемое Клубом, должно было отойти под оружейную мастерскую. Остальные пункты этого замечательного законопроекта в противоречие с его первым пунктом, объявлявшим народные Общества находящимися под специальным покровительством правительства, — стесняли и даже сводили на нет всякую деятельность народных обществ. Народные общества должны были быть поставлены под строжайший надзор представителей власти и им было запрещено как заниматься обсуждением действия властей, так и самим выполнять какие либо административные функции. В общем это предложение Кадруа было вполне одобрено Конвентом, но окончательное принятие его было отложено. (Мо—XXII, 499—501.

Народные общества пережили падение своего центра всего лишь на 10 месяцев. «Дальнейшее существование народных обществ, говорит Боровой, было лишь их медленной агонией. С закрытием Якобинского Клуба была разбита вся якобинская организация. Со смертью центра стали мертвель и члены этого недавно столь могучего и живого организма. Погребальным камнем был декрет 6 фрюктидора (23 августа 95 г.)».

Докладчик проекта этого декрета «обвинил остатки народных обществ... в покушениях на новые преступления, одни мечтают о терроре, другие склонны к роялизму... в заключение он предложил закрыть собрания, известные под названием «клубов или народных обществ», что и было почти единодушно принято Конвентом»...²¹ Новая фрюктидорская конституция закрепила это решение Конвента. Ее 361 статья гласила «никакое собрание граждан не может называть себя народным обществом».

Некоторые итоги

1

В своих речах и ораторских выступлениях якобинцы были очень щедры на грозные посулы, воинственные фразы. «Настанет день, когда Гора низвергнется на Болото», Пусть враги революции уйдут в ничто. Скоро рептилии смешаются с грязью. Враги революции окажутся в невозможности вредить отечеству и т.д. — постоянно слышим мы из уст ораторов, подвизающихся на трибуне Клуба. Немудрено, что враги якобинцев опасались после разгона Клуба восстания. Немудрено, что патрули ходили по улицам, а усиленные караулы охраняли Конвент. Но никакой попытки совершить переворот якобинцы не сделали, напротив, они, как будто, покорно подчинялись приказу прекратить свои заседания и в момент нападения на их Общества проявляли почти христианское смирение, встречая град камней и оскорблений криками «да здравствует Конвент».

Но прежде всего, надо спросить, была ли у якобинцев возможность произвести восстание, которого так опасались их враги, была ли у них возможность опереться на массы парижского населения, без чего, как это можно было видеть на примере гебертистов и коммуны 9 термидора, всякая попытка к перевороту была обречена на неудачу.

Во-первых, якобинцы находились в чрезвычайно тяжелом затруднении в смысле, так сказать, тактическом. Выступивши против мятежной робеспьеровской коммуны, выступив против нее во имя защиты Конвента, они к этому лозунгу были прикованы, как к гири, которая и лишила их всякой свободы тактического маневрирования.

Им приходилось выступать на защиту какого-то отвлеченного Конвента, Конвента — представителя нации, в то время как Конвент реальный и настоящий, по крайней мере, большинством своим представляющий определенную классовую группировку, вел против

²¹ Боровой, «История личной свободы во Франции». Т.1, ч.2, 150—51.

якобинцев самую ожесточенную борьбу. Поэтому якобинцам приходилось бороться только с отдельными членами Конвента, оберегая его весь в целом от всяких посягательств. Между тем Конвент, выступая против якобинцев, действовал своим авторитетом Конвента в целом.

Но во имя чего можно было выступить против Конвента, чем можно было подменить необходимость его защиты и поддержки, вокруг чего или кого можно было организовать. И противники якобинцев очень хорошо понимали необходимость для всякого движения наличия какого либо центра, поэтому то они и не восстанавливали Парижской Коммуны, опасной в смысле возможности превращения именно в такой центр. Наоборот, руководимый Бабефом, Варлэ и Бодсоном «Избирательный Клуб» настойчиво требовал восстановления городских магистратов и городского самоуправления (Ден 31). Якобинцы же были к этому вопросу не только совершенно равнодушны, но, вероятно, и враждебны, потому, что коммуна, будучи восстановленной после того, как они уже раз боролись против нее во имя Конвента, могла бы сделаться центром какого угодно движения, но только не якобинского.

Сделать же центром восстания свой собственный Клуб, значило вступить на путь явно партийной борьбы, что в то время приравнивалось к простому мятежу и, кроме того, значило создать такой центр восстания, который после стольких своих прегрешений против парижских масс, не мог бы сделаться пунктом их объединения. Если бы якобинцы все таки, решились поднять знамя восстания в своем Клубе, то они бы были объявлены простыми мятежниками и от этого в руках их противников обладающих таким лозунгом, как «защита национального представительства — Конвента», оказались бы огромные выгоды.

Они и без того старались всеми силами выставить якобинцев врагами народного представительства — Конвента, это и был главный пункт бросаемых против якобинцев обвинений. Ведь еще Ревбэль, как главное обвинение против якобинцев, выдвигал то, что они кричали «да здравствуют якобинцы!», в ответ на крики «да здравствует Конвент!»

На заседании Общества 28-го сентября один ученик Военной Школы сообщил, что в лагере этой школы распространяют слухи относительно того, что якобинцы кричат «долгой Конвент» (VI, 523).

На том же заседании Клеманс сообщал, что среди заключенных в тюрьмах распространяются слухи относительно намерения якобинцев распустить Конвент.

Центральным местом в речи Ревбэля произнесенной им во время прений по вопросу о программе Клуба, было сообщением о том, что в Пале-Рояле многие кричали „да здравствуют якобинцы, долгой Конвент», тоже самое он повторил и относительно сада Тюльери. (VI, 659—60).

По этой то причине якобинцам приходилось проявлять по отношению к Конвенту величайшую щепетильность, стремясь к тому, чтобы на них не пало и тени подозрения в желании выразить недоверие или неуважение по отношению к национальному представительству. Все речи и выступления якобинцев полны из'явлениями лойяльности и уважения к Конвенту.

На заседании 15 сентября Дюгем говорил, что «якобинцы дадут ответ своим клеветникам своим поведением и своей неразрывной привязанностью к Конвенту». (VI, 473).

Когда один гражданин попытался на заседании Общества распространиться о заговорах, проникших по его словам даже в самый Конвент, он был прерван негодующим ропотом всех присутствующих, а Рессон потребовал, чтобы все те, кто будет впредь произносить подобные речи, призывались к порядку. «Недостаточно, говорил Рессон, того, что мы уважаем Конвент, надо доказать, и при том доказать ясно, что мы желаем, чтобы его уважали». Дюгем предложил отправить этого гражданина в Комитет Безопасности, а Левассер заявил, что «в Конvente, владеющем доверием всех французов и этого доверия заслуживающем, следует видеть единственный пункт объединения». «Нападать на национальный Конвент, — говорил Левассер, — значит оскорблять величие суверена, им представляемого. Подобные нападки заслуживают нашего полного осуждения». «Благодаря связи с Конвентом и его Комитетами, вновь поддержал Левассера Дюгем, якобинцы выполняют свою славную роль авангарда народного представительства». (VI, 509—11).

Депутации якобинских секций, посетив Якобинский Клуб, клялись, как мы видели, защищать Конвент и требовали от якобинцев полного единения с ним, обещая лишь на этом условии им полную поддержку.

Казалось бы, после нескольких ударов, нанесенных Конвентом якобинцам, их отношение к нему должно было измениться. Но и после издания декрета о народных обществах, после ареста Каррье — якобинцы продолжают брать Конвент под свою защиту. На заседании 3 ноября, когда обсуждался вопрос относительно ареста Каррье, Билло Варен воскликнул «эти личности питают злобу не только к отдельным лицам, но и ко всему Конвенту».

На следующем заседании член Конвента, Арена, говорил о врагах якобинцев, «ныне они отравляют общественное мнение говоря, что якобинцы звонят в набат против Конвента. Но разве возможно подумать, чтобы вы не были преданы Конвенту». И в ответ на это раздался дружный крик — «мы все ему преданы». (VI, 633—635).

Между тем, дело происходило пятого ноября за четыре дня до разгрома Клуба. Но мало того, даже после обвинения якобинцев в сношении с находящимися в Швейцарии эмигрантами, депутация якобинцев, явившаяся в Конвент 6 ноября, подчеркнула в своем выступлении, что она «неразрывно связана с Конвентом, как единственным центром правительства и единственной надеждой общественного спасения». (VI, 638).

Манифестируя свою преданность Конвенту, стараясь освободиться от всяких подозрений в малейшем к нему неуважении, якобинцы оказались в необходимости вести борьбу против Конвента под лозунгом защиты Конвента, что создавало им в деле организации этой борьбы немаловажное затруднение.

2

Другую гораздо большею трудностью для якобинцев в борьбе их с реакцией, было наличие среди демократии двух взаимно-враждебных фракций. И в этом отношении о якобинцах можно сказать, что они ничему не научились и решительно все позабыли. На самом деле, две блестящих победы революции были одержаны ею именно потому, что революционная демократия действовала единым фронтом, потому то дни десятого августа и тридцать первого мая были днями побед этой демократии.

Теперь же, в пору величайших опасностей для демократии, именно и не существовало единого фронта.

Помимо якобинцев с реакцией суждено было бороться я остаткам прежних бешеных и, вероятно, гебертистов, центром и оплотом которых был «Избирательный Клуб» (Club electoral). Здесь, в «Избирательном Клубе», гремели речи друга и единомышленника, затравленного якобинцами Жака Ру - Варле и будущего главы «заговора равных» Гр.Бабефа.

Как же относились якобинцы к этим группам, которые, казалось бы, должны были быть их союзниками. Отчасти с этим мы уже знакомы. Когда делегация «Избирательного Клуба» явилась к якобинцам и сделала им полное искренности заявление: «и мы тоже, как и друзья свободы и равенства, страдаем от всех насмешек и клевет, бросаемых против народных обществ, мы для разрушения интриг и козней чувствуем необходимость об'единения», — якобинцы ответили на это заявление — простым переходом к порядку дня. (VI, 550).

Мы уже знаем, что якобинцы были совершенно равнодушны к тому вопросу, которому «Избирательный Клуб» придавал величайшее значение, а именно — к восстановлению Парижской Коммуны. Для якобинцев это была мятежная Коммуна Робеспьера, для электоральцев это была Коммуна Жака Ру и Шометта, и, что хуже всего, таковою же она была и для якобинцев. Поэтому то именно они и не имели особых оснований хлопотать об ее восстановлении.

По тем же самым причинам якобинцы остались совершенно равнодушными к проведению такой антидемократической меры, как прекращение оплаты посещения секционных собраний и сокращения числа их заседаний. По своей близорукости якобинцы не понимали, что если эти меры избавляют секции от влияния трудящейся бедноты, то одновременно они облегчают захват их контр-революционерами и, следовательно, лишают якобинцев очень важного оплота.

Электоральцы же весьма энергично выступали против этих мероприятий Конвента, они действовали, как наследники бешеных, защитники интересов беднейших слоев парижского населения, и засыпали Конвент петициями и адресами.

Секция в глазах Бабефа были «местом, где народ должен осуществлять свою исполнительную власть и непрестанное наблюдение над поведением своих доверенных». «С каких это пор уполномоченные стали выше тех, кто их уполномочил? Какая узурпация! Никогда деспотизм не проявлял себя столь губительно по отношению к правам народа» — негодовал Бабеф по поводу сокращения числа секционных заседаний. («Журнал Свободы Прессы», № 21, стр.3).

«Возвратите секциям возможность заседать дважды в декаду, ибо и это едва достаточно для разрешения текущих дел» — писал Бабеф в адресе «Избирательного Клуба», напечатанном первого октября в газете «Свобода Прессы». Второго октября секция Музея, явившись в Конвент, объявила о своем присоединении к этому адресу «Избирательного Клуба» и, как и этот последний, требовала, чтобы пятидневные заседания секций были восстановлены. В своих требованиях секция Музея не осталась одинокой — «несколько секций просили о том же самом» (Dev. 31, Мо XXII, 134, 135).

Между тем этот столь волновавший «Избирательный Клуб» и многие секции вопрос совершенно не затрагивался в Якобинском Клубе, мы не найдем в протоколах его заседаний ни постановлений, ни каких либо адресов или петиций по этому поводу.

3

Большая разница замечается между якобинцами и электоральцами в их взглядах на революционное правительство. Первые, как мы знаем, хотели оставления его в прежнем виде, вторые требовали немедленной замены его демократией. Поэтому электоральны, в противоположность якобинцам, оказывались сторонниками свободы печати. Последняя им была

необходима для проповеди их воззрений, находящихся под запретом несомненно по той причине, что воззрения эти заключали в себе нечто враждебное собственности.

Ратуя за эту свободу, электоральцы были совершенно равнодушны к тому, что в тот момент введение этой свободы было на руку исключительно реакционерам. В письме, адресованном редактору «Журнала Свободы Прессы», некто Дювивье выражал свое удивление по поводу того, что якобинцы, принявшие так горячо к сердцу покушение, произведенное в свое время на Колло Д'Эрбуа, совершенно равнодушны к покушению на Тальена. «Разве Тальен не заслужил уважения граждан своим поведением в Тулоне, проявленной в момент кризисов энергией и своей речью о свободе прессы» — вопрошал автор письма²².

Шестого сентября Бабеф подал Конвенту петицию, в которой требовал в первую очередь «гарантий совершенно неограниченной свободы мнений и печати».

В октябре месяце Бабеф в своих писаниях обрушивается уже на революционное правительство в целом — «почему слово революционное правительство, вопрошает Бабеф, сделалось каким-то талисманом, которым прикрывают все злоупотребления не позволяя на них жаловаться. Все друзья свободы стремятся к ниспровержению революционного правительства, так как оно губительно для всякой свободы (Dev. 25, 31).

Конечно, после такого сорта заявлений вождя электоральцев якобинцы не могли питать к этим последним особенно добрых чувств, и вполне понятно, что они считали, что и «аристократы исповедуют те же самые принципы», как и электоральцы. Каррье по поводу действий «Избирательного Клуба» говорил: «Мы видим «Избирательный Клуб», в котором фабрикуются заговоры, являющимися в Конвент с самыми контр-революционными петициями, требующими уничтожения революционного правительства, восстановления народных выборов и свободы прессы, — всего того, что может быть благоприятным только для аристократов (VI, 435).

Не более лестный отзыв дал «Избирательному клубу» и другой вождь якобинцев — Билло Варен: «Избирательный клуб», сказал он, был всегда очагом контр-революции, он принимал участие в мятеже Гебера».

«Избирательный клуб» не был одиноким в вынесении определенной оценки революционному правительству. В конце августа на заседании якобинского клуба появилась депутация «Общества Защитников Прав Человека». Депутация эта заявила, что революционное правительство создано Робеспьером, а в то время такое заявление было равносильно признанию контр-революционности идеи революционного правительства, и что она сомневается в совместимости этого правительства со свободой мнений.

Якобинцы обрушились на эту депутацию с массой возражений. Дюгем уверял, что революционное правительство было создано вопреки Робеспьеру. Дюперрэ говорил, что после падения Робеспьера вновь появились люди, в свое время обсуждавшие вопрос, нужно ли выступать десятого августа. «Это те люди, говорил Дюперрэ, которые теперь говорят об избирательном вопросе и которые на рассмотрение секции ставят мятежные адреса» (VI, 388—91).

Якобинцы характеризовали своих противников слева, как людей, «говорящих об избирательном вопросе» и «требующих народных выборов», следовательно, противники эти желали замены революционной власти, организованной по принципу диктатуры, конституционной демократией.

Бабеф в том адресе, в котором он требовал «гарантии неограниченной свободы прессы», требовал и того, «чтобы народ получил всю полноту своих прав, заключающуюся в назначении им самим своих магистратов». Несколько позднее, в сентябре, Бабеф в своем адресе о восстановлении пятидневных секционных собраний писал: «Верните Парижу его муниципалитет, его магистратов, избранных народом, который один имеет право их избирать».

В середине августа секция Музея приняла резолюцию, в которой говорилось о необходимости восстановления права народа — избирать представителей власти. В адресе, сопровождающем эту отправленную в Конвент резолюцию, говорилось по поводу переворота 9 и 10 термидора, что он заставил трепетать всех людей, «осмелившихся отнять у народа избирательные права и общественные должности, замещение которых принадлежит исключительно народу».

За этот адрес велась оживленная агитация в секциях, и, несмотря на то, что якобинцы агитировали в противоположном смысле, к нему 27 августа присоединилось до пятнадцати секций (Dev. 25, 31).

Как к такого сорта требованиям электоральцев относились якобинцы, можно судить по выступлению в Якобинском Клубе 26 августа Дюфурни. Он говорил о людях, «стремящихся ослабить революцию, умалить ее значение, о людях, представляющих патриотам упрек в модерантизме». По его словам, эти люди применяют различные козни для того, чтобы погубить

все плоды революции; «Избирательным Клубом» были сделаны опасные предложения, и завтра нам придется обсуждать, восстанавливать ли народ в его избирательных правах, или нет»²³.

Реаль, прочитав адрес секции Музея, который должен был быть зачитан на другой день по всем секциям, приглашал якобинцев объединиться для борьбы против принятия этого адреса секциями. Примеры Реаля и Дюфурни могут показаться мало характерными, для настроения якобинцев, ибо оба эти члены Общества впоследствии были обвинены в сочувствии реакционерам, но помимо этих выступлений мы имеем заявление Мора, сказавшего, что требования избирать революционные комитеты на собраниях секций не благоприятны для патриотов. Но мнению Мора, все демократические требования были лишь маской, которой прикрывались аристократы, а аплодирующие этим требованиям посетители конвентских трибун — черносотенцами (*de noir*). Монэтье обращал внимание якобинцев на те опасности, с которыми им придется сражаться на другой день, выступая в секциях и приглашая их для того, чтобы добиться торжества своих принципов держаться как можно дружнее (VI, 385—87).

Как использовала реакция эти раздоры двух демократических фракций мы уже знаем; лавируя между ними, она неизменно оказывалась в выигрыше: принявши благосклонно якобинскую депутацию, реакционеры Конвента бросили в тюрьму вождей электоральцев (11 сентября). В конце сентября они разгромили (в буквальном смысле) «Избирательный Клуб», а в октябре месяце они оказались уже настолько сильными, что смогли нанести своим «Адресом к французскому народу» удары обоим фракциям

Каковы: были причины столь сильной враждебности царившей между двумя фракциями демократии, ответа на этот вопрос надо искать в том, что борьба между этими фракциями была продолжением борьбы якобинцев с бешеными, мелкой буржуазии с беднейшими ремесленниками и наемными рабочими. Народные общества «Защитников Прав Человека», адрес которого вызвал столько возражений со стороны якобинцев, имело свое место пребывания в центре рабочего предместья Сент-Антуан.

Что среди жителей этого центра трудящейся бедноты вопросы о восстановлении демократии обсуждались и как раз в это время, видно из полицейского отчета от 26 августа, в нем мы читаем; «в предместьи Сент-Антуан граждане жалуются на то, что Конвент не оставил за народом право выбора магистратов, они говорят, что революционное правительство не должно препятствовать существованию этого коренящегося в самой природе права».

Несколько ранее (24 августа) одна реакционная газета сообщала довольно туманно, кем то делаемых попытках поднять Сент-Антуанское предместье (Стр.64, 59).

Приблизительно за год перед этим, в момент величайшего напряжения борьбы между якобинцами и бешеными, последние начали нападать на революционное правительство и требовать проведения полной демократии (V, 327, 328). События протекшего с тех пор года могли только укрепить вражду к революционному правительству среди слоев населения представляемых бешеными. Под флагом революционного правительства был проведен разгром секций, под флагом революционного правительства преследовали Жака Ру, Леклерка и Шометта, под флагом же революционного правительства разрушили ту коммуны, которую теперь не желали восстановить.

Вероятно эти обстоятельства и продолжающиеся ухудшение в положении беднейших слоев мелкой буржуазии, отбросили в лагерь бешеных многих сторонников Шометта или Гебера. По крайней мере депутат Конвента Шаль внес предложение о выборности революционных Комитетов (Mo, XXI, 582, VI, 385).

4

Итак, под флагом революционного правительства было проведено много репрессивных мероприятий против низов Парижского населения, положительного же в их интересах ничего сделано не было. Со времени гибели Шометтистской Коммуны экономические вопросы были сняты с повестки дня, ничего нового в этом направлении не делалось, а все что было сделано ранее должно было разочаровать трудящуюся бедноту, по крайней мере, так обстояло дело с главным проведенным по требованию этой бедноты мероприятиям «максимумом». Уже во время казни Робеспьера толпа кричала: «ко всем чертям максимум» (Олар, «Очерки и лекции», стр.324).

По мере же приближения новой зимы, вместе с ухудшением продовольственного положения все чаще и чаще слышится выражение недовольства этим мероприятием. На этот счет полицейские отчеты содержат немало указаний.

Полицейский отчет от четвертого октября сообщает, что народ на рынках требует свободной продажи с естных припасов. В отчете от 7 октября мы читаем: «большая часть народа желает того, чтобы коммерция была совершенно свободная, за исключением вывоза (за границу) и скупки, полагают, что тогда изобилие возвратится и что припасы хотя и поднимутся в цене, но впоследствии опять подешевеют вследствие конкуренции»... Через несколько дней из

²³ Dev, 28, 31, 36, выше стр...

полицейского отчета мы узнаем, что «главнейшим предметом разговоров в кучках граждан является порицание максимума и реквизиций»... (Стр.147, 152, 168).

Также повидимому, обстояло дело и с другими этого рода мероприятиями проводимыми в порядке диктатуры революционного правительства, например — с реквизициями. На них теперь стали смотреть как на явление разрушающее торговлю и промышленность т.е. как на то, отчего беднота больше всего страдала. Адрес «Избирательного Клуба» останавливался на вопросе «о средствах оживления коммерции» и требовал, чтобы «никакая комиссия не производила захвата и реквизиций, иначе как для нужд армии, а по возможности чтобы эти меры и совсем не применялись, в случае если будет можно наладить снабжение при помощи торговли». К этому требованию 2 октября присоединилось несколько секций, что же касается Бабефа, то он не совсем одобрял указанное место адреса: «вопрос о торговле находил он, должен был быть углублен, надлежит еще многое сказать относительно скупки припасов еще долгое время нам нужны законы против наживы (Mo XXII, 143, Dev. 31).

Что касается якобинцев, то несмотря на то, что вопрос о голоде, о недостатке продуктов занимал все умы: «прежде всего во всем выступает голод, говорит Олар, Париж питается недостаточно, Париж умирает от истощения — вот что составляет, в газетах и отчетах основу истории Парижа со времени падения Робеспьера» (Олар, «Очерки и лекции», 323) в Якобинском Клубе этот-то, именно, вопрос почти что, не обсуждается. И только на одном из последних заседаний, незадолго до закрытия Клуба занялись вопросом о дороговизне и недостатке с'естных припасов. Сначала по этому вопросу выступил неизвестный член Общества, предложивший в целях борьбы с недостатком на рынке продуктов применить повальные домашние обыски, это предложение было встречено ропотом неудовольствия и говорившего на трибуне сменил Дюгем.

Дюгем заявил, что ни свист, ни аплодисменты не заставят его молчать, но он же сказал, что бессмысленные разговоры не способны заставить исчезнуть недостаток. Первая причина недостатка продуктов, по мнению Дюгема — революция и война, нельзя не принять во внимание, что республика имеет под ружьем миллион двести тысяч человек... но есть и второстепенные причины, действующие совместно с главными, это скупость, эгоизм и страсть к наживе скупщиков, а затем подлость и преступность заговорщиков. «Проанализировав таким путем причины недостатка припасов, Дюгем переходит к методам борьбы с этим прискорбным явлением. Он считает, что «необходимо наложить узду на жажду наживы монополистов». «В свое время, сказал Дюгем, благодаря неумеренному крику Гебэра и Шабо против торговли, Конвент был вынужден наложить реквизицию на все с'естные припасы. Мера сама по себе хорошая, но, когда ее сделали всеобщей, она стала приносить много зла. Не нужно думать, что максимум сам по себе причинил несчастье республике, напротив, он ее спас, будучи противовесом купеческой жадности и помогая снабжению армий. Теперь мы находимся в совершенно другом положении, мы имеем новые и огромные ресурсы, но жадность нам все еще готовит западни. Всеобщий максимум - подарок Питта, лишь терпением народа обращенный на пользу общественного дела. Теперь нам хотя бы дать неограниченную свободу торговли с тем, чтобы правительство отдалось в деле снабжения армий на доброе усмотрение и добрую волю купцов.

Этим путем наши враги хотят увлечь нас из одной крайности в другую, а это-то как раз и есть те крайности, которые повергнут республику в несчастье. Ведь известна та истина, что нельзя натягивать лук больше, чем он сгибается. Смешно накладывать максимум на сливы, абрикосы и вишни, но смешно также отдавать все жадности богатого скупщика. Надо с одинаковым недоверием относиться к обеим крайностям».

В общем, Дюгем думал, что правительству следует принять меры к снабжению армии и больших коммун, а остальное пре-доставить снабжению при помощи свободного обмена. Он надеялся, что обилие запасов вскоре возвратится, ибо уже и сейчас в деле снабжения заметно значительное облегчение. «Но мне возражат, продолжал он, что цены чрезмерны, на это я отвечу — а разве их можно понизить средствами доселе употребляемыми. Ведь, когда был установлен максимум, продукты не начали продаваться дешевле, а купцы, продавая все в тайне, заставляли платить втридорога. Цены товаров возросли, ибо масса ассигнатов, находящихся в обращении, слишком велика. Когда Конвент часть их изымет из обращения, цены не замедлят понизиться» — закончил Дюгем приглашением не одобрять никаких крайних мероприятий (VI, 623—26).

В этой речи Дюгем проявил необычайно отчетливое понимание момента и совершенно правильно учел настроение масс. Последние были разочарованы в максимуме, поэтому теперь наступал момент совершить известный переворот в экономической политике, перейдя, повидимому, к чему-то вроде нашего «нэпа». Но, совершая этот переворот, следовало, конечно, оставить за собою, как теперь говорят, командующие высоты», что, повидимому, и имел в виду Дюгем, говоря о необходимости сохранить в руках государства снабжение больших коммун и армий...

Дюгем, мы видим, выдвигает положения, сходные с требованиями петиций электоральцев — ослабление максимума и доведение реквизиций до минимума. Но, помимо того, у электоральцев приходится предположить и наличие каких то более решительных лозунгов и требований,

касающихся распределения собственности и имуществ. Иначе нам совершенно невозможно понять упорную к ним вражду со стороны якобинцев и шумиху, поднятую в защиту собственности Конвентом в его адресе «к французскому народу» от 9 октября.

Вспомним, что еще в 1787 г. будущий вождь электоральцев Бабеф задавался вопросом относительно возможного «состояния» народа, у которого господствовало бы всеобщее равенство, земля принадлежала бы всем сообща и все было общим вплоть до произведений промышленности (Afliville, переписка Бабефа с Дюбуа-Фоссе, стр.117).

Приблизительно через год после описываемых нами событий Бабеф в одном из своих писем негодовал по поводу закона, приказывающего рабочему «есть мало, а работать много», и по поводу того, что «торговля и промышленность накопили груды золота и что это золото досталось немногим», а «большинство, создавшее своим трудом эти богатства, осталось без рубашек». «Истинные производители, полагал Бабеф, должны пользоваться всеми благами жизни, а не отбросами из того, что они производят для богатых» (Тарле. «Очерки и характеристики», «Дело Бабефа», стр.179).

В одном из номеров газеты «Народный Трибун», начатой изданием 4 октября 1794 г., Бабеф говорил о «нечистом происхождении права собственности, признаваемого, лишь по какому-то безумию неограниченным и наследственным». В этой же газете он писал, что «уважение к собственности должно уступить место уважению к собственности, заслуживающей уважения». И такие взгляды не были особенностью одного Бабефа. Его друг и будущий соучастник Антонель считал, что собственность может быть «только терпимой» (Лихтенберже, «История социализма в XVIII в.», стр.117—118).

Еще резче высказывается Бабеф в своем проекте адреса, за который он был арестован. Индивидуальная собственность, пишет он, является главным источником зол, сопутствующих обществу... Что можно сказать о законах и о собственности? Собственность есть доля узурпаторов, а законы — еще худшее создание... Убивайте без пощады тиранов, патрициев, позолоченных миллионами и безнравственных противодействующих вашему благу» (Espinass «Filosofie sociale de XVIII s.», стр. 234).

Что касается сочувствия этим идеям со стороны масс, сказать что-либо определенное по этому вопросу трудно. Во всяком случае, журналы Бабефа, по крайней мере «Свобода Прессы» — расходился в громадном количестве экземпляров (Advielle. «Histoire Gr.Babeuf», стр. 114).^{xxxiv}

Удивительная по ясности понимания создавшегося положения, удивительная по отчетливости выдвигаемых требований, приведенная выше речь Дюгема не имела никаких последствий, якобинцы не вынесли по поводу ее никаких решений и никаких резолюций. Вообще, равнодушные якобинцев как к продовольственному вопросу, так и ко всякого рода другим вопросам экономического характера, прямо-таки поразительно. Чем объяснялось это явление, как могли якобинцы забыть, что в свое время единый против-жирондистский фронт был создан на фундаменте разрешения (удачного или пет — другой вопрос), но разрешения насущных для столичного трудового населения экономических вопросов.

Казалось бы, теперь, когда среди вождей якобинцев наибольшим влиянием должна была пользоваться группа Билло-Варена, можно было надеяться на пробуждение у якобинцев интереса к вопросам социальным и экономическим. По крайней мере, сам Било-Варен был повинен в создании социальных проектов, в которых высказывал взгляды, близкие к взглядам Шометта (Жорес. «Соц. Ист.», т.IV, 1503-1508).

Но ничего подобного не произошло, все якобинские программы, заявления и декларации носят исключительно политический характер. Никаких предложений, направленных к проведению мероприятий экономических или социальных, мы в протоколах Якобинского Клуба почти не встречаем. Приведенная речь Дюгема представляет собою единственное яркое исключение. Кроме нее можно указать еще два—три факта. Во-первых, мы имеем отсылку по предложению того же Дюгема комитету Финансов проекта борьбы с ажиотажом, во-вторых, у нас есть жалоба Дюкенуа по поводу способа продажи национальных имуществ и его же предложение о продаже их малыми долями.

По этим затронутым, как-то вскользь, между делом, вопросам не выносились никаких решений, не велось прений. Напротив, после заявления Дюкенуа о продаже национальных имуществ, Лакомб потребовал перехода к порядку дня, очередным пунктом которого был вопрос о свободе прессы. После же чтения законопроекта об ажиотаже, немедленно без всякой связи с ним, приступили к обсуждению необходимости некоторых террористических мероприятий (VI, 421—428).

^{xxxiv}

См. М.Домманже, «Бабеф и заговор равных» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_dommanj.pdf), П.Щеголев, «Заговор Бабефа» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_shcheg.pdf).

Вопросы чисто политические, как мы видим, доминировали над всеми остальными. Посмотрим, что представляют собою некоторые документы программно-декларативного свойства. Вот для примера катехизис «Общества друзей свободы и равенства», составленный ими для получения права сношения с якобинцами, он содержит более двадцати пунктов и лишь один из них заключает намек на какие-то социальные мероприятия. Пункт этот весьма туманно говорит о «необходимости поставить богатых эгоистов в невозможность вредить действиям правительства».

Вот другое заявление декларативного характера, удостоенное напечатания, согласно постановления общества. Из девяти пунктов этой декларации, лишь один, последний, содержит опять-таки довольно гуманные указания на некие экономические мероприятия: «пусть поставят в порядок дня вопрос о средствах оживить коммерцию, индустрию и заставить процветать агрикультуру». И, наконец, укажем на программное заявление некоего марсельского гражданина — «республика единая неделимая и демократическая, революционное правительство, освобождение арестованных патриотов, постоянная борьба с аристократами», гласило это заявление (VI, 516—462—422).

Итак, на все требования предместий якобинцы могли ответить только предложениями об усилении террора, но этот террор стал для обитателей предместий уже ненавистен, ибо столько раз его обращали против них самих и их вождей. Мудрено ли, что в подобных обстоятельствах, при полном равнодушии якобинцев к самым животрепещущим нуждам широких масс трудового населения, массы эти оказывались глубоко равнодушными к борьбе, происходившей между реакционерами и якобинцами и судьбе постигшей последних. Отчет от 11 ноября т.е. от того дня, когда был закрыт Якобинский Клуб, сообщает нам: «несмотря на оживление отдельных групп, народ спокоен. Сообщения инспекторов о положении в сорока восьми секциях весьма удовлетворительны. Большая часть мастерских, именно в предместьи Сент-Антуан, закрыта по причине празднования прежнего дня св. Мартина. В то время, как вокруг Конвента волнуется масса народу, рабочий трудится, или предаётся тихой радости» (стр.233).

Но как могло появиться у якобинцев такое игнорирование нужд широких масс населения, такое равнодушие к их интересам, чем нам это объяснить? Причины такого явления коренятся в известной зажиточности слоев, поставляющих кадры рядовых якобинцев (вспомним ропот, которым они встретили предложение о повальных обысках), в интеллигентском составе их вождей²⁴) и, наконец, в том, что, благодаря особой напряженности политической борьбы, благодаря постоянной фракционной грызне, следующим один за другим переворотам, якобинцы сделались политиками по специальности, в политике они видели альфу и омегу своего существования. Политические шоры совершенно закрыли от них все явления общественной жизни другого порядка. Несомненно, на их вождах, помимо того, отражалась работа в «бюрократических», хотя бы и революционных, учреждениях, но мало доступных, в особенности в условиях режима узкой диктатуры, воздействию широких масс трудового населения. В результате всего этого произошло то, что понадобилось закрытие Клуба и еще несколько месяцев реакции для того, чтобы приблизить якобинцев к массам, населявшим предместья, и заставить их выступить совместно с ними. Это явление и имело место через пять месяцев, в пререальские дни, когда во главе движения предместий стала якобинская секция Лепэлетье, а требования ворвавшихся в Конвент толп народа были поддержаны якобинцами Роммом и Гужоном.

6

Понимали ли якобинцы, кто являлся их врагами, понимали ли они, что представляла собою враждебная им группа правых термидорианцев? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Что ядро их новых врагов составляет возродившаяся крупная буржуазия, выросшая, как гриб, на военных поставках, злоупотреблениях, спекуляции и нарушении революционных законов — они представляли очень ясно. Недаром этих своих врагов якобинцы помимо названий «контр-революционеры», «аристократы» «модеранты», клеймили наименованием «расхитители народного имущества». Девятого сентября Каррье, выступая против «Избирательного Клуба», который он считал контр-революционным говорил: «во главе умеренных и расхитителей общественного достояния, после девятого термидора стала новая партия»...

²⁴ Фэйо, Каррье, Амар, Вулан, Барер и Дюваль — были адвокатами, Вадье и Буэн — судейскими чиновниками. Шаль был профессором риторика, Ромм — домашним учителем, Билло-Варен — инспектором одного колледжа, Бурдон — содержателем частного пансиона, Гужон — публицистом, Крассу — священником, Дюгэм — доктором и Колло Д'Эрбуа — артистом. Что касается состава массы членов общества, то, как мы знаем, он 9 термидора был в своем большинстве робеспьеристским, таким же, видимо он остался и после 9 термидора. Ведь даже видные робеспьеровцы не все были казнены, некоторые будучи 9 термидора в отсутствии, например, Левассер, уцелели, а большинство рядовых членов общества и подавно сохранили свою жизнь, между тем вступлений новых членов в общество после 9 термидора почти не наблюдается и число их за вычетом нескольких десятков казненных оставалось прежним 6—8 сотен чел. (VI, 512).

В ответе депутации одной из секций президент Общества сказал: «Расхитители общественного блага находятся в группах, поддерживающих умеренных, это те, кто хочет восстановить Конвентскую правую — вожди наших врагов»...

Выступая по поводу одного из многочисленных рассылаемых якобинцами адресов, Крассу обратил внимание на опущение в этом адресе слова «равенства» и высказал мнение, что в настоящий момент, «когда проповедуются максимумы, противоположные равенству, невозможно изъять из адреса это слово». «Сегодня утром, прибавил Крассу, было сказано, что один миллион людей дает возможность кормиться двадцати четырем миллионам других людей, составляющих республику. Это заявление бесспорно губительно для равенства, невозможно, чтобы в чистой демократии 25.000.000 чел. зависели от того, чтобы трудолюбивое население было в своего рода кабале у нескольких человек, имеющих состояние, полученное ими благодаря интриге, случаю, или хищению... Якобинцы, всегда защищающие права народа, освятив права каждого, поставили всех на свое место для того, чтобы неимущая партия трудящихся не находилась в зависимости от партии праздных богачей. Якобинцы должны наблюдать, чтобы подобная система не была установлена».

В том же адресе, по поводу которого была произнесена эта речь, мы находим такое место: «как же мы столь бессовестно оклеветаны людьми, запятнанными кровью, расхитителями общественного достояния, соучастниками Орлеана и Дантона...»

Также точно охарактеризованы враги якобинцев Гарнье из Сента, он утверждал, что большинство Конвента думает одинаково со всеми патриотами и что в нем существует не больше полутора или двух десятков интриганов и расхитителей общественного достояния (VI, 435, 475, 490—91, 496).

На одном заседании в конце сентября член Общества и депутат Конвента Одуэн произнес одну из самых горячих речей когда-либо произносимых с трибуны Общества. В этой речи он задавал такой вопрос: «но кто же эти «честные люди», так называемые господа — это профессиональные бездельники, отвечал он, богатые, благодаря получению наследства, или миллионеры, благодаря хищениям, низостям и преступлениям, неумолимые эгоисты, извращенные сибариты... Эти «честные люди» — аристократы всех оттенков, умеренные, снисходительные и, наконец, пресловутый миллион отцов — кормильцев народа» (VI, 526).

Как мы видим, якобинцам нельзя отказать в ясности понимания социальной подоплеки выступавшей против них партии. Почему же тогда они не вступили в союз с группами, стоящими на противоположных ступенях социальной лестницы, с населением предместий, с представителями этих двадцати пяти миллионов «партии неимущих трудящихся».

Но таково уж промежуточное положение социальной группировки мелкой буржуазии, она должна колебаться между двумя классами: классом имущим, крупной буржуазии и классом неимущих трудящихся, причем всякий раз, когда ее мелкой буржуазной собственности грозит не только опасность, но даже тень опасности мелкая буржуазия бросается в объятия буржуазии крупной...

Поэтому то якобинцы считали своим долгом отмежеваться от групп, представляющих интересы неимущего трудового населения Парижа, та. объявить о том, что они, якобинцы не измышляют никаких посягающих на частную собственность проектов. «Пусть нам не говорят, что наша цель — ограбление богачей, заявлял в уже упомянутой нами речи Одуэн²⁵, пусть они сохраняют свои богатства, нажитые дурными или хорошими способами. Народ ничего не просит, кроме работы и хлеба, и он умеет довольствоваться этим...» (VI, 528).

Сергей Михайлович Моносов

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

Харьков: «Пролетарий». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2003

²⁵ Одуэн имел бакалейную торговлю, т.е. был типичным представителем мелкой буржуазии.

Олар в главе посвященной «мнениям и партиям после девятого термидора» в «Политической Истории французской революции» — говорит: «Ясно было, что существовало две враждебных партии... но нельзя было различить двух отдельных программ». С этим заявлением почтенного французского историка никак нельзя согласиться: во-первых, о двух партиях можно говорить только в отношении Конвента, что, правда, и имеет в виду наш историк. Но вне Конвента можно смело утверждать существование трех партий: правых термидорианцев — выразителей взглядов возродившейся крупной буржуазии, якобинцев — представителей мелкой буржуазии и партии трудящейся бедноты, партии защищавшей интересы бедных ремесленников и наемных рабочих, населявших предместья Парижа. Во-вторых, все эти три партии имели свои программы, правда, неписанные, но весьма отчетливо усвоенные и весьма твердо защищаемые представителями каждой из этих групп.

За сохранение Status quo, за оставление революционного правительства и террористического режима таким, каким он был до 9 термидора, стояли представители мелкой буржуазии. Для нее террористический режим был единственным средством удержаться под напором буржуазии крупной, использовавшей войну и революцию для укрепления своей экономической базы. Напротив, положение буржуазии мелкой не только не укрепилось, но вследствие бедствий войны и революции пошатнулось и она теперь кроме оружия чисто политического террора ничего не могла противопоставить экономической мощи своего противника.

Напротив, буржуазия крупная желала смятения террористического режима, ослабления революционного правительства²⁶ и замены его, но, конечно, не демократией, а буржуазной республикой, как это и имело место впоследствии, такой буржуазной республикой, которая обеспечивала бы крупной буржуазии полную возможность наживы и накопления богатств, сохраняя в то же время за ней все полученные от революции блага.

Третья партия, представляемая клубами предместий и Избирательным Клубом, желала замены революционного правительства демократией, ибо она, как надеялись сторонники этой партии, должна была осуществить те социальные чаяния трудящейся бедноты, которые, оказалось, не в состоянии осуществить руководимое якобинцами революционное правительство. Словом, требования этой группы и в 94 году, как и позднее, в 95, можно свести к лозунгу — «хлеба и конституции 93 года».

Промежуток времени в три с половиной месяца, промежуток времени, протекший от 9 термидора до закрытия Якобинского Клуба и явившийся предметом рассмотрения настоящей работы, и был заполнен борьбой всех трех указанных партий за осуществление их неписанных программ.

Сергей Михайлович Моносов

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА

Харьков: «Пролетарий». 1925

Vive Liberta и Век Просвещения, 2003

²⁶ «Враги народа, это те, кто требует революционного правительства в перчатках» — говорилось в одном адресе, направленном якобинцам из армии (VI, 511).